

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

19

Москва 2011

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Главный редактор:

Леокадия Дробижева

Редакционная коллегия:

Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Юрий Батулин

Эмиль Паин

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: г. Волгоград. Памятник Ленину на набережной Волго-Донского канала. Фото Екатерины Алексеевой

Адрес редакции:

119034, Москва, Хилков переулок, дом 2, строение 5

ОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:

123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 927-0275; 695-1139; 695-1168

Электронный адрес:

katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

Содержание

<i>К читателю</i>	5
Парадоксы постсоветского развития: к 20-летию образования новых независимых государств	
<i>Владимир Папава</i> Экономические успехи постреволюционной Грузии: мифы и реальность	7
<i>Андрей Казанцев</i> Многовекторность внешней политики и геополитическая неопределенность в Центральной Азии	19
<i>Сергей Простаков</i> Украина: борьба за память versus национальное единство	31
<i>Элла Памфилова</i> Текущее состояние гражданского общества как отражение парадоксов современной России	39
<i>Вячеслав Попков</i> Русскоязычные пространства за рубежом: специфика формирования и основные особенности	45
Возможно ли в России правовое государство?	
VII Старовойтовские чтения: выступления Георгия Сатарова, Льва Иванова, Игоря Клямкина, Льва Гудкова, Эмиля Паина, Владимира Кржевова и Андрея Медушевского	57
Проблемы обеспечения межэтнического согласия в России	
Круглый стол: выступления Леокадии Дробижевой, Виктора Шнирельмана, Эмиля Паина, Юрика Арутюняна, Ирины Семененко, Владимира Мукомеля, Марии Мчедловой, Игоря Кузнецова и Ивана Сухова	85
Научная жизнь	
Календарь событий осени – зимы 2010/2011 года	106
Совет Товарищества выпускников Института Кеннана	109

Проекты и программы

Программа Фулбрайта-Кеннана 110

Книги

Дилеммы разнообразия: американский и российский взгляд 111

Дмитрий Моренков
Шестьдесят лет в поисках одиночества 120

Книжная серия «Открывая Россию» – победитель Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы 124

Summaries 125

Приглашаем авторов к сотрудничеству 127

К читателю

В этом году граждане 15 государств, образованных после распада Советского Союза, отмечают двадцатилетие своего существования в новых геополитических и социально-экономических условиях. В одних республиках элиты хотели убежать из СССР, другие были вытолкнуты из него силою обстоятельств, но все эти страны сделали «День независимости» (по-разному называемый) своим главным государственным праздником. Однако парадоксальным образом и спустя 20 лет ностальгия по Советскому Союзу сохраняется у немалой части граждан новых независимых государств. Об этом свидетельствуют недавние опросы нескольких уважаемых социологических центров, указывающих, впрочем, и на тенденцию ослабления этой ностальгии с каждым годом, отделяющим нас от распада СССР. Вероятно, эти чувства окончательно исчезнут со сменой поколений. Сегодня уже далеко не каждый российский, а тем более таджикский школьник сходу ответит, как расшифровывается аббревиатура крупнейшей мировой державы XX века.

Вместе с тем граждане новых независимых государств все еще сравнивают свое нынешнее положение с тем, какое было в советский период. Даже в Литве, являющейся членом ЕС, согласно опросам The Pew Research Center, 48% респондентов в 2009 году полагали, что экономическое положение ухудшилось по сравнению с советскими временами, а 78% утверждали, что променяли бы демократические ценности на материальное благосостояние. Эти материалы подтверждают выводы ряда социологов, прежде всего Рональда Инглхарта, о том, что у населения большинства посткоммунистических стран преобладают ценности простого выживания (Survival) и экзистенциальной безопасности (Existential Security). При такой структуре ценностей бывшие советские

люди готовы отказаться от каких-то новых, еще неосвоенных элементов жизни, например демократии, в пользу привычного благополучия и порядка, зачастую мнимых. Эти исследования показывают, что воспроизводство элементов советской политической и социально-культурной системы в России не является уникальным, оно характерно в разной мере для большинства постсоветских стран. Во всех этих странах освоение реальной независимости и политической самоуправляемости оказалось процессом более длительным и сложным, чем предполагалось, но все же поступательным и безвозвратным.

Для ученых-обществоведов вопросы о прочности ностальгических настроений, о плохой приживаемости новых институтов и устойчивости старых, а также о перспективах дальнейшей трансформации рассматриваемых стран представляют значительный научный интерес. Приближающийся юбилей «развода» членов бывшей семьи «братских республик» становится важным поводом для подведения некоторых итогов пережитой эпохи. Не претендуя на полноту освещения этой всеобъемлющей темы, наш журнал вносит свою лепту в обсуждение различных аспектов противоречивого развития постсоветских стран за прошедшие два десятилетия. Эта тема будет продолжена в следующем, осеннем выпуске «Вестника», а также на VIII Старовойтовских чтениях, которые состоятся в ноябре.

В этом номере читатель найдет статьи по Грузии, Украине, государствам Центральной Азии и, конечно же, России. Владимир Папава обращает наше внимание на опасную смесь неолиберальных и необольшевистских тенденций в реформировании современной Грузии. Андрей Казанцев вскрывает причины геополитической неопределенности, в которой с момента распада СССР пребывают государства Центральной Азии и которая, по

мнению автора, тормозит решение многочисленных проблем региона. Сергей Простаков анализирует парадоксы манипулирования исторической памятью граждан Украины. Политическая элита Украины создает новые исторические нарративы в целях сплочения нации, но в реальности искусственные исторические конструкты и символы зачастую усиливают раскол между регионами. В статье представлен и сравнительный анализ успехов и неудач процесса «десталинизации» в России и Украине. Вячеслав Попков дает информацию об особенностях четырех волн эмиграции из нашей страны, в том числе и той из них, которая сформировалась после распада Союза.

Элла Памфилова анализирует состояние гражданского общества в России, делая вывод о нарастании качественных перемен в развитии общественных процессов. Недавнее исследование перспектив гражданского общества в России, проведенное Левада-Центром, действительно фиксирует некоторый рост гражданской активности в крупных городах, правовой грамотности населения, готовности защищать свои права в случае их нарушения. Однако в целом, согласно данным этого исследования, общественная сфера остается разрозненной. По-прежнему широко распространены настроения пессимизма и растерянности. Судьба российского гражданского общества пока не определена.

Развитие гражданского общества и комплексная модернизация России тормозятся в условиях почти тотальной коррупции, отсутствия разделения властей, независимой судебной системы. Каковы пути преодоления этого состояния общества? На эту тему размышляют участники VII Старовойтовских чтений, посвященных проблемам построения правового государства в нашей стране. Состоявшаяся дискуссия позволяет сделать вывод о том, что

стартовым условием формирования правовой культуры общества является создание определенной институциональной среды. Однако вне неформальных практик, а шире, без определенного социально-культурного климата современная правовая система утвердиться не может.

Серьезную угрозу для российского общества сегодня создают накопившиеся этнополитические проблемы, открытым проявлением которых стали события на Манежной площади в конце 2010 года. Своими представлениями о том, как поддерживать согласие и взаимопонимание в поликультурном пространстве нашей страны, на страницах журнала делятся ученые и практики, принявшие участие в заседании Научного совета по этнонациональной политике при Отделении общественных наук Президиума РАН. Предметом обсуждения были теоретические вопросы – что такое политическая нация, российская идентичность, какой должна быть политика в отношении российских национальностей и прибывающих инокультурных иммигрантов. Обобщались и современные практики, результаты деятельности НКО, церковных общин, молодежных организаций. Наиболее согласованным было мнение о необходимости формирования политической нации, развитие которой способно потеснить монополию так называемых «аскриптивных» идентичностей (этнической, религиозной, расовой).

Мы надеемся, что материалы представленного номера послужат объективному отражению противоречивых процессов, которые происходят на постсоветском пространстве, и будут способствовать поиску моделей общественного развития, в наибольшей мере отвечающих интересам граждан новых независимых государств.

Редколлегия

Парадоксы постсоветского развития: к 20-летию образования новых независимых государств

Экономические успехи постреволюционной Грузии: мифы и реальность

«**Р**еволуция роз», произошедшая в ноябре 2003 года, была одним из наиболее значительных событий на постсоветском пространстве в начале третьего тысячелетия¹. Сегодня ее результаты оцениваются более адекватно, чем в первые послереволюционные годы². При этом отрезвление от «революционного опьянения» в самой Грузии происходило быстрее, нежели на Западе, что вполне объяснимо: ее граждане на себе испытали все «прелести» революции, в то время как иностранцы и по сей день нередко желаемое принимают за действительное³. Тем не менее даже те аналитики, которые были априори настроены положительно в отношении лидеров революции, не могли закрыть глаза на некоторые недемокра-

¹ См., напр.: *Ascherson N.* After the Revolution // London Review of Books. 2004. Vol. 26. No. 5. March 4 [http://www.lrb.co.uk/v26/n05/neal-ascherson/after-the-revolution]; *Coppieters B., Legvold R.* (eds.). Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution. Cambridge: The MIT Press, 2005; *Fairbanks Jr. Ch. H.* Georgia's Rose Revolution // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. Vol. 2; *Karumidze Z., Wertsch J.V.* (eds.). "Enough." The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003. New York: Nova Science Publishers, 2005; *King Ch.* A Rose Among Thorns // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. No. 2; *Miller E.* Smelling the Roses: Eduard Shevardnadze's End and Georgia's Future // Problems of Post-Communism. 2004. Vol. 51. No. 2; *Welt C.* Georgia: Consolidating the Revolution // Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. 2004. April 6 [http://www.csis.org/media/csis/pubs/ci.consolidatingrevolution.04.06.05.pdf].

² *Mitchell L.A.* Democracy in Georgia Since the Rose Revolution // Orbis. A Journal of World Affairs. 2006. Vol. 50. No. 4; *Papava V.* The Political Economy of Georgia's Rose Revolution // Orbis. A Journal of World Affairs. 2006. Vol. 50. No. 4.

³ *Areshidze I.* Democracy and Autocracy in Eurasia: Georgia in Transition. East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 2007.

Владимир Георгиевич Папав,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент Национальной
академии наук Грузии,
Senior Fellow at the Georgian Foundation
for Strategic and International Studies,
главный научный сотрудник
Института экономики имени
Паата Гугушвили Тбилисского
государственного университета имени
Иванэ Джавахишвили; был министром
экономики (1994–2000) и членом
парламента Грузии (2004–2008)

тические тенденции развития Грузии (например, на подчинение судебной системы правительству)⁴.

События 7 ноября 2007 года, когда правительство жестоко расправилось с демонстрантами, способствовали более критическому отношению к грузинским властям⁵. Если после «революции роз» отмечалось, что правящий режим сочетает в себе демократические и авторитарные элементы⁶, то после ноябрьских событий он уже оценивался как близкий к антидемократическому⁷. К настоящему времени Грузия, так же как Россия и Армения, относится к группе т.н. гибридных государств⁸.

Что касается реформирования экономики Грузии, то в этой сфере накопился значительный опыт – как позитивный, так и негативный.

Как известно, любая область общественной жизни подвержена мифотворчеству. Экономика не исключение: здесь существует достаточно много мифов, и в обязанности ученых-экономистов входит их развенчание⁹.

В отношении постреволюционной Грузии также накопилось множество мифов,

которые, как правило, создают политики и распространяют СМИ. В последнее время появляются публикации, которые помогают избавиться от заблуждений и стереотипов¹⁰, в том числе связанных с экономическими реформами¹¹.

Цель данной статьи – выявление реальных успехов постреволюционного реформирования экономики Грузии и развенчание основных мифов вокруг этих реформ. Для этого прежде всего необходимо вкратце охарактеризовать предреволюционное развитие экономики страны, что поможет лучше понять, какие задачи стояли перед революционными лидерами после их прихода к власти.

Предреволюционное экономическое развитие независимой Грузии

Экономическое развитие Грузии за 1991–2003 годы, которое характеризуется как определенными успехами реформ, так и множеством серьезных ошибок¹², мы предлагаем условно разбить на три периода: период пренебрежения экономикой, период целенап-

⁴ Jones S.F. The Rose Revolution: A Revolution without Revolutionaries? // Cambridge Review of International Affairs. 2006. Vol. 19. No. 1.

⁵ Lansky M., Areshidze G. Georgia's Year of Turmoil // Journal of Democracy. 2008. Vol. 19. No. 4; Mitchel L. What Was the Rose Revolution For? Understanding the Georgian Revolution // The Harvard International Review. 2008. February 27 [http://hir.harvard.edu/what-was-the-rose-revolution-for]; Papava V. Georgia's Hollow Revolution: Does Georgia's Pro-Western and Anti-Russian Policy Amount to Democracy? // The Harvard International Review. 2008. February 06 [http://hir.harvard.edu/georgia-s-hollow-revolution?page=0,0].

⁶ Nodia G. The Dynamics and Sustainability of the Rose Revolution // Emerson M. (ed.) Democratization in the European Neighborhood. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2005 [http://www.quebec.ca/observgo/fichiers/57785_1267.pdf].

⁷ Jones S. Reflections on the Rose Revolution. A Tale of Two Rallies // The Harvard International Review. 2008. March 16 [http://hir.harvard.edu/reflections-on-the-rose-revolution?page=0,0].

⁸ Democracy Index 2010. Democracy in Retreat. A Report from the Economist Intelligence Unit [http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf].

⁹ См., напр.: Гурьев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. Москва: Юнайтед Пресс, 2010; Hicks R.E., Klages W.J., Raffa F.A. Economics: Myth, Method, or Madness. Berkeley, California: Mr. Cutchan Publishing Corporation, 1971; Mishan E.J. Economic Myths and the Mythology of Economics. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International, 1986.

¹⁰ См., напр.: Applebaum A. Getting Past Mythmaking in Georgia // Washington Post. 2008. November 20 [http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/11/19/AR2008111903533.html]; Mitchel L. Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009; Roubanis I. Georgia's Pluralistic Feudalism: A Frontline Report // openDemocracy. 2009. July 3 [http://www.opendemocracy.net/article/georgia-pluralistic-feudalism#].

¹¹ См., напр.: Papava V. Anatomical Pathology of Georgia's Rose Revolution // Current Politics and Economics of the Caucasus Region. 2009. Vol. 2, Issue 1; Rukhadze I., Hauf M. The Georgian Economy Under Saakashvili // The Financial. 2009. April 21 [http://www.finchannel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=35088&Itemid=13].

¹² Khaduri N. Mistakes Made in Conducting Economic Reforms in Postcommunist Georgia // Problems of Economic Transition. 2005. Vol. 48. No. 4.

равленного реформирования и период роста коррупции.

Период пренебрежения экономикой (1991 – первая половина 1994 года) ознаменовался почти трехкратным падением производства, гиперинфляцией (так, в 1993–1994 годах уровень инфляции составлял 50–70% в месяц)¹³. Грузинский купон – временная валюта, введенная в обращение весной 1993 года, – обесценивался такими высокими темпами, что единственным товаром, который можно было купить на него, был хлеб, так как он производился в основном в государственном секторе и цены на него устанавливались на искусственно заниженном уровне. В результате в обращении использовался российский рубль.

В 1993–1994 годах у страны не было заблаговременно принятого государственного бюджета, государственные расходы утверждались парламентом поквартально, основным источником доходов государственного бюджета были эмиссионные кредиты Национального банка Грузии (НБГ) правительству, а коммерческие банки без какого-либо ограничения работали в режиме овердрафт.

Единственным значительным шагом в направлении рыночной экономики можно считать либерализацию цен (кроме цен на хлеб), проведенную в 1992 году, что из-за вышеотмеченных недостатков финансовой системы (отсутствие государственного бюджета и бесконтрольная эмиссия денег) привело к существенному спаду производства, высоким темпам инфляции и чрезмерному обесцениванию национальной валюты¹⁴.

Со второй половины 1994 года правительство Грузии отказывается от не-

простительного пренебрежения закономерностями экономики. Начинается *период целенаправленного реформирования*¹⁵, который продолжается до конца 1998 года.

Первые шаги были связаны с повышением цен на хлеб, прекращением неограниченного кредитования правительства эмиссионными деньгами НБГ и исключением возможности работы коммерческих банков в режиме овердрафт. В результате была приостановлена как гиперинфляция, так и дальнейший спад производства. С 1995 года Грузия имеет утвержденный парламентом государственный бюджет. Осенью 1995 года была успешно проведена денежная реформа. Новая национальная валюта – лари – заменила в обращении не только грузинский купон, но и российский рубль.

Путем постепенного повышения цен на хлеб и параллельной приватизации системы хлебопродуктов к лету 1996 года цены на хлеб были полностью либерализованы.

Все эти реформы проводились в тесном сотрудничестве с Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком¹⁶.

В результате с 1995 года в Грузии начинается экономический рост. Страна выходит из гиперинфляционной спирали.

Особое испытание Грузии пришлось выдержать осенью 1998 года, когда из-за августовского дефолта, произошедшего в России, начал обесцениваться лари. При отсутствии контролируемой грузинскими властями границы с Россией на югоосетинском и абхазском участках контрабанда дешевых (из-за дефолта) российских товаров, а также использование

¹³ Gurgenidze L., Lobzhanidze M., Onoprishvili D. Georgia: From Planning to Hyperinflation // Communist Economies & Economic Transformation. 1994. Vol. 6. No. 2.

¹⁴ Папава В., Беридзе Т. Проблемы реформирования грузинской экономики // Российский экономический журнал. 1994. № 3.

¹⁵ Папава В., Беридзе Т. Экономические реформы в Грузии // Российский экономический журнал. 1998. № 1; Папава В. О ходе реформ и перспективах развития экономики Грузии // Общество и экономика. 1998. № 2; Папава В. The Georgian Economy: Problems of Reform // Eurasian Studies. 1995. Vol. 2. No. 2; Папава В. The Georgian Economy: From "Shock Therapy" to "Social Promotion" // Communist Economies & Economic Transformation. 1996. Vol. 8. No. 8.

¹⁶ Папава В. On the Role of the International Monetary Fund in the Post-Communist Transformation of Georgia // Emerging Markets Finance & Trade. 2003. Vol. 39. No. 5.

российских военных баз для переброски в Грузию обесцененных рублей способствовали перекачиванию долларов США с грузинского рынка на российский. В результате лари девальвировал на 70%, однако разумные шаги, предпринятые правительством и НБГ, не дали обанкротиться ни одному из коммерческих банков в тот тяжелейший период¹⁷.

С 1999 года президент Грузии Эдуард Шеварднадзе все меньше прислушивается к мнению специалистов, при этом в состав правительства приглашаются некомпетентные и явно коррумпированные лица. Начинается *период роста коррупции*.

Из-за широкомасштабной коррупции в энергетике подача электроэнергии в Грузии с середины осени до середины весны производилась в течение нескольких часов в сутки. Ситуация в Тбилиси была значительно лучше, однако в некоторых районах страны электричества в зимнее время не было вовсе, а в летнее время оно подавалось с существенными ограничениями.

В этот период набирает силу бюджетный кризис¹⁸, начавшийся еще в 1998 году, когда фактические доходы государственного бюджета стали значительно отставать от запланированного уровня. В 1999 году они составили около 70% от запланированного уровня. Этот процесс длился до 2003 года.

Примечательной особенностью грузинского бюджетного кризиса является т.н. «бюджетная война» между центром и регионом (Аджарской автономной республикой), которая продолжалась около десяти лет. Власти автономной республики не перечисляли в центральный бюджет законом установленную часть налоговых доходов, собранных на ее территории. Согласно заявлениям руководства автономии, вызвано это было недополучением причитающихся республике трансфе-

ров из центрального бюджета. Из-за этой «войны» страдал центральный бюджет и практически все регионы Грузии недополучали трансферы, что еще более обостряло бюджетный кризис.

Для того чтобы создать видимость исполнения доходной части бюджета, представители властей прибегали к разного рода махинациям. Широко практиковались такие методы, как предварительное изымание налогов с фирм, «прокрутка» бюджетных средств из одних статей в другие, возвращение уплаченных бюджету средств соответствующему налогоплательщику на основе фальсифицированных документов, фиктивные взаимозачеты, искусственное завышение цен на государственные закупки и т.д.

В 2002 году свою программу в Грузии приостановил МВФ, что было результатом, с одной стороны, неспособности правительства страны принять реалистичный государственный бюджет и выполнить его, а с другой – сворачивания практически всех реформ по демократизации общества и формированию рынка.

В июне 2003 года президент Шеварднадзе своим указом утвердил Программу экономического развития и преодоления бедности Грузии¹⁹, рассчитанную на 2003–2015 годы, которая разрабатывалась правительственными организациями совместно с представителями неправительственного сектора и академических кругов Грузии, с привлечением экспертов из международных организаций и стран-доноров. К сожалению, из-за отсутствия политической воли правительство не смогло даже начать реализацию этой программы, что до крайности осложнило отношения с МВФ и другими международными донорами.

В результате провалов правительства по всем направлениям бюджетного процесса разрыв в государственном бюджете 2003 года составил порядка 15% от запла-

¹⁷ Панава В. О некоторых ошибках Международного валютного фонда в Грузии // Вопросы экономики. 2002. № 3.

¹⁸ Панава В. Об основных макроэкономических индикаторах «революции роз» в Грузии // Общество и экономика. 2004. № 7–8; Papanava V. Georgia's Macroeconomic Situation Before and After the Rose Revolution // Problems of Economic Transition. 2005. Vol. 48. No. 4.

¹⁹ Economic Development and Poverty Reduction Program of Georgia. Tbilisi: Government of Georgia, 2003.

нированных государственным бюджетом доходов. Суммарная задолженность населению, накопленная в период бюджетного кризиса, в виде невыплаченных зарплат в государственном секторе и пенсий к концу 2003 года достигла 120 млн долл. Из них около 70 млн долл. приходилось на задолженность по пенсиям (при ежемесячной пенсии менее 7 долл.).

В результате уровень бедности в Грузии составил 52%.

Именно обострение социальных проблем стало причиной всеобщего недовольства правлением Шеварднадзе и возникновения в стране революционных настроений.

Постреволюционные экономические достижения

Основной особенностью постреволюционного развития Грузии является сосредоточение власти в президентских руках. В феврале 2004 года по инициативе президента Михаила Саакашвили парламент путем введения института кабинета министров изменил конституционную модель страны. На этой основе при конфликте между парламентом и правительством президенту было дано право распустить один из них. Такие конституционные изменения значительно ослабили парламент, так как в интересы депутатов никак не входило обострение отношений с правительством.

Усиление президентской и ослабление парламентской власти привело как к положительным (наведение порядка), так и к отрицательным (нарастание авторитаризма) результатам.

Среди положительных последствий необходимо отметить резкое сокращение

численного состава правительства и повышение эффективности его деятельности по установлению финансового порядка в стране. В частности, при существенном ужесточении налогового администрирования были прекращены практически все противоправные действия по фиктивному исполнению доходной части бюджета. В результате в течение 2004 года бюджетный кризис был полностью преодолен. Это послужило главным толчком для возобновления программы МВФ в Грузии²⁰.

После «революции роз» многие ожидали, что взаимоотношения между руководством Грузии и Аджарии улучшатся и «бюджетная война» между ними завершится. В скором времени подтвердилась иллюзорность этих надежд²¹. Однако в результате революции в Аджарии 6 мая 2004 года практически все проблемы во взаимоотношениях центра и этого региона были разрешены, а их «бюджетная война» стала достоянием истории²².

Важные шаги были предприняты в направлении усиления борьбы против криминала, что отразилось и на улучшении предпринимательской среды. Вместе с тем была значительно упрощена система получения лицензий и разного рода разрешений для начала бизнеса²³.

Усиление президентской власти способствовало развертыванию активной борьбы против коррупции. Следует особо отметить упразднение государственной автоинспекции, функционировавшей еще со времен СССР, и создание вместо нее в кратчайшие сроки патрульной полиции западного типа. В итоге традиция взяточничества на дорогах Грузии была полностью искоренена, что укрепило роль страны в системе международных транспортных коридоров²⁴.

²⁰ Панава В. «Розовые» ошибки МВФ и Всемирного банка в Грузии // Вопросы экономики. 2009. № 3.

²¹ Gegeshidze A. Georgia's Regional Vulnerabilities and the Ajaria Crisis // Insight Turkey. 2004. Vol. 6. No. 2; Tsereteli M. The Political Economy of the Ajarian Crisis // Central Asia-Caucasus Institute Analyst. 2004. April 21 [http://www.cacianalyst.org/files/20040421Analyst.pdf].

²² Saakashvili's Ajara Success: Repeatable Elsewhere in Georgia? // International Crisis Group, Europe Briefing. 2004. August 18 [http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UNTC/UNPAN018787.pdf].

²³ Georgia: After Three Years of Licensing Reform. Tbilisi: IFC Georgia Business Enabling, 2008 [http://www.ifc.org/ifcext/georgiasme.nsf/AttachmentsByTitle/LicensingPolicyPaperEng/\$FILE/LicensingPolicyPaper.pdf].

²⁴ См., напр.: Панава В. Об особенностях международной экономической функции Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 2.

Не менее впечатляющими оказались результаты реформирования системы вступительных экзаменов в университеты, которая еще с советских времен отличалась особой коррумпированностью. Экзамены были выведены за пределы высших учебных заведений и стали проводиться на общегосударственном уровне. По мнению населения, это позволило устранить условия для взяточничества при поступлении в университеты.

Значительный рост доходной части государственного бюджета был достигнут в том числе за счет практики денежного выкупа за свободу. Многие подозреваемые в коррупции бывшие должностные лица и их родственники (особенно родственники Эдуарда Шеварднадзе и приближенные к нему лица) были арестованы и выпущены на свободу только после уплаты определенной суммы государству. Формально считалось, что таким образом коррумпированные бюрократы возвращают наворованные деньги в казну, однако не было никаких объяснений, насколько размер выкупа соответствовал ущербу, причиненному государству этими лицами.

В результате борьбы с коррупцией в сфере энергетики начиная с зимы 2006–2007 года электричество стало подаваться на всей территории Грузии.

Правительство инициировало проведение крупномасштабной приватизации²⁵. Значительный успех был достигнут в деле упрощения регистрации прав собственности²⁶. Качественно улучшилась работа гражданского реестра, за счет чего процедура получения гражда-

нами соответствующих официальных документов сильно упростилась.

Среди успехов правительства необходимо отметить и налоговую реформу, в результате которой количество видов налогов сократилось втрое при существенном понижении налогового бремени²⁷.

Однако наряду с реальными достижениями постреволюционного правительства многие преобразования в экономике были сильно мифологизированы.

Основные мифы вокруг экономики Грузии

Миф 1: «Грузия – страна либеральных реформ». Этот статус Грузия приобрела благодаря перечисленным успехам в реформировании экономики. Наряду с сокращением численного состава правительства, снижением налогового бремени, упрощением порядка получения лицензий и разного рода разрешений, необходимых для начала бизнеса, следует отметить и принятие нового трудового кодекса, ограничивающего права работников и существенно расширяющего права работодателей. Такие реформы назывались неолиберальными; подчеркивалось, что они способствуют росту инвестиционной привлекательности страны²⁸.

За счет этих реформ в рейтинге условий ведения бизнеса («Doing Business»), составляемом совместно Международной финансовой корпорацией и Всемирным банком, в 2006 году Грузия с 112-го места переместилась на 37-е, в 2007 – на 18-е, а в 2010 году – на 12-е место²⁹. Естественно, что руководство страны всячески рекламирует это до-

²⁵ Хуцидзе Н. Грузия в ожидании «агрессивной приватизации» // Civil Georgia. 2004. 11 июня [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=5427&search].

²⁶ Reforms and Results // National Agency of Public Registry. Tbilisi: Ministry of Justice of Georgia, 2009.

²⁷ The Tax Appeals System in Georgia. Tbilisi: IFC Georgia Business Enabling, 2008 [http://www.ifc.org/ifcext/georgiasme.nsf/AttachmentsByTitle/TaxAppealsSystemPolicyPaper1Eng/\$FILE/TaxAppealsSystemPolicyPaperPartONE.pdf; http://www.ifc.org/ifcext/georgiasme.nsf/AttachmentsByTitle/TaxAppealsSystemPolicyPaper2Eng/\$FILE/TaxAppealsSystemPolicyPaperPartTWO.pdf].

²⁸ Gurgendze L. Georgia's Search for Economic Liberty: A Blueprint for Reform in Developing Economies // American Enterprise Institute for Public Policy Research, Development Policy Outlook. 2009. No. 2. June [http://www.aei.org/docLib/02%20DPO%20June%202009%20newg.pdf]; Udensiva-Brenner M. Kakha Bendukidze Analyzes Georgia's Economic Strategy: How Georgia Handled Its Economy After the War and the Economic Crisis // At The Harriman Institute. 2010. April 7 [http://www.harrimaninstitute.org/MEDIA/01716.pdf].

²⁹ Doing Business. Economy Rankings. Washington, DC: The World Bank Group, 2010 [http://www.doingbusiness.org/rankings].

стижение. В реальности же ситуация не является столь радужной, как представляется результатами данного рейтинга.

После «революции роз» в Грузии накопилось множество случаев нарушения прав собственности (принуждение силовыми министерствами частных собственников к «добровольному» отказу от собственности или просто разрушение зданий и помещений, находящихся в частной собственности, без судебного решения)³⁰, особенно в отношении грузинских предпринимателей (к иностранным компаниям правительство относится с осторожностью, так как они имеют больше возможностей привлечь внимание на свои проблемы за пределами Грузии³¹). Если к этому добавить отсутствие независимой от политической элиты судебной власти и систематическое грубое вмешательство правительства в бизнес³² (не говоря уже о частых нарушениях прав человека³³), то можно с уверенностью утверждать, что власти не чуждаются использовать некоторые необошевистские³⁴ меры в экономике.

При такой «гремучей смеси» неолиберальной риторики и необошевистского содержания экономических реформ упомянутый рейтинг условий ведения бизнеса сильно приукрашивает грузинскую действительность.

По нашему мнению, к любым рейтингам надо относиться с известной долей осторожности, ибо их результаты во многом определяются той методологией, на основе которой проводится опрос заинтересованных лиц с целью количественной оценки того или иного события, которое

носит преимущественно качественный характер. В этом можно легко убедиться, если для сравнения обратиться к данным рейтинга глобальной конкурентоспособности 2010–2011, составленного Всемирным экономическим форумом³⁵. Согласно этим данным, положение дел в Грузии далеко от благополучного: в целом в рейтинге страна занимает 93-е место, по правам собственности – 116-е, по независимости судебной власти – 104-е, по эффективности антимонопольной политики – 135-е место.

Куда более адекватное представление об экономическом состоянии страны дают не различного рода рейтинги, а статистическая информация, свидетельствующая о том, что граждане Грузии находятся в достаточно тяжелом положении. Ведь даже по официальным данным, ниже уровня бедности, при 60% от медианного потребления (т.е. потребления «средней» семьи), в Грузии живет более 20% населения. Согласно экспертным оценкам, у 86% населения есть серьезные социальные проблемы³⁶.

Миф 2: «Грузия – страна, свободная от коррупции». В связи с тем, что сразу после «революции роз» началась широкомасштабная борьба против коррупции, которая привела к успехам в бюджетной сфере, электроэнергетике и деятельности патрульной полиции, не без участия правительства начал культивироваться миф о том, что страна полностью освободилась от коррупции.

Массовую коррупцию и вправду удалось свести до минимума. Куда сложнее обстоит дело с элитарной коррупцией,

³⁰ The Big Eviction. Violations of Property Rights in Georgia. Tbilisi: Human Rights Information and Documentation Center, 2008 [http://www.humanrights.ge/admin/editor/uploads/files/Big%20Eviction.pdf].

³¹ См., напр.: Kellogg A. Israeli Businessmen on Trial in Tbilisi // FOX News. 2011. January 11 [http://liveshots.blogs.foxnews.com/2011/01/11/israeli-businessmen-on-trial-in-tbilisi/].

³² Rukhadze I., Hauf M. The Georgian Economy Under Saakashvili.

³³ One Step Forward, Two Steps Back. Human Rights in Georgia After the “Rose Revolution.” Tbilisi: Human Rights Information and Documentation Center, 2004 [http://www.humanrights.ge/files/REPORT.pdf]; Georgia: A Flickering Beacon of Democracy. Human Rights in Georgia in 2007. Tbilisi: Human Rights Information and Documentation Center, 2007 [http://www.humanrights.ge/admin/editor/uploads/pdf/Annual%20Report%20HRIDC%202008.pdf].

³⁴ Оппозиция обеспокоена фактами «нарушения прав на собственность» // Civil Georgia. 2007. 29 января [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=12903&search].

³⁵ Global Competitiveness Report 2010–2011. Geneva: World Economic Forum, 2011 [http://gcr.weforum.org/gcr2010/].

³⁶ Гиорхелидзе Д. Социальное положение: существующие проблемы // Кавказский акцент. 2010. № 10. С. 40.

которая из примитивного взяточничества трансформировалась в более сложные формы. Как ни странно, этому способствовало как раз начало активной борьбы против коррупции. В частности, когда подозреваемые в коррупции бывшие должностные лица и их родственники платили выкуп за свою свободу, он не полностью поступал в государственный бюджет. Фактически сразу же после «революции роз» при силовых структурах (государственная прокуратура, министерство внутренних дел, министерство обороны) были созданы внебюджетные фонды, куда и перечислялась часть средств. Так как эти фонды не подлежали никакому контролю, неизвестно, какие суммы в них были аккумулированы и как они были израсходованы.

Очевидно, что такая мера, как сбор выкупа за свободу, носит разовый характер. В лучшем случае ее можно использовать повторно, но с меньшими результатами. Поэтому в дальнейшем бизнесменов стали заставлять делать пожертвования в эти фонды. Только после этого МВФ потребовал от правительства Грузии ликвидировать данные фонды, на что оно согласилось далеко не сразу³⁷.

Практика «добровольных жертвований» со стороны бизнеса по заданию правительства для финансирования общественных мероприятий является характерным элементом постреволюционных коррупционных схем³⁸.

После революции в Грузии начался процесс деприватизации, т.е. пересмот-

ра результатов приватизации, и повторной приватизации. Путем запугивания собственников приватизированного в предреволюционный период имущества представители силовых министерств заставляли их «добровольно» отказываться от собственности в пользу государства³⁹.

Деприватизация таит в себе опасность повторения. Ведь у тех, у кого насильственным путем отобрали собственность, может появиться желание взять реванш, и в случае прихода к власти оппозиционных политических сил страна может быть вовлечена в замкнутый круг постоянной деприватизации⁴⁰.

Что же касается приватизации, то этот процесс можно охарактеризовать как непрозрачный, что создает плодотворную почву для коррупции⁴¹.

Миф 3: «Грузия – страна европейской ориентации». Грузия и до «революции роз» не скрывала своей западной ориентации⁴², но в постреволюционный период ее евро-атлантический выбор стал еще более отчетливым. Особенно подчеркивалось стремление войти в НАТО. Не скрывались и амбиции вступления страны в ЕС.

Брюсселем были сделаны значительные шаги по налаживанию и углублению сотрудничества с некоторыми постсоветскими странами, в том числе и с Грузией. Так, с 2004 года Грузия тесно сотрудничает с ЕС в рамках европейской политики соседства (European Neighborhood Policy), с 2007 года – в

³⁷ Anjaparidze Z. Georgian Government Questioned about Secret Funds // Eurasia Daily Monitor, The Jamestown Foundation. 2006. Vol. 3. Issue 71. April 12.

³⁸ Хуцидзе Н. Положительные и отрицательные штрихи правления «розовых» властей в течение года // Civil Georgia. 2004. 1 ноября [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=6439].

³⁹ Народный защитник предстал перед парламентом с докладом за 2006 год // Civil Georgia. 2007. 25 мая [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=13613&search].

⁴⁰ Papava V. Corruption and Primary Accumulation of Capital in Transitional Economies // Ludwig von Mises Institute Working Papers. 2006. October 17 [http://www.mises.org/journals/scholar/papava.pdf].

⁴¹ Gujaraidze N., Barbakadze M., Gujaraidze K., Mchedlishvili R., Kakhaber K. Aggressive State Property Privatization Policy on “Georgian-Style Privatization”. Tbilisi: Green Alternative, OSI, 2007 [http://www.greenalt.org/webmill/data/file/publications/Privatizeba-Eng4.pdf]; Gujaraidze N. Aggressive State Property Privatization Policy on “Georgian-Style Privatization”-2. Tbilisi: Green Alternative, OSI, 2010 [http://www.greenalt.org/webmill/data/file/publications/privatization_report_GA_2010(1).pdf].

⁴² Нап., Rondeli A. The Choice of Independent Georgia // Chufirin G. (ed.) The Security of the Caspian Sea Region. New York: Oxford University Press, 2001.

рамках инициативы Черноморской синергии (Black Sea Synergy), а с 2009 года – в рамках инициативы Восточного партнерства (Eastern Partnership)⁴³.

Формально Грузия активно пропагандирует свою европейскую ориентацию, но как только дело доходит до реальных шагов, решения правительства носят, мягко говоря, неадекватный характер.

Так, после российско-грузинского вооруженного конфликта августа 2008 года в рамках поддержки Грузии со стороны ЕС уже 1 сентября 2008 года в Брюсселе состоялось заседание Чрезвычайной комиссии ЕС, на котором Грузии было предложено достижение режима свободной торговли с Евросоюзом при выполнении определенных условий, необходимых для объединения экономических пространств⁴⁴. В частности, Брюссель потребовал от Тбилиси принятия антимонопольного законодательства европейского типа (антимонопольное регулирование в Грузии было упразднено после «революции роз»), введения в действие законодательства о продовольственной безопасности (после революции оно было приостановлено) и изменения трудового законодательства таким образом, чтобы права работающих по найму были защищены. Хотя формально Тбилиси приветствовал это предложение Брюсселя, уже через несколько дней правительство Грузии подписало меморандум с МВФ, в котором взяло на

себя обязательство в ближайшее время не проводить эти институциональные реформы⁴⁵. Как известно, МВФ в основном фокусируется на сохранении макроэкономической стабильности, а институциональными реформами, как правило, занимается Всемирный банк. Таким образом, можно заключить, что соответствующая запись в меморандуме была сделана по инициативе правительства Грузии, а не МВФ.

Только с 2011 года возобновлено действие законодательства о продовольственной безопасности, пока идут лишь споры о написании проекта антимонопольного закона, а об изменениях трудового законодательства речи и вовсе нет.

В январе 2009 года была принята Хартия о стратегическом партнерстве между США и Грузией, в которой говорится о возможности заключения соглашения о свободной торговле⁴⁶. При этом если условия Брюсселя для достижения режима свободной торговли хотя бы известны, то по прошествии более чем двух лет Тбилиси практически ничего не предпринял, чтобы хотя бы выяснить условия Вашингтона по аналогичному вопросу.

При этом руководство Грузии все больше «очаровывается» вовсе не Западом, а Востоком. Прежде всего его привлекает опыт Сингапура⁴⁷, а также Дубая и Гонконга⁴⁸. По словам президента Саакашвили, с экономической точки зрения Грузия должна развиваться по модели

⁴³ Напр., *Mkrtchyan T., Huseynov T., Gogolashvili K.* The European Union and the South Caucasus. Three Perspectives on the Future of the European Project from the Caucasus. Europe in Dialogue 2009/01. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2009; *Sekarev A.* European Integration Process of Georgia, the Republic of Armenia and the Republic of Azerbaijan: Achievements, Shortcomings, Challenges // Moving Closer to Europe? Economic and Social Policies in Georgia, Armenia and Azerbaijan. Tbilisi: Centre for Economic Problems Research, 2010 [http://cepr.ge/images/doc/CEPR%20FES%20Book%20ENG.pdf].

⁴⁴ Extraordinary European Council, Brussels, 1 September, 2008, 12594/08. Presidency Conclusions. Brussels: Council of the European Union, 2008 [http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/102545.pdf].

⁴⁵ Georgia: Letter of Intent, Memorandum of Economic and Financial Policies, and Technical Memorandum of Understanding, September 9. Washington, D.C.: The International Monetary Fund, 2008. P. 10 [http://www.imf.org/External/NP/LOI/2008/geo/090908.pdf].

⁴⁶ Хартия о стратегическом партнерстве между США и Грузией // Civil Georgia. 2009. 10 января [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=18483&search].

⁴⁷ См., напр.: Правительство надеется превратить Грузию в глобальный финансовый центр // Civil Georgia. 2008. 28 января [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=15565&search].

⁴⁸ См., напр.: По словам Саакашвили, через 5–7 лет Грузия будет похожа на Дубай // Civil Georgia. 2010. 22 июня [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=20912&search].

Сингапура⁴⁹. «Европейский след» просматривается в лучшем случае в заявлениях типа: «Грузия должна стать Швейцарией с элементами Сингапура»⁵⁰. При этом совершенно не принимаются во внимание существенные расхождения как в экономических моделях этих стран, так и в их институциональном устройстве⁵¹, не говоря уже о том, что модель Сингапура вряд ли пригодна для Грузии⁵² и что такое развитие страны в принципе не соответствует продекларированному европейскому выбору⁵³.

Делая ставку на Сингапур, страну с авторитарным режимом правления⁵⁴, руководство Грузии подчеркивает неолиберальный характер его экономики, и прежде всего отсутствие того регулирования, введения которого от Тбилиси требует Брюссель для предоставления режима свободной торговли⁵⁵. Такое представление об экономике Сингапура далеко от реальности, так как в этой стране в полной мере задействованы институты как продовольственной безопасности⁵⁶, так и антимонопольного регулирования⁵⁷.

Став на путь «сингапуризации», руководство Грузии все больше отдаляет страну от ЕС и в целом от европейского типа устройства экономики⁵⁸.

Миф 4: «Между Грузией и Россией нет никаких экономических отношений». После вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года и разрыва официальных дипломатических отношений между Грузией и Россией сложилось представление о том, что полностью прервались и их экономические отношения. Это не соответствует действительности, поскольку Грузия является экспортером рабочей силы в Россию, а Россия выступает в качестве одного из главных инвесторов экономики Грузии.

При существенной ограниченности внешнеторговых операций торговля между Грузией и Россией к настоящему времени значительно сокращена, хотя и не прекращена полностью. Так, согласно официальным данным, доля грузинского экспорта в Россию во всем объеме экспорта Грузии сократилась с 17,8% в 2005 году (т.е. за год до объявления Россией запрета на ввоз продовольственных товаров из Грузии) до 2% в 2008 году, а в 2010 году составила 2,2%⁵⁹. Снизилась и доля России в грузинском импорте: с 15,4% в 2005 году до 6,7% в 2008 году и 5,5% в 2010 году⁶⁰. Необходимо подчеркнуть, что в 2010

⁴⁹ Саакашвили о видении правящей партии // Civil Georgia. 2010. 15 июня [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=20895&search].

⁵⁰ Саакашвили: «Грузия – Швейцария с элементами Сингапура» // Civil Georgia. 2010. 15 июня [http://civil.ge/rus/article.php?id=20508].

⁵¹ *Израелин Я.* Экономика Южного Кавказа: сближение с Европой? // Кавказский акцент. 2010. № 11. С. 41.

⁵² *Dumienski Z.* Georgia: Singapore of the Caucasus? // Eurasia Review. News & Analysis. 2011. February 21 [http://www.eurasiareview.com/analysis/georgia-singapore-of-the-caucasus-21022011/].

⁵³ *Mitchell L.* Georgia's Paradoxes // The Faster Times. 2010. November 9 [http://thefastertimes.com/foreignpolicy/2010/11/09/georgias-paradoxes/].

⁵⁴ Необходимо отметить, что интерес к т.н. «сингапуризации» экономики (да и в целом страны) помимо президента Грузии проявляет и президент Белоруссии (см., напр.: *Швейц М.* Лукашенко мечтает о Сингапуре // ИА «Росбалт». 2011. 5 января [http://www.rosbalt.ru/2011/01/05/806809.html]).

⁵⁵ *Максоева В.* Не Сингапур, а Кипр! // Кавказский акцент. 2010. № 10. С. 40.

⁵⁶ Always Dependable. AVA Annual Report 2009/2010. Singapore: Agri-Food & Veterinary Authority of Singapore, 2011 [http://www.ava.gov.sg/NR/rdonlyres/0676D1EB-C401-4038-9D8D-84A01B52DD27/18268/ava0910_corporate.pdf].

⁵⁷ Regulations. Singapore: The Competition Commission of Singapore, 2010 [http://app.ccs.gov.sg/legislation_Regulations.aspx].

⁵⁸ *Papava V.* The Essence of Economic Reforms in Post-Revolution Georgia: What about the European Choice? // Georgian International Journal of Science and Technology. 2008. Vol. 1. Issue 1; *Papava V.* The European Vector of Economic Reforms in Post-Revolution Georgia // King L., Khubua G. (eds.) Georgia in Transition. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.

⁵⁹ External Trade of Georgia by Countries, 2010 January-November: Export // The National Statistics Office of Georgia [http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=137&lang=eng].

⁶⁰ Там же.

году во внешнеторговом обороте Грузии Россия занимает пятое место (после Турции, Азербайджана, Украины и Германии) и опережает такие страны, как США, Болгария, Китай и др.⁶¹

Как известно, многие граждане Грузии и этнические грузины, получившие российское гражданство и проживающие в России⁶², часть заработанных средств направляют родственникам, проживающим в Грузии. Введение Россией визового режима с Грузией, а также имевшие место в 2006 году гонения на этнических грузин, проживающих в России⁶³, параллельно с развитием банковской системы способствовали росту использования банковских каналов для отправки денежных средств, что в значительной степени «вытеснило» утвердившуюся на постсоветском пространстве систему доставки денег родственникам с помощью знакомых, возвращающихся на родину⁶⁴. Даже российско-грузинский вооруженный конфликт августа 2008 года не повлиял на эту тенденцию. В частности, в 2005 году (т.е. за год до начала гонений на грузин в России) в Грузию всего было переведено более 403 млн долл., из них из России – более 240 млн долл. (59,6% от суммы всех денежных переводов). К 2008 году эти показатели возросли в 2,5 (1,002 трлн долл.) и 2,6 раза (634 млн долл., или 63,3% от суммы всех денежных переводов) соответственно⁶⁵. В 2009 году из-за глобального финансового кризиса общая сумма де-

нежных переводов в Грузию сократилась до 842 млн долл. (84% от показателя 2008 года), а переводов из России – до 450 млн долл. (71% от показателя 2008 года), что прежде всего объясняется особой тяжестью экономического кризиса в России. При этом доля денежных переводов из России в Грузию составила 53,5%⁶⁶. В 2010 году по сравнению с 2009 годом денежные переводы в Грузию выросли как в целом (до 940 млн долл. США), так и из России (до 530 млн долл. США), при этом увеличилась и доля денежных переводов из России, составив 56,4%⁶⁷.

Что же касается российских инвестиций в экономику Грузии, то имеющаяся статистическая информация настолько недостаточна и неточна, что оперирование ею не дает возможность сделать обоснованные выводы о реальной ситуации. Это прежде всего вызвано тем, что многие фирмы, которые осуществляют прямые инвестиции, зарегистрированы в оффшорных зонах, вследствие чего фактически невозможно проследить за реальным происхождением соответствующих денег. Согласно официальным статистическим данным, Россия занимает третье место после Нидерландов и США по объему прямых иностранных инвестиций в Грузию за 2010 год⁶⁸. При этом необходимо учесть, что проблема российских инвестиций на постсоветском пространстве тесно связана с концепцией «Либеральной империи»⁶⁹, которая реализуется Россией с 2002 года. Пост-

⁶¹ Там же.

⁶² Для России трудовая миграция относится к числу наиболее актуальных проблем. См., напр.: *Антуфьев С.В.* Реалии трудовой иммиграции в современной России // *Право и безопасность*. 2005. № 3 (16). Август [http://drg.ru/pravo/pravo_16_18.htm]; *Зайончковская Ж.А.* Миграции между Россией и странами СНГ и Балтии: итоги последнего десятилетия // *Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ*. 2003. № 10 (203) [http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2003/vestniksf203-10/vestniksf203-10310.htm].

⁶³ *Папава В.* Нелиберальная «либеральная империя» России // *Project Syndicate*. 2007. 28 февраля [http://www.project-syndicate.org/commentary/papava2/Russian]

⁶⁴ *Kakulia M.* Labor Migrants' Remittances to Georgia: Volume, Structure and Socio-Economic Effect // *Georgian Economic Trends*. 2007. October. P. 56.

⁶⁵ *Workers' Remittances by Major Partner Countries // Money Transfers by Countries, National Bank of Georgia* [http://www.nbg.gov.ge/uploads/moneytransfers/money_transfers_by_countrieseng.xls].

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Прямые иностранные инвестиции в Грузию в 2010 году сократились на 16%» // *Civil.Ge*. 2011. 12 марта [http://www.civil.ge/rus/article.php?id=21772].

⁶⁹ *Чубайс А.* Миссия России в XXI веке // *Независимая газета*. 2003. 1 октября [http://www.ng.ru/printed/ideas/2003-10-01/1_mission.html].

революционные власти Грузии активно способствовали вовлечению страны в этот процесс⁷⁰.

Таким образом, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, нет никаких оснований утверждать, что между Грузией и Россией так же отсутствуют экономические отношения.

Вместо заключения

После прихода к власти постреволюционное правительство Грузии столкнулось с необходимостью преодоления тяжелого наследия бюджетного и энергетического кризисов путем кардинального снижения уровня коррупции. Правительству удалось не только решить эти задачи, но и в значительной степени либерализовать законодательство по регулированию бизнеса. В результате страна и ее руководство получили большую поддержку со стороны международного сообщества, а грузинские реформы стали пропагандироваться как весьма успешные. Многие страны заинтересовались возможностью использования этого опыта.

Однако наряду с очевидными успехами стали культивироваться и мифы вокруг грузинских экономических реформ. Такие мифы наносят вред прежде всего самой Грузии, да и тем странам, которые проявляют интерес к этим реформам. Немаловажно разобраться, в

чем заключаются настоящие достижения, а что является продуктом мифотворчества.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- Грузия – страна не столько либеральных реформ, сколько симбиоза неолiberaлизма и необольшевизма;
- Грузия не свободна от коррупции; здесь развиты новые, более сложные формы элитарной коррупции;
- Грузия не придерживается исключительно европейской ориентации. Руководство страны официально провозгласило в качестве цели «сингапуризацию» экономики; достижение режима свободной торговли с ЕС искусственно тормозится действиями правительства;
- после августовской войны 2008 года Грузия сохранила экономические, в том числе и торговые, отношения с Россией.

Только развенчание мифов позволит Грузии трезво оценить реальные успехи, проанализировать ошибки, допущенные в ходе реформ, и определить насущные задачи экономического развития. Такой подход даст правильные сигналы и международному сообществу для выявления нерешенных проблем и тех сфер грузинской экономики, которые в наибольшей степени нуждаются в международной финансовой и иной помощи.

⁷⁰ Папава В., Старр Ф. Экономический империализм России // Project Syndicate. 2006. 17 января [<http://www.project-syndicate.org/commentary/papava1/Russian>]; Папава В. The Political Economy of Georgia's Rose Revolution. P. 663–665; Папава В. The Essence of Economic Reforms in Post-Revolution Georgia: What about the European Choice? P. 2–4; Папава В. Georgia's Economy: Post-Revolutionary Development and Post-War Difficulties // Central Asian Survey. 2009. Vol. 28. No. 2. P. 204.

Многовекторность внешней политики и геополитическая неопределенность в Центральной Азии

Центральная Азия как международный регион, включающий пять независимых государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), и, соответственно, специфическая региональная подсистема международных отношений существует с момента распада СССР в 1991 году. Тем не менее этот регион до сих пор характеризуется очень высокой степенью того, что я назвал бы «геополитической неопределенностью»¹, с точки зрения формирования региональной идентичности, определения границ и международных институтов соответствующей региональной подсистемы. Эта неопределенность является одной из важнейших характеристик «новой Большой игры», т.е. геополитического соперничества ключевых мировых акторов за влияние в регионе после распада СССР². В данной статье будет рассмотрена взаимосвязь геополитической неопределенности с многовекторными политиками государств Центральной Азии.

Многовекторность политики центральноазиатских государств

В советский период центральноазиатские республики политически и экономически были отделены от вне-

¹ См. подробнее: *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО, 2008.

² *Ahrari M.E.* The New Great Game in Muslim Central Asia. Washington: Institute for National Strategic Studies, National Defense University, 1996; *Hill F.* Pipeline Politics, Russo-Turkish Competition and Geopolitics in the Eastern Mediterranean // Security and Cooperation in the Eastern Mediterranean / ed.: A. Theophanous, V. Coufoudakis. Nicosia, 1997.

*Андрей Анатольевич Казанцев,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Центра
евро-атлантической безопасности
МГИМО*

шнего мира «железным занавесом» и связаны преимущественно с другими республиками, входившими в состав СССР. После его распада достаточно быстро восстановилась традиционная пестрота и многовекторность внешнеполитических и внешнеэкономических интересов государств региона. Как тюркские, так и иранские по происхождению народы, кочевые или оседлые, много столетий живя вдоль одной из ключевых транспортных артерий мира, привыкли к многовекторности внешних ориентаций³. Процесс «восстановления старых культурных, исторических, религиозных и коммерческих связей»⁴ начался уже в конце горбачевской перестройки. В результате в настоящее время интересы центральноазиатских государств «разбросаны» не только по разным странам-партнерам, но и по ключевым регионам мира (см. табл. 1).

При этом можно выделить следующие важные тенденции.

1. Все центральноазиатские страны проводят многовекторную политику, ориентированную на сотрудничество с как можно большим количеством партнеров. Как я покажу ниже, это вызывает необходимость членства в многочисленных международных организациях, представляющих разные регионы мира.

По характеру внешней политики государства Центральной Азии четко делятся на две группы. В одну входят Казахстан и Кыргызстан. Они максимально открыты для интеграции во всех возможных направлениях, охотно участвуют в работе различных международных организаций и всегда выступают за расширение интеграции в их рамках (хотя отнюдь не всегда столь же охотно соблюдают накладываемые этим ограничения).

В другую группу входят Узбекистан и Туркменистан. Они предпочитают не уступать полномочия национальных государств многосторонним международным организациям и, несмотря на членство в них, отдают приоритет двусторонним отношениям. При этом Туркменистан в последние периоды правления Туркменбаши проводил и вовсе ярко выраженную изоляционистскую политику. Ашхабад в силу официального нейтрального статуса никогда не участвовал в центральноазиатских региональных интеграционных проектах и воздерживался от участия во многих региональных структурах, поддерживаемых внерегиональными державами, таких как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) или Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Таджикистан находится где-то посередине между этими двумя группами государств, хотя в последнее время он эволюционирует скорее в сторону второй модели.

2. В разных областях (экономика, политика) у центральноазиатских стран имеются разные ключевые партнеры. Однако ни в целом во всех сферах, ни даже в какой-то одной из них невозможно выделить доминирующего внешнего партнера. Их влияние везде сбалансировано, что позволяет центральноазиатским лидерам постоянно «играть» на противоречиях внешних сил. Например, Узбекистан после андижанских событий в своих отношениях с Китаем и Россией использовал их противоречия с США. Туркменистан же стремится «организовать» как можно большую конкуренцию среди потенциальных покупателей своего газа.

3. Постоянно происходит быстрая смена иерархии внешних партнеров.

³ Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: документы, исследования, материалы / ред.-сост.: Д. Джунушалиев, А. Какеев, В. Плоских. Бишкек, 2003. С. 134–139; *Abu-Lughod J.L.* Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350. New York: Oxford University Press, 1989; *Schafer E.H.* The Golden Peaches of Samarkand: A Study of Tang Exotics. Berkeley: University of California Press, 1985; *Bonavia J.* The Silk Road. From Xi'an to Kashgar. Hong Kong: Odyssey Publ., 1999; *Whitfield S.* Life Along the Silk Road. London: J. Murray Publ., Ltd., 1999.

⁴ *Crossete B.* Central Asia Rediscovered its Identity // New York Times. 1990. June 24. P. E3.

Таблица 1⁵

Внешнеполитические интересы и приоритеты стран Центральной Азии с 2006 года

Страна	Сферы интересов и партнеры	Внешнеполитические интересы и приоритеты	Тип внешней политики
Казахстан	Экономическая сфера – Россия, Китай, постсоветские государства, США, ЕС. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США	1. Многовекторная политика 2. Общие интеграционные проекты с Россией 3. Общие инвестиционные проекты с Китаем 4. Сотрудничество с американскими и европейскими нефтегазовыми и другими крупными сырьевыми компаниями 5. Военное сотрудничество с НАТО и США (строительство военно-морской базы в Атырау)	Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию
Узбекистан	Экономическая сфера – Россия, Китай, страны АТР. Военно-политическая сфера – Россия и Китай	1. Трения с США и ЕС по проблемам демократизации. Игра на их геополитической конкуренции с Россией и Китаем 2. Заинтересованность во внешних инвестициях, особенно из АТР, Китая и России 3. Интерес к Китаю и России как странам, выдвигающим минимальные требования к соблюдению прав человека и демократических стандартов 4. Военная база НАТО (Германии) в Термезе	Элементы изоляционизма. Акцент на двусторонние отношения
Кыргызстан	Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, США	1. Многовекторная политика 2. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров 3. Большие миграционные потоки в Казахстан и Россию 4. Военные базы НАТО (США) и России	Открытая внешняя политика. Сильный акцент на интеграцию
Таджикистан	Экономическая сфера – ЕС, Россия, Китай, США, Казахстан, Иран. Военно-политическая сфера – Россия, Китай, ЕС, США	1. Заинтересованность в инвестициях со стороны всех возможных внешних партнеров 2. Большие миграционные потоки в Россию и Казахстан 3. Военные базы России, НАТО (Франции), есть информация об интересе Индии к открытию военной базы в Айни	Умеренный акцент на интеграцию. Соединение элементов закрытой и открытой внешней политики
Туркменистан	Экономическая сфера – Россия, ЕС, США, Китай, Украина, Иран, Афганистан, Индия, Пакистан, Турция. Военно-политическая сфера – официально признанный ООН нейтральный статус	1. Зависимость в экспорте газа от российской инфраструктуры 2. Многовекторность газово-экспортной политики 3. Поиск альтернативных маршрутов экспорта газа. Основные заинтересованные стороны – Китай, ЕС и США, Турция, Индия, Пакистан, Иран 4. Использование США базы Мары-2 для доставки грузов в Афганистан	Изоляционизм. Акцент на двусторонние отношения

Так, Узбекистан после андижанских событий переориентировался с США в сторону преимущественного взаимодействия с Россией и Китаем. В последние годы эта страна вновь проявляет интерес к сотрудничеству с Западом. Таджикистан по мере консолидации

режима Эмомали Рахмона все больше наращивает многовекторность своей внешней политики, уменьшая «долю» российского влияния. Позиции внешних сил в Туркменистане прямо пропорциональны основным направлениям экспорта газа. Поэтому завершение

⁵ Часть таблицы взята нами из работы: *Сампаев Д.* Эффект присутствия // Независимая газета. 2006. 27 марта. С. 12.

строительства газопровода в Китай уже в ближайшем будущем приведет к резкому усилению его позиций. В Кыргызстане по мере консолидации власти Курманбека Бакиева усиливалось военно-политическое влияние России и Китая и ослабевало влияние Запада. Затем последовал конфликт с Россией по поводу закрытия военной базы США в аэропорту Манас и падение режима Бакиева.

В целом все описанные выше внешнеполитические интересы и приоритеты стран Центральной Азии: (а) весьма неопределенны с точки зрения выбора ключевых партнеров и региона мира, на который эти страны ориентируются; (б) чрезвычайно нестабильны во времени (т.е. неопределенны и в темпоральном измерении).

Неопределенность растет и за счет того, что центральноазиатские государства *крайне заинтересованы в вовлечении в регион разнообразных внешних сил*, которые бы позволили им решить комплексные задачи выживания и внутреннего развития. Как отмечает президент Фонда «Наследие Евразии» Елена Яценко, основной интерес центральноазиатских стран – «получение предложения, решающего весь комплекс имеющихся проблем – от экономических до цивилизационных. В свое время принадлежность к Советскому Союзу предлагала именно такое решение: защиту от внешних угроз и подавление экстремизма, доступ к технологиям и инфраструктуре, интеграцию в союзные и международные хозяйственные связи, гарантии соблюдения интересов местных элит, гуманитарное развитие. Сегодня национальное руководство стран Центральной Азии ищет новый вариант комплексного решения, иной по сравнению с временами СССР»⁶.

Парадокс в том, что, нуждаясь во внешнем партнере, который, как это делала Россия в советские времена, сможет решать комплексные про-

блемы региона, центральноазиатские страны не готовы сделать выбор в пользу одного ключевого партнера, т.е. перейти к одновекторной политике. Поэтому они пытаются «втянуть» в регион как можно больше разнообразных сил.

Многовекторная внешняя политика стран Центральной Азии заключается в готовности сотрудничать с любыми партнерами (Россия, США, Китай, страны ЕС, Турция, исламские государства и т.д.), выражающими желание помочь в решении проблем региона. Однако центральноазиатские политические элиты, войдя во вкус независимости, позволяющей им монопольно распоряжаться ресурсами своих стран, пока не готовы отдать какой-то внешней силе «контрольный пакет». Более того, они зачастую используют сотрудничество с одной из крупных стран как дополнительный аргумент в пользу привлечения к себе интереса ее международных конкурентов.

Такая политика сохраняет геополитическую «размытость» региона. Ведь ключевые партнеры ищутся новыми независимыми государствами во всех возможных географических направлениях.

Парадокс заключается в том, что *единство региона сохраняется не за счет центристремительных сил, а благодаря равновесию сил центробежных*. Центральная Азия существует как отдельный международный регион только потому, что разнонаправленные внешние силы не дают друг другу окончательно растворить его в прилегающих регионах мира.

Многовекторность внешней политики новых независимых государств Центральной Азии не краткосрочное явление. Этому феномену уже почти 20 лет, и при отсутствии серьезных изменений в существующей структуре мировой политики он вряд ли исчезнет за сроки меньшие, чем десятилетия.

⁶ Яценко Е. Не проиграть в Центральной Азии // Ведомости. 2007. 5 сентября. С. А4.

Распад региональных интеграционных структур

Важнейшей особенностью, определяющей характер многовекторной политики государств Центральной Азии, является *взаимосвязь их готовности сотрудничать со всеми ключевыми мировыми игроками с распадом региональных интеграционных структур*. В результате государства Центральной Азии значительно активнее взаимодействуют с внерегиональными акторами (такими как Россия, Китай, страны ЕС, США, Турция и т.д.), чем друг с другом. Более того, региональные институты и организации оказываются в полной зависимости от помощи внешних спонсоров.

Новым независимым государствам Центральной Азии часто с трудом хватает ресурсов на собственное выживание. У них явно нет средств (военных, экономических, идеолого-символических) еще и на создание структур регионального порядка, которые бы полностью соответствовали их интересам. Даже относительно богатый Казахстан не имеет достаточных возможностей для помощи соседям. В результате государства Центральной Азии оказываются в серьезной зависимости от внешних сил.

Наблюдаемый в Центральной Азии распад региональных интеграционных структур при наличии ярко выраженной взаимозависимости этих государств и осознаваемой всеми необходимости регионального сотрудничества является парадоксом постсоветской политической жизни.

После распада СССР в Центральной Азии существовало множество сменявших друг друга интеграционных организаций. В этом плане регион можно считать лидером на постсоветском пространстве. Даже создание СНГ было во многом инициировано именно центральноазиатскими лидерами. Однако сотрудничество между государствами в рамках этих организаций совершенно не складывалось. Принималось огромное количество документов, которые были обречены на заведомое невыполнение. Любая страна, выдвигавшая проекты кооперации,

подозревалась в своекорыстных мотивах, в попытках «обмануть» соседей. Для того чтобы какие-то проекты реализовывались, постоянно нужна была помощь вне-региональных спонсоров (прежде всего США, ЕС, Японии и России).

Понимание неэффективности деятельности региональных организаций вынуждало к постоянным их реформам, сопровождавшимся сменой названия. Однако эти «структурные перетряски» ни к чему не приводили. Следующие организации выполняли интегрирующую роль даже хуже, чем предыдущие.

В 1990 году, накануне развала СССР, в г. Алма-Ате руководителями республик Средней Азии и Казахстана было принято решение об интегрировании их экономик в рамках обновленного Союза и проведении согласованной хозяйственной политики. 14 августа 1991 года на ташкентской встрече было подписано Соглашение об организации межреспубликанского Консультативного совета республик Средней Азии и Казахстана. Однако распад Советского Союза отодвинул эти идеи в сторону.

Сразу же после подписания Беловежских соглашений, означавших роспуск СССР, главы центральноазиатских республик собрались в Ашхабаде. Существовало несколько вариантов реагирования на ситуацию: выступить в пользу сохранения СССР, попытаться сформировать в своем регионе альтернативный союз, попросить о вступлении в СНГ. Победил третий вариант. 20 декабря 1991 года лидеры 11 бывших советских республик подписали в Алма-Ате договор об образовании СНГ.

Разочарование в медленных темпах интеграции внутри СНГ постоянно оживляло идеи центральноазиатской интеграции. Начало новому этапу строительства региональной центральноазиатской организации положило подписание 29 июля 1993 года в Алма-Ате межправительственного узбекско-казахстанского соглашения о мерах углубления экономической интеграции на 1994–2000 годы. Практически ни одно из мероприятий, предусмотрен-

ных этим соглашением, не было реализовано. Однако 16 января 1994 года к этому документу присоединилась Кыргызская Республика. В результате 30 апреля 1994 года в г. Чолпон-Ата главы трех стран подписали Договор о создании Единого экономического пространства. Так было положено начало Центральноазиатскому союзу (ЦАС), структуры которого строились по образцу СНГ.

Центральноазиатский интеграционный процесс стал распространяться и на сферу безопасности, хотя формально взаимодействие в этой области шло в основном вне институциональных рамок ЦАС. Военно-политическое сотрудничество стран ЦАС было подкреплено подписанием Договора о вечной дружбе между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном в январе 1997 года в Бишкеке. При финансовой и политической поддержке США и других стран НАТО в 1996 году по образцу Балтбата (коллективных сил балтийских государств) был создан Центральноазиатский батальон (Центразбат). Период активной деятельности батальона пришелся на 1997–1999 годы. Прекращение внешнего финансирования после 1999 года привело к тому, что Центразбат просто перестал собираться вместе. Последние учения Казахстан провел в 2000 году в основном своими силами.

Реальная кооперация в военно-политической сфере разворачивалась в сотрудничестве с Россией. Так, в 1996–1997 годах участники ЦАС взаимодействовали с ней в охране южных границ Таджикистана. Узбекистан и Россия были активно втянуты в конфликт в Таджикистане с самого его начала. При этом именно поддержка этих стран привела к победе Народного фронта. В дальнейшем это сотрудничество прекратилось из-за серьезных узбекско-российских разногласий по поводу процесса национального примирения в Таджикистане, а потом из-за конфликта между руководством Таджикистана и Узбекистана.

ЦАС просуществовал четыре года, с 1994 по 1998 год. Неуспешность интеграции в рамках этого союза наряду со вступлением Таджикистана в процесс регионального сотрудничества привели к его ликвидации. Новая структура была названа Центральноазиатским экономическим сообществом (ЦАЭС). Тем не менее из-за обострения проблем в области безопасности и глобального кризиса развивающихся рынков практические результаты деятельности этой организации были также незначительны.

Ситуация в Центральной Азии резко поменялась после 11 сентября 2001 года. Американское военное присутствие в регионе привело к активизации идей интеграции Центральной Азии без участия России. Большую роль в этом сыграли заманчивые обещания по оказанию помощи от США, которые получили центральноазиатские страны (например, только Узбекистану, по данным, фигурировавшим в прессе, было обещано до 8 млрд долл.).

По инициативе президента Узбекистана Ислама Каримова договоренность об очередном преобразовании центральноазиатской интеграционной структуры была достигнута в ходе прошедшего 27–28 декабря 2001 года ташкентского саммита президентов Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Договор об учреждении взамен ЦАЭС Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС) был подписан 28 февраля 2002 года в Алма-Ате. Западная помощь странам ОЦАС так и не материализовалась, так как США и их союзники были полностью поглощены ситуацией в Афганистане, а затем в Ираке. Разочарование в возможности помощи Запада неизбежно привело к активизации роли России и Китая. Вопрос о вступлении Российской Федерации в ОЦАС обсуждался уже на саммите организации в Астане в мае 2004 года⁷. 18 октября 2004 года в ходе душанбинского

⁷ Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы российских СМИ по отношениям России с Организацией «Центрально-Азиатское сотрудничество», 13 октября 2004 года // МИД РФ. 1997–2010 [http://www.mid.ru/bpr_4.nsf/0/F0BE51DC734C734C3256F2C0046B2F7].

саммита было объявлено о предстоящем вступлении России в ОЦАС. Согласно заявлению официального представителя МИД России основные задачи вступления РФ в ОЦАС были связаны с проблематикой безопасности⁸.

Однако дни ОЦАС были сочтены. После «революции тюльпанов» в Кыргызстане к власти пришло правительство Курманбека Бакиева, которое первоначально в большей мере, чем администрация Аскара Акаева, склонялось к сотрудничеству с Россией и Китаем. Решающий удар по центральноазиатской интеграции нанесли события в Андижане. После кровавого подавления антиправительственных выступлений в этом городе руководство Узбекистана было вынуждено почти полностью порвать отношения с США и резко сблизиться с Россией. Узбекистан вступил в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и затем в ОДКБ. Возникла ситуация полностью перекрещивавшегося членства. В результате 6 октября 2005 года было решено объединить ОЦАС с ЕврАзЭС. Таким образом, специфическая центральноазиатская интеграционная структура исчезла.

Невозможность центральноазиатских стран сорганизоваться создает «вакуум» внутри региона, который оказывается лишенным собственной структуры регионального порядка. Это, в свою очередь, «притягивает» к нему глобальных игроков и приводит к росту геополитической неопределенности в регионе.

Многовекторность и членство государств Центральной Азии в региональных международных организациях

Провал всех попыток внутрирегиональной интеграции в сочетании с давними традициями многовекторных международных связей региона Великого шелкового пути привели к тому, что в

Центральной Азии активно работает большое количество международных межгосударственных региональных организаций, поддерживаемых ключевыми акторами современной мировой политики (Россия, США, Китай, государства ЕС и т.д.).

Перечислю прежде всего представленные в Центральной Азии *международные региональные организации постсоветского пространства, поддерживаемые Россией*.

Содружество независимых государств (СНГ). Создано 8 декабря 1991 года для регулирования отношений сотрудничества между странами, ранее входившими в состав СССР. В СНГ в настоящее время присутствуют четыре страны Центральной Азии (кроме Туркменистана, который в 2005 году вышел из действительных членов СНГ и стал наблюдателем).

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) – международная экономическая организация ряда постсоветских государств, образованная в мае 2001 года. Занимается формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики с целью создания в перспективе общего рынка. Включает пять членов, среди которых три центральноазиатские страны (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан). В 2005 году ЕврАзЭС было объединено с ОЦАС. После этого в 2006 году в ЕврАзЭС вступил Узбекистан. Однако в ноябре 2008 года он заявил о приостановлении своего членства и намерении покинуть организацию.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Создана на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ) СНГ 7 октября 2002 года. Цель – военно-политическое сотрудничество, взаимопомощь в обеспечении национальной безопасности. В настоящее время в организации семь членов, включая все центральноазиатские страны за исключением Туркменис-

⁸ Там же.

тана. Первоначальными участниками из Центральной Азии были Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан. Узбекистан вернулся в ОДКБ в 2006 году (до этого он отказался продлить членство в ДКБ СНГ в 1998 году). Однако реальное сотрудничество Узбекистана с этой организацией очень ограничено.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – см. ниже, среди азиатско-тихоокеанских организаций.

Теперь обратимся к анализу членства центральноазиатских государств в *региональных организациях АТР*. Азиатско-тихоокеанское направление притяжения центральноазиатских стран пока в организационном плане достаточно слабо относительно трех остальных векторов (тем более что оно нечетко дифференцировано, так как в ШОС входит Россия, а в Азиатский банк развития – Индия и ряд западных стран). Тем не менее оно имеет серьезные перспективы, связанные с неизбежным усилением политико-экономического влияния Китая в Центральной Азии и ростом экономического сотрудничества между центральноазиатскими и азиатско-тихоокеанскими странами.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Первоначально существовала в виде «Шанхайской пятерки», созданной в результате подписания в 1996–1997 годах между Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. 15 июня 2001 года, после включения Узбекистана, была конституирована ШОС как региональная международная организация. В настоящее время в ШОС входят все центральноазиатские страны, кроме Туркменистана. Лидерами организации являются Китай и Россия, несущие основную долю издержек по ее финансированию. Штаб-квартира ШОС расположена в Пекине, рабочие языки – русский и китайский. Первоначально приоритет в рамках организации отдавался сотрудничеству в сфере безопасности,

включая борьбу с терроризмом, наркобизнесом и т. д. Постепенно на первый план стало выходить торгово-экономическое взаимодействие и интеграция, в том числе в области энергетики.

Азиатский банк развития (АБР). Создан 19 декабря 1966 года с целью развития региональной кооперации. Насчитывает 48 региональных членов, включая таких основных спонсоров, как Индия, Китай и Япония. Все пять центральноазиатских государств являются членами АБР.

Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС). Эта программа была инициирована АБР в 1997 году для реализации в Центральной Азии проектов в области энергетики, транспорта и торговли. Она была поддержана другими международными донорами: АБР, ЕБРР, МВФ, Исламским банком развития, ПРООН и Всемирным банком. В ЦАРЭС участвуют Азербайджан, Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Китай, Монголия, Таджикистан и Узбекистан.

Далее рассмотрим участие центральноазиатских стран в *международных исламских организациях*.

Сразу же после получения независимости новые государства Центральной Азии начали подчеркивать свою исламскую идентичность. Результатом стало интенсивное взаимодействие с другими мусульманскими странами и активное членство в международных исламских организациях всех центральноазиатских государств, даже обычно воздерживающегося от участия в межгосударственных структурах Туркменистана.

Организация «Исламская конференция» (ОИК) – «исламская ООН», создана в 1969 году на Конференции глав мусульманских государств в Рабате с целью обеспечения исламской солидарности в социальной, экономической и политической сферах, борьбы против колониализма, неоколониализма, расизма и поддержки Организации освобождения Палестины в борьбе с Израилем. Включает все пять центральноазиатских государств.

Исламский банк развития (ИБР) – исламский аналог Всемирного банка. Создан 15 декабря 1973 года с целью финансирования проектов экономического и социального развития исламских стран. Включает более 50 членов, среди которых пять центральноазиатских государств.

Организация экономического сотрудничества (ЭКО). Создана 27–29 января 1985 года (все центральноазиатские страны, кроме Казахстана, вступили в нее в феврале 1992 года на саммите в Тегеране). Цель – региональная интеграция, сотрудничество исламских стран региона в развитии торговли, транспорта, коммуникаций, туризма, а также расширение культурных связей. В настоящее время включает 10 членов, среди которых пять центральноазиатских государств, Азербайджан, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан.

Наконец, одним из важнейших геополитических «векторов» политики центральноазиатских государств являются их институционально-организационные связи с Европой и евро-атлантическим пространством. Центральная Азия долго не воспринималась странами Европы как сфера своих жизненных интересов. Тем не менее центральноазиатские государства сразу же после образования оказались в трех перечисленных ниже европейских организациях в качестве наследниц СССР.

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Образован 15 апреля 1991 года с целью содействия становлению рыночной экономики в постсоциалистических государствах. Включает 63 члена, среди которых пять центральноазиатских государств.

Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе (ОБСЕ) – крупнейшая в мире региональная организация, занимающаяся вопросами безопасности. Создана 1 января 1995 года. Включает 56 членов, среди которых все бывшие советские республики. Казахстан председательствовал в ОБСЕ в 2010 году.

Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП) – организация, аффилированная с НАТО. Цель – обсуждение взаимодействия в военно-политической сфере. Создана 8 ноября 1991 года. Включает 50 членов, среди которых пять центральноазиатских государств (хотя степень сотрудничества с СЕАП у них весьма различна, варьируясь от чисто номинального членства у Туркменистана и Таджикистана до реального сотрудничества у Казахстана и Кыргызстана).

Постепенное расширение НАТО и ЕС на Восток и осознание целого ряда общих с Центральной Азией проблем, связанных с борьбой с новыми угрозами безопасности (терроризм и религиозный экстремизм, наркотрафик) и с поставками энергоносителей, активизировали различные институционализированные формы взаимодействия в военной, экономической и гуманитарных сферах. Их условно можно назвать «вторым поколением» институционально-организационных связей. Формально в этих структурах участвуют все страны региона. Однако в реальности эти связи очень нестабильны, а некоторые государства (например, Туркменистан) имеют лишь номинальное членство.

«Партнерство ради мира» (ПМ) НАТО. Программа и соответствующая организационная структура были созданы в январе 1994 году с целью расширения военно-политического сотрудничества в Европе, распространения принципов демократии, в том числе как способ постепенной подготовки к расширению Североатлантического альянса. Программа объединяет 23 страны, включая все центральноазиатские государства.

ЕС также стал постепенно формировать в Центральной Азии организационно-институциональную среду, облегчающую взаимодействие. С этой целью использовался как формат двусторонних договоренностей о партнерстве и сотрудничестве, так и различные программы содействия.

Последние стали способом распространения в регионе огромной «мягкой силы» ЕС. Программа «Восточное партнерство» в настоящее время ограничивается регионом Южного Кавказа, однако есть вероятность, что со временем она будет расширена и на Центральную Азию.

Итак, попробуем обобщить приведенные выше данные о том, с кем и по каким направлениям интегрируются государства Центральной Азии, в виде таблицы 2. Исключения, касающиеся, например, особых позиций Туркменистана и Узбекистана, перечислены выше, поэтому речь будет идти о тех региональных организациях или институционализированных формах сотрудничества, в которых представлено большинство стран региона. Из таблицы видно, что центральноазиатские страны интегрируются в четырех направлениях сразу, а сам регион является зоной «экспансии» четырех соседних структур регионального порядка.

Специфика центральноазиатской многовекторности и создаваемые ею проблемы для региональной подсистемы международных отношений

Многовекторная политика является классической для многих государств мира, недавно обретших независимость. Эта политика была оформлена на международном уровне в рамках Движения неприсоединения. За счет нее молодые государства дистанцировались от основных центров силы биполярного мира – США и СССР, одновременно получая помощь с двух сторон. В Афганистане до апрельского переворота 1978 года, при правлении короля Захир Шаха и президента Дауда, эту политику описывали как «прикуривание американских сигарет русскими спичками». Многовекторную

политику в настоящее время проводят и многие крупные державы, например Россия.

Такая политика при всей ее привлекательности неизбежно содержит в себе *структурную проблему в виде высокой неопределенности*. В случае, если интеграция идет сразу по нескольким векторам, возникает угроза принятия противоречащих друг другу обязательств, которую очень трудно избежать. В самом деле, как государство А может интегрироваться одновременно с группами государств Б и В, если эти группы государств между собой не интегрируются? Для лучшего понимания ситуации применю бытовую метафору. Как Коля может дружить одновременно с Васей и Петей, если Вася и Петя между собой не дружат? Более того, соперничество за дружбу с Колей может еще больше посорить Васю и Петю между собой. Или, напротив, Вася откажется дружить с Колей, считая, что тот друг больше Пете, а не ему. В любом случае, для Коли дружба с Васей и Петей одновременно, без сближения Васи и Пети, является трудно разрешимой практической задачей. В результате многовекторной политики Коли в отношении между ним, Васей и Петей неизбежно возникают серьезные моменты неопределенности.

Многовекторные политики центральноазиатских государств приводят к тому, что параллельно существуют разные проекты и структуры, предназначенные для решения одних и тех же проблем. Их создатели не только не сотрудничают между собой, но и часто вообще друг друга не замечают. Средства внешних спонсоров расходуются неэффективно, а подлинно глобальные проблемы, проявляющиеся на региональном уровне, не решаются.

В Центральной Азии для борьбы с одними и теми же глобальными угрозами (терроризм, экстремизм, проблемы «несостоявшихся государств», наркоторговля) развернуты три круп-

Таблица 2

Международные организации и геополитические векторы политики государств
Центральной Азии

Географический регион / сфера интеграции	Общеполитическое согласование позиций	Экономическая интеграция	Военно-политическая интеграция
Россия и постсоветское пространство	СНГ	ЕврАзЭС, ШОС	ОДКБ, ШОС
ЕС	ОБСЕ, СЕАП	ЕБРР, соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве, программы помощи ЕС	СЕАП, ПМ и индивидуальные программы партнерства с НАТО
АТР и Китай	ШОС	ШОС, АБР, ЦАРЭС	ШОС
Исламский мир	ОИК	ЭКО, ИБР	Нет

ные военные машины (ОДКБ, ШОС и НАТО). Однако между ОДКБ и ШОС гармоничные отношения только начали устанавливаться в последнее время, а между НАТО и двумя вышеперечисленными организациями вообще никаких отношений нет. В результате проблемы региона не только не решаются, но, напротив, усиливаются благодаря постоянно маячащей на горизонте угрозе противостояния крупных внешних сил.

В области экономики центральноазиатские страны участвуют сразу в целой серии региональных торгово-интеграционных организаций постсоветского пространства (ЕврАзЭС, ШОС), исламских стран (ЭКО), а также связывающих их с Китаем (ШОС) и другими странами АТР (АБР). Перспективными являются и программы социально-экономического сотрудничества с ЕС. В результате образуется беспорядочно перемешанная система экономических обязательств, которую доклад Азиатского банка развития уподобил «чашке со спагетти»⁹. Поскольку интеграционные обязательства внутри вышеперечисленных структур часто взаимоисключающие, то центральноазиатские страны при

всем желании не смогли бы их поддерживать.

Неопределенность в Центральной Азии чрезвычайно сильна даже по сравнению с иными проблемными регионами мира. Большинство из них (кроме Балкан, Кавказа и некоторых частей Африки) не характеризуется столь серьезными внутренними противоречиями и различиями. Центральная Азия как один из самых молодых в мире международных регионов все еще находится в процессе становления своей институциональной структуры, системы международных организаций, в поиске культурно-политической идентичности.

Пожалуй, нет другого региона, которому бы мощные внешние силы предложили так много вариантов развития. Центральная Азия – рекордсмен по количеству противоречащих друг другу интеграционных проектов. Несмотря на то, что регион характеризуется уникальной комбинацией вызовов и угроз разного уровня, конкуренция внешних сил и отсутствие кооперации между самими центральноазиатскими странами уничтожают существенную часть потенциала международного сотрудничества в деле нейтрализации этих угроз.

⁹ См.: Asian Development Bank. Increasing Gains from Trade through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport, and Customs Transit. [S. n.]: Asian Development Bank, 2006.

Основные выводы и гипотеза о специфике геополитических процессов на постсоветском пространстве

Интересы центральноазиатских государств с момента обретения ими самостоятельности связывают их одновременно с постсоветским пространством, или Центральной Евразией, евро-атлантическим пространством, АТР и Китаем, исламским миром. Соответствующие конкурирующие геополитические векторы поддерживаются ключевыми акторами мировой политики (Россия, США, государства ЕС, Китай и т.д.). «Размытость» региона между четырьмя геополитическими векторами возникает за счет многовекторной политики центральноазиатских стран.

Государства Центральной Азии значительно больше сотрудничают с вне-региональными акторами, чем друг с другом, что привело к распаду региональных интеграционных структур. Единство недавнего возникшего международного региона сохраняется не в результате действия центробежных сил, а за счет определенного равновесия сил центробежных.

Многовекторная политика при всей ее привлекательности для государств, недавно обретших независимость, неизбежно содержит в себе структурную проблему в виде высокой неопределенности. В Центральной Азии параллельно существует множество поддерживаемых внешними силами проектов и структур, предназначенных для решения одних и тех же проблем. Средства внешних спонсоров в результате расходуются недостаточно эффективно, а

глобальные проблемы, возникающие в рамках региона, не решаются.

Представленная выше перспектива основана на подходе к геополитическим проблемам постсоветского пространства, который сформулирован в ряде работ автора данной статьи¹⁰. Такой подход, в частности, позволяет сформулировать *гипотезу о геополитической специфике постсоветского пространства, связанной с постепенным увеличением степени геополитической неопределенности в более восточных регионах по сравнению с более западными*. При этом неопределенность достигает своего максимума именно в регионе Центральной Азии.

Так, страны Балтии являются членами ЕС и НАТО, органической частью Европы и евро-атлантического пространства. Европейские страны СНГ представляют собой объект борьбы за влияние между Россией и ЕС, Россией и Западом. Соответственно, в этой зоне постсоветского пространства разворачивается конкуренция между структурой регионального порядка, сформировавшейся в Центральной Евразии вокруг России, и теми структурами, которые образуют на своей ближайшей периферии ЕС (особенно в рамках «Восточного партнерства») и НАТО. Это создает геополитическую неопределенность и связанный с ней конфликтный потенциал. На Кавказе геополитическая неопределенность увеличивается за счет исламского фактора. В Центральной Азии к этому прибавляется влияние Китая и других государств АТР. Учет фактора геополитической неопределенности чрезвычайно важен для анализа процессов, разворачивающихся на постсоветском пространстве, для поиска путей нейтрализации международных противоречий и конфликтов.

¹⁰ См. подробнее: Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО, 2008; Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия. М.: МГИМО, 2009; Kazantsev A. Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region // Europe-Asia Studies. 2008. No. 6. August. Vol. 20. P. 1073–1088.

Украина: борьба за память versus национальное единство

После коллапса советского государства молодые независимые республики столкнулись с задачей построения национальной идентичности. Одним из важнейших инструментов национальной политики является апелляция к исторической памяти населения. Украина в этом отношении, казалось бы, не выделяется в ряду других бывших советских республик, однако автор статьи полагает, что именно в этом новом независимом государстве политическая острота проблем исторической памяти выше средней на постсоветском пространстве. Здесь явственнее, чем в других странах СНГ, обнаружился парадокс исторического мифа, который был создан для национального объединения территорий с разной историей, но попытки его внедрения скорее раскалывают, чем укрепляют политическое пространство. Общенациональный исторический нарратив отрицается на юго-востоке страны, тяготеющем к нормам советской интерпретации прошлого. Да и в западных регионах Украины он тоже принимается не полностью, уступая традиционным изложениям истории, сложившимся в этих областях. Опыт Украины представляет интерес для общетеоретического анализа противоречивых функций исторической памяти в формировании национальной идентичности, а также роли государственной политики в этом процессе.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 11-04-0045 «Политика регулирования межэтнических отношений в связи с притоком иноэтнических мигрантов в крупнейшие города России (компаративный анализ проблемы и выработка концептуальных основ политики)» по программе Научного фонда НИУ ВШЭ: «Учитель – ученики» (2011–2012 годы).

*Сергей Александрович Простаков,
студент магистратуры
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»*

Переосмысливая советское прошлое

Распад СССР поставил перед новыми государствами задачу строительства своей национальной идентичности, которая должна была заменить собой так до конца и недостроенное здание единой общности «советский народ». Эта задача по-разному решалась элитами новых независимых государств, во многом исходя из реального исторического опыта национальной государственности. В странах Балтии элиты выдвинули лозунг «возобновления своей государственности, прерванной советской оккупацией». В России провозглашалась идея «продолжения тысячелетней истории». Однако большинство новых государств оказались фактически в ситуации *tabula rasa*. Они-то действительно являются «самыми новыми» государствами на постсоветском пространстве. Многие государственные образования, возникшие здесь, являлись плодом не только искусственного районирования, но и противоречивой национальной политики сталинской эпохи, когда республики то объединялись в образования типа Закавказской федерации, то вновь разделялись на самостоятельные административные единицы.

Проблемы национальной идентификации граждан Украины особенно сложны. Эта страна не только не могла опереться на реальную историю независимой государственности, но и до сих пор не преодолела историческую разнородность своих регионов, входивших в разные империи: Российскую, Австро-Венгерскую, Германскую и Османскую (Крым). Некоторые же регионы Украины заселялись и осваивались в основном только в советское время. Например, юго-восточные регионы сложились как единое пространство в период Российской империи и Советского Союза. Известный британский историк Доминик Ливен так описывает колонизацию

Дикого Поля: «Шесть тысяч километров степных пастбищ, протянувшихся вдоль южной границы России по Европе и Азии, были российским Новым Светом. Это был эквивалент огромных регионов в Америке, Австралии, Азии и Африке, которые западноевропейские иммигранты колонизировали и приспособили к земледелию в XVII–XX веках»¹. Пространство бывшего Дикого Поля само по себе живой памятник колонизации и культурной политики двух империй.

«Самые новые» независимые государства просто вынуждены были начать строительство своей национальной идентичности с выработки стратегии репрезентации исторического прошлого страны. Молодым государствам требовалась древняя история, свой миф о ней. Обращаясь к классическим примерам возникновения наций и национализма в Европе, они могли убедиться, что исторический миф часто служил эффективнейшим инструментом легитимации новых границ и форм политического сообщества. Об этом в 1882 году писал еще Эрнест Ренан в своей знаменитой лекции «Что такое нация?»: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности»².

При сотворении национальной идентичности история перестает быть набором объективных фактов – она превращается в нарратив, в котором исторический факт ценен не сам по себе, а лишь как инструмент интерпретации исторических событий. Опора на исторический миф и быстро возросшая роль интерпретации исторического прошлого в публичной сфере оказались к началу 1990-х годов едва ли не единственным общим признаком сходства политических стратегий всех государств на постсоветском про-

¹ Ливен Д. Российская империя и ее враги. М.: Европа, 2007. С. 338.

² Ренан Э. Что такое нация? [http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php]

странстве. Однако спустя 20 лет заметнее стали качественные различия в выбранных стратегиях интерпретации исторического прошлого.

Многие из новых государств пошли по пути осуждения советского периода истории, который начал представляться национальными историографиями как навязанное извне отступление от национального суверенного развития. Постсоветский период стал презентовать как долгожданная свобода от оккупантов, от внешнего врага и поработителя. Независимость от бывшего союзного центра и возможность проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику в первые постсоветские годы вполне заменяли собой национальную идею. Очень часто к этому прибавлялось ожидание, что «скоро мы будем жить как на Западе», а временные трудности – это последствия тоталитарного режима. В такой ситуации достижения советского периода истории стали трактоваться ровно настолько положительно, насколько они укладывались в национальные исторические нарративы. При этом многие трагические эпизоды советской истории стали краеугольными камнями для формирования новой национальной идентичности, как, например, это произошло с Голодомором в Украине.

Сложнее развивались эти процессы в России, которая стала де-юре и де-факто наследницей Советского Союза, а значит, и его истории. В начале 1990-х в российском политическом дискурсе преобладали нотки осуждения советского прошлого и поддерживалась линия «возвращения древней истории, прерванной большевиками». Показательны в этом отношении первые в России публикации работ и бурное обсуждение идеи «Назад к

истокам», провозглашенной частью мыслителей белой эмиграции, таких как Павел Милоков, Николай Бердяев, Георгий Федотов³. Однако уже к середине 1990-х российская элита, будучи окруженной «борцами с наследием кровавого прошлого», все в большей мере стала тяготеть к поддержке прямо противоположной стратегии. К тому же идея исторической преемственности Российского государства и создания единой линии великих достижений двух империй (Российской империи и Советского Союза) была выгодна российскому истеблишменту, поскольку она камуфлирует отсутствие явных успехов у государства и общества в постсоветский период. В настоящее время борьба в российской элите двух концепций по отношению к советскому прошлому стала особенно зримой в связи с общественной дискуссией о программе «десталинизации». В феврале 2011 года председатель президиума общественного Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов на встрече с президентом Дмитрием Медведевым высказал мнение, что неправильно говорить о «десталинизации» – необходимо говорить о «декоммунизации»⁴. Однако последние данные ВЦИОМ говорят о том, что российское общество не готово к такой радикальной политике – 45% респондентов считают десталинизацию мифом, не имеющим ничего общего с реальными задачами⁵.

Таким образом, одно и то же советское прошлое в зависимости от интерпретации оказалось или тяжелым наследием, которое тормозит развитие независимого государства, или великим прошлым, доказывающим, что можно с честью пройти любые социальные, политические и экономические

³ См., напр.: *Милоков П.* Воспоминания. М.: Издательство политической литературы, 1991; *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990; *Федотов Г.* Предисловие к книге «Святые Древней Руси». М.: Московский рабочий, 1990.

⁴ «Новая газета»: начнем с модернизации сознания // Newsland.Ru [http://newsland.ru/news/detail/id/646512/cat/42/].

⁵ Популярность Сталина в России стремительно растет // BBC. Русская служба [http://www.bbc.co.uk/russian/society/2011/04/110427_stalin_vciom_support.shtml].

испытания. Символический и политический капитал интерпретации советского периода был крайне важен для государств, которые только искали свое место на международной арене. Именно поэтому во внешнеполитических курсах новых государств наблюдалось желание получить некие преференции за наличие тоталитарного наследия, а в случае России советское наследие рассматривалось как легитимация притязаний нашего государства на особый международный статус. Показательна в этом контексте история с сохранением Россией своего места в Совете безопасности ООН: сосредоточение в границах Российской Федерации значительных материальных и военных ресурсов СССР позволило стране сохранить место постоянного участника в одном из самых влиятельных международных институтов.

История как яблоко раздора между регионами Украины

Проблема национального строительства на основе отрицания советского периода истории не так однозначна, как, возможно, того хотелось силам, выдвигающим те или иные национальные проекты для украинского общества. Не требует особых доказательств тезис о том, что Украина пока не представляет собой единого культурного пространства и что региональная идентичность в ней все еще сильнее украинской национальной идентичности. Можно говорить об идейном и политическом расколе между высоко урбанизированным и индустриализированным юго-востоком страны и преимущественно аграрным западом.

Часто этот раскол фиксируется через образы двух городов – западного Львова и восточного Донецка. Первый город являет собой прекрасный пример центрально-европейского города, где основная архитектурная застройка произошла до 1939 года. Львов имеет древнюю историю, уходящую своими корнями еще в домонгольский период. Город ус-

пел побывать в составе нескольких государств, что неизбежно отражалось в его архитектуре и этническом составе жителей. Во Львове много церквей различных христианских конфессий. Донецк как город – дитя советского периода украинской истории. Поселок Юзовка, который предшествовал Донецку, получил статус города в 1917 году. Долгое время он носил название Сталино. Являлся одним из главнейших индустриальных центров Советского Союза. В 1970 году ЮНЕСКО признала Донецк лучшим индустриальным городом мира. В свою очередь центр Украины и ее столица Киев являют нам смешение двух предыдущих «градостроительных традиций». Киев, как и Львов, успел побывать в составе различных государств, но так же, как и в случае Донецка, его архитектурный облик во многом создан в послевоенное время.

Да и вся Украина как единое политическое и культурное пространство стала складываться именно в советский, послевоенный период истории. И это относится не только к границам государства, но и к архитектурному облику городов, историческому нарративу, пантеону героев, образам врагов и т.д., то есть всему тому, что принято понимать под исторической памятью. Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), по крайней мере ее юго-восточные регионы, играла важнейшую роль в судьбах советского государства. Это был не только один из главных индустриальных центров СССР и всего «лагеря социализма», но и кузница кадров. Идея о «новой исторической общности – советском народе» именно здесь получила свое подтверждение. Впрочем, и Киев всегда негласно признавался третьим по значению городом Советского Союза. Распад СССР поставил перед украинским обществом сложнейшую задачу: строительство национального государства на пространствах, которые культурно никогда не мыслились в национальных категориях. Именно это уравнение пришлось решать как украинскому руководству, так и простым

гражданам страны. Все это в совокупности выдвинуло проблему национального строительства на передний план украинской политики.

В этой ситуации особое значение приобрела «политика памяти», а в ней важную роль стала играть коммеморативная практика. Снос или сохранение памятников советскому руководству получили огромный политический и символический смысл. Например, в Закарпатье в 2010 году было решено памятник Ленину переплавить в памятник епископу Бачинскому⁶. Такое же большое значение имела установка в различных регионах Украины новых памятников, которые утверждали различные исторические нарративы: в 2009 году в г. Батурине (столице украинских гетманов в 1669–1708 годах) был открыт памятник «Молитва за Украину», посвященный гетманскому периоду истории, а в Киеве появились памятники гетману Мазепе и Паниковскому – герою советского юмористического романа.

Откровенным проявлением войны памятников стало сооружение памятника лидеру армии украинских националистов (УПА) Степану Бандере во Львове (открыт в 2007 году) и памятника «Выстрел в спину» в Симферополе, посвященного советским гражданам – жертвам бандеровцев (открыт в 2007 году). Надо отметить, что на востоке Украины устанавливается немало памятников жертвам УПА, а на западе идет активное увековечивание памяти сражавшихся в УПА.

Особый интерес для исследования представляет тот факт, что в Украине памятники, посвященные важнейшим датам и персонажам национальной истории, но отражающие кардинально разные взгляды на нее, стали активно открываться после 2006 года. Посмеем предположить, что это связано с тем, что тогдашний президент Украины Виктор Ющенко сделал резкий крен в сторону национальной политики в своем внутреннем курсе, что привело

к противоречивым событиям, которые усугубили активированный «оранжевой революцией» геополитический и национальный раскол внутри украинского общества.

Надо отметить различную стратегию установки памятников в региональном разрезе в Украине. Западная Украина, лишенная в советское время возможности увековечивать своих героев, активно занялась этим после 1991 года. Юго-восток Украины в целом стремится сохранить советское наследие памятников. В центре страны наблюдаются смешанные практики: так, памятник Ленину на киевском Крещатике находится совсем рядом с Майданом Незалежности. Однако это не приводит к национальному умиротворению. Напротив, новостные ленты пестрят известиями об осквернении памятников, которые затрагивают противоречивые события украинской истории (например, история с памятником Сталину в Запорожье: возведенный под град осуждений в 2010 году, он был полностью уничтожен националистами незадолго до нового 2011 года).

Политическая инструментализация истории

В этом контексте большой интерес представляет политика использования памяти о Голодоморе. В 1932–1933 годах в центре и на юго-востоке Украины из-за противоречивой советской политики коллективизации возник массовый голод среди крестьянства.

Украинский историк Георгий Касьянов выделяет несколько этапов инструментального использования образа Голодомора в политике независимой Украины. Он отмечает, что впервые тема Голодомора всплыла в период перестройки. Тогда она служила украинским националистам одним из аргументов для критики советских реалий. Уже после распада СССР украинские политики очень быстро оценили мобили-

⁶ Закарпатского Ленина переплавят в епископа Бачинского // Лента.ру [http://lenta.ru/news/2010/09/01/lenin/].

зационный потенциал этой темы. При этом трактовка и использование темы Голодомора менялись от президента к президенту. Так, для первого президента Украины Леонида Кравчука очень важно было активно развивать тему обвинений тоталитарного прошлого, чтобы как можно дальше отмежеваться от своего прямого участия в советском руководстве. При этом Голодомор во времена Кравчука, который первым публично увековечил эту тему на официальном уровне, служил отличным инструментом для объяснения неудач в настоящем наследием тоталитарного прошлого. В годы президентства Кравчука происходит слияние общественных и государственных коммеморативных практик: так, государство начинает активно поддерживать панихиды, крестные ходы и установки крестов на могилах погибших.

Президента Леонида Кучму мало интересовала тема советского прошлого. Она всплывала только в ситуации острых политических кризисов конца 1990-х – начала 2000-х годов. Однако именно за время долгого президентства Кучмы миф о Голодоморе как о центральном событии национальной истории окончательно утвердился в образовании и национальном дискурсе. Эта политика не носила навязывающего характера, что позволяло обходить острые углы в вопросах трактовки трагических событий советского прошлого.

Включение темы Голодомора в политическую повестку дня происходит при Викторе Ющенко. Георгий Касьянов находит этому несколько причин. Прежде всего, обращение Ющенко к теме голода 1932–1933 годов совпадает по времени с активизацией борьбы за перераспределение власти (2006–2008). Еще одной причиной интенсификации исторической политики при Ющенко был расчет на то, что национально ориентированная гуманитарная поли-

тика и историческая политика как ее элемент могут стать источником «морального исцеления» общества и будут способствовать становлению морально-политического единства Украины. Эту надежду в наибольшей мере разделяла та часть президентского окружения, которая формировалась из состава уцелевших к нулевым годам сил «национал-демократов» и представителей зарубежной украинской диаспоры⁷.

Успехи и неудачи попыток украинской десоветизации

На этом фоне интересно проанализировать социологические данные о мнении жителей Украины по поводу советской истории и памятников того времени. Так, согласно последнему исследованию Research & Branding Group, посвященному исторической памяти, украинцы наиболее позитивно относятся к героям советской эпохи: Юрию Гагарину (83%), маршалу Георгию Жукову (60%) и академику Андрею Сахарову (53%)⁸. Любопытно, что все деятели советского времени намного превосходят по популярности любого национального героя Украины, включая персоны, чьи портреты граждане видят на национальных денежных купюрах. Такие неожиданные итоги политики «десоветизации», активно проводившейся во времена Виктора Ющенко, авторы исследования объясняют продолжением воспроизводства штампов советской пропаганды.

Такие фигуры, как Владимир Ленин, Нестор Махно, Симон Петлюра, оказываются разъединителями украинского общества. Отношение к ним разное и зависит от региона, где проводился опрос. Ленин популярен на юго-востоке Украины как создатель советского государства, Махно – на родине в Днепропетровской области, Петлюра – в центре страны, но больше на западе.

⁷ Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. № 3. Май – август. С. 29.

⁸ Историческая память украинцев: точки сближения и разрыва. Часть 1. Исторические личности // Research & Branding Group [http://www.rb.com.ua/rus/analytics/socymum/7284/].

Здесь он предстает как борец за самостоятельность Украины. На востоке же Украины Петлюра – в числе основных антигероев.

Однозначно негативной исторической фигурой признается Иосиф Сталин, что позволяет говорить о некоторых успехах политики десоветизации Украины. В отличие от России в Украине Сталин не рассматривается как отец Победы 1945 года, напротив, здесь «полководческий талант» кремлевского генералиссимуса чаще осмеивается.

В стране делается акцент прежде всего на вкладе каждого украинца в Победу, которая для многих обернулась трагедией. Не будем также забывать, что еще в СССР было несколько волн критики Сталина и «культы его личности» в хрущевский и горбачевский периоды. Особенно сильным и, как оказалось, эффективным для Украины был последний по времени удар по культуре личности вождя, в эпоху перестройки, совпавший с ростом национального самосознания украинцев. В России этого не произошло. Российские политики недолго публично осуждали Сталина и весь советский период. Уже в середине 1990-х образ Сталина оказался мощным инструментом в руках политических сил, разочарованных периодом перестройки и демократических реформ. В России, в отличие от Украины, не состоялось общественное осуждение сталинского периода истории.

В украинском же обществе дискуссия «за» и «против» советского наследия растянулась далеко за границы перестройки. Большинство политических сил страны, кроме непопулярных здесь коммунистов, именно на Сталина возлагает ответственность за тоталитарную политику и многомиллионные жертвы украинского народа как в ходе коллективизации, Голодомора, так и во время Второй мировой войны. В целом Вторая мировая война оценивается как общая трагедия всех украинцев.

В украинском обществе существует консенсус относительно вопроса о демонтаже памятников воинам Красной Армии. Недавнее исследование ВЦИОМ показывает, что «на Украине, как и в России, подавляющее большинство опрошенных негативно относятся к этой идее (83%) и лишь 12% ее одобряют. Наибольшее неодобрение высказывают жители юго-востока Украины (87%)»⁹.

Таким образом, историческая память и памятники в современной Украине играют важную, но противоречивую роль в строительстве национальной идентичности. При этом не только украинское общество, но и государство не выработали единой стратегии репрезентации национальной идентичности через памятники. Это связано с отсутствием единого понимания таковой даже среди украинской элиты, которая во многом все еще зависит от электорального маятника, когда каждый выборный цикл победу на президентских выборах одерживает не общенациональный лидер, а кандидат от региона – то запада страны, то юго-востока.

Во многом этот маятник раскачивается самой политической элитой, неспособной или нежелающей приступить к решению первостепенных задач, стоящих перед Украиной, – модернизации экономики (а не проедания остатков советского наследия), а также повышения уровня жизни граждан. В этой ситуации интерпретация задач nation-building является едва ли не единственным капиталом, которым объективно можно обладать в украинском политическом процессе. Памятник, в свою очередь, оказывается отнесенным к инструментам политических технологий.

Такая ситуация возникает в связи с тем, что государственный исторический нарратив входит в противоречие с сильными нарративами региональной

⁹ Нужны ли памятники воинам Красной Армии на территории бывшего СССР? // ВЦИОМ [<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13471>].

исторической памяти. Запад и юго-восток Украины долгое время существовали отдельно друг от друга. До сих пор единая украинская элита не сложилась, ее региональные группы являются носителями разных политических, идеологических и культурных интересов. И если Львов и другие западные регионы страны отстаивали за собой право быть центром украинского национализма, то юго-восточные регионы долгое время претендовали на роль хранителя советских традиций. Ныне эту миссию открыто демонстрирует только элита Севастополя, другие же части юго-востока в большей мере позиционируют себя как защитники не столько политических, сколько культурных ценностей, и не столько советских, сколько русских. Именно этой части украинских граждан нынешний президент Украины Виктор Янукович на своих предвыборных митингах обещал поднять статус и усилить роль в стране русской культуры и русского языка. Демонстрация региональными элитами различий своих идеологических задач приводит к тому, что любые интегративные попытки ук-

раинской власти наталкивались на острые региональные противоречия. Так, особая постсоветская ментальность юго-востока, которая настойчиво воспроизводится каждый электоральный цикл, была полностью исключена из государственного нарратива. Современные учебники пишутся преимущественно с позиций западноукраинского региона, что вызывает недовольство жителей юго-востока. В свою очередь, на западе не могут смириться с включением советских героев в украинский общенациональный список.

Украинская политика остро нуждается в объективной повестке дня. В этой ситуации национальной идеей может быть единое будущее, а не разорванное прошлое. Представляется маловероятным, что в Украине когда-нибудь возникнет всеобщий консенсус относительно прошлого, но украинской элите и обществу крайне необходимо прийти к консенсусу по основным социальным, политическим и экономическим проблемам государства, которые часто выпадают из повестки дня, когда идет схватка за историю.

Текущее состояние гражданского общества как отражение парадоксов современной России

Процесс развития российского гражданского общества настолько сложен и противоречив, что я не беру на себя смелость давать однозначные и категорические оценки всему, что происходит. И это несмотря на то, что последние десять лет непосредственно занималась этими проблемами.

На мой взгляд, в первую очередь это связано с тем, что за прошедшие 20 лет после распада СССР в России так и не сформировано современное мировоззрение, не сложилась система ценностей, отвечающая потребностям сегодняшнего дня, но с учетом традиций русской культуры, а также уроков сложного исторического прошлого.

Отсюда проистекает и невнятная, противоречивая политика власти, которая мечется между Западом и Востоком, пытаясь выиграть на их противоречиях, а в результате нередко стратегически проигрывает как внутри страны, так и за ее пределами.

Именно мировоззренческий сумбур в головах наших политиков и в общественном сознании не позволяет России идентифицировать себя как демократическую европейскую страну и занять соответствующее положение на мировой политической арене.

Наиболее выпукло эта мировоззренческая сумятица проявляется в расколовших общественное мнение неутихающих спорах по поводу Сталина. В проведенном недавно опросе телезрителей федерального 5-го канала 71,5% дозвонившихся на вопрос «Кто для вас Сталин?» ответили: «великий вождь», менее 18% – «наша история», и только

Элла Александровна Памфилова, старший научный сотрудник Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; министр социальной защиты населения России (1991–1994), председатель Совета при президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (2004–2010)

около 11% – «кровавый палач». Даже если делать скидку на специфику активно участвующих в подобных голосованиях, результаты ошеломляют. Но еще больше впечатляет то, что отношение к Сталину вызвало споры внутри Русской православной церкви, и это притом что она в свое время понесла наибольшие потери, когда по указке Сталина было разрушено несчетное количество храмов и зверски убиты многие священнослужители. Когда в одном из интервью архиепископ Волоколамский Илларион заявил, что Сталин – чудовище, духовный урод, развязавший геноцид против народа своей страны, и сопоставил его с Гитлером, в его адрес посыпались возмущенные отклики не только традиционных коммунистов-сталинистов, но и православных публицистов и рядовых священнослужителей. Мало того, в некоторых приходах автономных церквей стали вешать иконы с изображением Сталина! Этот поразительный феномен почти необъясним. Например, моя покойная мама по вине Сталина осталась сиротой в семимесячном возрасте, но она до конца дней своих его буквально боготворила, и никакие мои доводы не могли поколебать ее веру в «великого вождя». В начале демократических реформ, когда Борис Ельцин был на пике популярности и люди испытывали эйфорию от происходивших в стране изменений, ко мне на улице подошли несколько молодых женщин, поскольку узнали меня, и попросили передать Ельцину слова поддержки, любви и восхищения: «Мы его так любим, так уважаем, ну.. как Сталина!» Прошло 20 лет, а сумбур во многих головах остался.

Директор молодежного служения Свято-Данилова монастыря РПЦ игумен Петр предположил, что нынешнее состояние российского народа пронизано невротическим, глубоко болезненным комплексом катастрофической неполноценности, которая несовместима с христианством и элементарной эти-

кой. Соглашусь с ним. Видимо, именно это порождает депрессивное психоэмоциональное состояние, низкий уровень социального оптимизма наших людей. А приводит это к тому, что мы концентрируемся исключительно на негативе, не замечаем собственных успехов, которых не так уж и мало, и продолжаем относиться к себе хуже, чем того заслуживаем на самом деле, испепеляя себя так, как ни один народ, а потом удивляемся и обижаемся, почему к нам относятся, мягко говоря, не очень хорошо.

Приведу еще одно высказывание игумена Петра: «Ориентация России на Китай и Азию под антиевропейское, антизападное улюлюкание означает выход из парадигмы христианской цивилизации. Получается, мы вопим о своем христианстве, а на деле геополитически от него явным образом отказываемся»¹.

Я сознательно привожу слова священнослужителя, хотя сама могла бы высказаться по данному поводу еще более жестко или обратиться к мнению политиков демократического, либерального толка, но в этом не было бы ничего удивительного. А вот то, что в среде священнослужителей появились люди, понимающие опасность данного процесса, дорогого стоит. Я полагаю, что это серьезное предупреждение власти не идти на поводу просталинских настроений, потому что эта дорога ведет в тупик. А наши власти грешат этим. С одной стороны, они декларируют публично антисталинскую, анти тоталитарную позицию, а с другой – используют просталинские настроения тогда, когда им, властям, это выгодно, для ограничения политических и гражданских прав, давления на суд, на СМИ, на политических оппонентов. В результате именно власти порождают новую протестную просталинскую волну, и уже среди молодежи. Эти настроения гораздо опаснее настроений стариков, испытывающих тоску по советскому прошлому.

Это подтверждают и события в конце прошлого года на Манежной площа-

¹ [<http://www.apn-spb.ru/opinions/article5723.htm>]

ди, которые стали для власти полной неожиданностью и явились грозным предупреждением о порочности и опасности заигрывания с радикалами как в внутри страны, так и вовне.

Если бы политическое руководство России четко позиционировало себя стратегическим союзником Запада, декларировало приверженность общим с ним ценностям и последовательно развивало демократические институты, они наверняка нашли бы мощную опору среди активной части населения. В свою очередь США и Европе следует более четко определиться по отношению к России, всерьез рассматривая ее как потенциального союзника в сохранении и укреплении западной цивилизации. В этом процессе трудно переоценить роль гражданского общества в развитии многоуровневых многогранных контактов, в первую очередь для сближения мировоззрения, системы ценностей, формирования в России правового сознания. И это не игра в одни ворота, поскольку и у российского некоммерческого сектора накоплен уникальный опыт в разных сферах жизнедеятельности.

Процессы в российском гражданском обществе имеют противоречивый характер. На смену бурному проявлению гражданской активности в 1990-х годах, вызванному сначала надеждами на демократические перемены в стране, а потом глубоким разочарованием из-за коррупции и нищеты, пришло определенное успокоение, обусловленное относительным материальным благополучием 2000-х. На фоне этого материального благополучия и стабильности (что в России случалось крайне редко), и особенно по сравнению с 1990-ми, российское общество спокойно закрыло глаза на наступление государства на политические и гражданские права и свободы, позволило их существенно ограничить. В большинстве своем для него были характерны инертность, равнодушие, разобщенность и неверие в собственные возможности. В этот период под предлогом борьбы с терроризмом государственной машиной был

нанесен сильный удар по небольшой, но самой активной части гражданского общества в виде ужесточения законодательства о деятельности НКО. Мне как председателю общественного Совета при президенте России пришлось приложить немало усилий вместе с моими коллегами, чтобы ситуация стала меняться к лучшему. В середине 2009 года президент Медведев поддержал позицию НКО-сообщества о необходимости либерализации законодательства о некоммерческом секторе. Эта работа по созданию более благоприятных условий для деятельности Третьего сектора последовательно продолжается.

Сегодняшнюю ситуацию в России с состоянием гражданского общества и правами человека я бы не стала характеризовать как топтание на месте или хождение по замкнутому кругу. Все гораздо сложнее. Власть нередко имитирует процесс развития гражданской активности и пытается направлять реальные гражданские инициативы в созданный ею виртуальный лабиринт, где любая колея ведет в тупик или в выгодный для коррумпированной бюрократии загон с кормушкой для послушных.

Однако параллельно в обществе стремительно нарастает неподконтрольный власти процесс неформальной самоорганизации граждан, которые все больше осознают, что без серьезных политических изменений декларации о правах, свободах и гражданском обществе выливаются в пустую болтовню. Мой сдержанный оптимизм вызван тем, что на выжженном политтехнологами политическом поле, на этом кладбище из партий-мертвецов, вопреки всему пробиваются живые ростки гражданских инициатив и гражданских объединений, которые наращивают общественное давление на власть, побуждая ее действовать в интересах людей. Пока это довольно слабое явление, вот почему так важно поддержать его. В моем понимании гражданское общество – это, в первую очередь, сообщество мыслящих, неравнодушных личностей, которые ощущают себя ответственными за то,

что происходит в стране. Гражданское общество тем и отличается от обывателей, что оно способно к самоорганизации в ситуациях, когда необходимо решать волнующие людей проблемы. Зрелое гражданское общество формирует в стране базовую систему ценностей, на основе которой развивается и культура, и политика, и экономика, и образ жизни. Оно способно генерировать гражданские инициативы и добиваться их осуществления, влияя на государственную систему управления. Оно способно контролировать власть, но в то же время и разделять с ней ответственность. Таким я представляю себе идеальное гражданское общество, до которого еще очень далеко, но мы, подчас спотыкаясь и сбиваясь с пути, все же движемся к нему. Во всяком случае, все мои усилия были направлены именно на это.

По официальным данным, в России насчитывается свыше 360 тыс. НКО. Из них реально действующих – примерно 136 тыс., т.е. около 38%. Уровень вовлеченности населения в деятельность НКО пока довольно низкий – примерно пятая часть. При этом потенциальный уровень участия, по всем опросам, значительно выше. Самое главное, именно у представителей гражданского сектора, как и малого бизнеса, наиболее высок запрос на модернизацию, и этот запрос набирает силу. По данным совместного исследования ВЦИОМ и Общественной палаты «Социальный потенциал модернизации», проведенного на примере Южного федерального округа, в стране имеется креативное меньшинство (2%), активные слои (25%), готовые апробировать модернизационные нововведения, и благожелательное большинство (66%). В то же время это благожелательное большинство плохо понимает, что на самом деле кроется за декларируемой президентом модернизацией. Ожидания общества связаны, в первую очередь, с социальным измерением развития, но не только. Не менее важными стали культурные и духовно-нравственные аспекты, в отличие от недавних времен,

когда все затмевали вопросы построения рыночной экономики.

Нынешний запрос общества является предупреждением против чистого технократизма, требованием сочетания инновационного развития с личностным развитием, развитием человеческого потенциала. По этому поводу идет довольно бурная общественная дискуссия, уже обозначен целый ряд приоритетов. Если говорить об активных группах населения, то по всем опросам число тех, кто считает модернизацию страны главным приоритетом, сравнялось со сторонниками так называемой стабильности. Проще говоря, люди устали от болтовни и начинают понимать, что нужна не имитация, а создание реальных условий для развития, выход из «стабилизации», которая на деле превратилась в стагнацию во всех сферах. Поэтому в приоритете запрос на политические перемены: политическую конкуренцию, реальные выборы, независимые суды, декриминализацию и реформу всей правоохранительной системы, включая ФСБ, а не только милицию. В этом солидарны практически все слои общества независимо от политических пристрастий.

Но что способствует, а что препятствует модернизации? Начну с негативных факторов – так называемых разрывов:

- основной разрыв, определяющий практически все, – это разрыв между декларируемой модернизацией и неспособностью нынешней политической системы ее осуществить. Если всерьез говорить о модернизации, необходимы кардинальные демократические изменения;
- разрыв между вертикальной и горизонтальными системами управления. Как ни странно, они почти не пересекаются, и во многом это обусловлено отсутствием условий для развития местного самоуправления;
- разрыв, почти пропасть, между властными структурами всех уровней и населением, обусловленный в первую очередь отсутствием обратной связи между людьми и чиновниками, посто-

янных площадок для взаимодействия между госструктурами и общественными организациями на всех уровнях. Большинство россиян осознает, что государства слишком много там, где не надо: оно обрушивается на их головы в виде рейдерства, административного давления, произвола, коррупции, ограничения прав и свобод. А там, где оно необходимо, где надо защищать людей от бандитов, терактов, пожаров, природных бедствий и техногенных катастроф, – государства практически нет;

- еще один почти беспрецедентный разрыв – между общественными организациями и политическими партиями. Гражданские инициативы в российских условиях практически не учитываются политическими партиями и не является для партий источником идей и политических инициатив в Государственной думе;

- еще раз акцентирую внимание на разрыве в общественном сознании по вопросу формирования системы ценностей, адекватной потребностям современного развития страны. Идеологическая непримиримость, мировоззренческий хаос в общественном сознании демонстрируют интеллектуальную слабость так называемой политической элиты, которая до сих пор так и не нащупала идей, которые могли бы стать объединяющими в стране;

- разрыв внутри самого гражданского общества, который свидетельствует о низком уровне социального капитала, базирующегося на доверии и взаимодействии. Согласно исследованиям, проведенным по заказу Центра исследования гражданского общества ВШЭ, около 76% россиян считают, что в отношениях с людьми следует быть осторожным, – и именно в этой категории преобладает разобщенность. Лишь 18% полагают, что большинству людей можно доверять, и говорят о сплоченности нашего общества. Примерно треть россиян социально одиноки, еще столько же замкнуты исключительно на ближний круг и с недоверием относятся к другим, не входящим в их сообщество. Это тормозит развитие социальной са-

моорганизации и ответственности, партнерства внутри гражданского общества, его взаимоотношений с бизнесом и государством;

- религиозные и межэтнические разрывы, религиозная поляризация и радикализация, приоритет этнического принципа в формировании образа жизни, что в ряде национальных республик входит во все большее противоречие с законами светского государства;

- региональные разрывы практически по всем параметрам социально-экономического развития, по уровню и качеству жизни, доступности здравоохранения, образования, рынку труда и т.д.;

- разрыв между стремительно растущим запросом на компетенцию как основное условие инновационного развития и ущербным предложением, вызванным вопиющим непрофессионализмом, слабой подготовкой кадров практически во всех сферах бизнеса;

- недопустимо глубокий разрыв между самыми бедными и самыми богатыми. Нет ни одной развитой страны Запада, где бы, как в России, за время экономического кризиса число миллиардеров возросло на 10%. Москва ныне вернула себе титул мировой столицы миллиардеров. И это при столь широко распространенной российской бедности, имеющей ряд особенностей. Первая из них состоит в том, что бедность в нашей богатой стране проистекает не от нехватки средств, а от нежелания и неумения правильно направить финансовые потоки и иные ресурсы в точки роста и развития. Следующая особенность связана с категорией «новые бедные», включающей семьи с двумя и более детьми, особенно семьи библиотекарей, врачей, учителей, музейных работников и других представителей науки и культуры, технической интеллигенции, т.е. потенциально наиболее здоровую часть общества, способную при определенных условиях обеспечить развитие страны. Еще одна характерная черта российской бедности заключается в том, что она зачастую носит социально-психологический, а не социально-экономи-

ческий характер. Одна часть россиян позиционирует себя как бедные, хотя по всем параметрам таковыми не является. Другая же часть считает себя вполне состоятельным средним классом, но имеет уровень доходов в пределах двух-трех прожиточных минимумов. Очевидно, что такой средний класс не в состоянии реализовать современные модели культуры потребления. Причем для всех без исключения социальных групп российского общества особой остроту приобрела проблема справедливости. Равенство возможностей в массовом сознании является неременным условием свободы. С учетом российского менталитета именно идея справедливости могла бы стать объединяющим фактором, который не оставил бы ни малейшего шанса сталинистам и прочим приверженцам тоталитарной системы. Но, увы, этот принцип входит в глубокое противоречие с интересами наших доморощенных представителей крупного капитала, тесно переплетенных с властными группировками;

- и наконец, разрыв между стремительно увеличивающейся частью общества, имеющей доступ в Интернет и освоившей культуру сетевого взаимодействия, и потребителями телевизионной, в основном оболванивающей развлекательной продукции. По официальным данным, российская блогосфера только за один 2008 год увеличилась вдвое! Особенно активны подростки, и это в определенной степени является ресурсом развития их гражданской активности в традиционном пространстве. Интернет в России превращается в мощную объединительную площадку для отстаивания прав и свобод.

Прошедший 2010 год продемонстрировал нарастающие качественные перемены в развитии общественных процессов, став, на мой взгляд, пере-

ломным для формирования гражданского общества в России. Это особенно отчетливо проявилось во время летних пожаров, когда на фоне беспомощности государственных структур гражданам пришлось самоорганизовываться для борьбы с огненной стихией. Центром «гражданского отпора» пожарам были независимые «сетевые сообщества», которые инициировали, мотивировали, мобилизовывали и структурировали общественное участие. К тому же массовая общественная деятельность впервые в России финансировалась самими гражданами.

Стремительный рост неформальных, высокого социального качества и высокого уровня ответственности гражданских инициатив в связи с пожароопасной обстановкой продемонстрировал, что в России возможна не только эффективная гражданская самоорганизация, но и саморегулирование, по сути – реальное гражданское самоуправление.

В обществе все больше осознается потребность в самоорганизации и гражданской солидарности в решении социальных, экологических, жилищных и иных проблем. Растет протест против политтехнологических манипуляций и имитации политической деятельности.

И самое главное, возрастает значимость политических прав и свобод, потребность в их отстаивании. Общество постепенно приходит к пониманию того, что именно это является условием высокого качества жизни, обеспечения безопасности, развития личности. Пока это довольно слабые ростки, которые надо поддерживать, но я убеждена, что в ближайшие годы гражданское общество в России станет достаточно мощным для того, чтобы серьезно влиять на политические процессы в стране. Полагаю, что грядущие парламентские и президентские выборы будут проходить уже в иной атмосфере.

Русскоязычные пространства за рубежом: специфика формирования и основные особенности

Череда массовых эмиграционных исходов из распавшейся Российской империи после 1917 года, из Советского Союза и впоследствии из России послужила причиной возникновения крупных образований русскоязычных на территории различных государств. Этот сформировавшийся за пределами России «русский мир» представляет несомненный интерес для исследователей. В рамках государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом большое внимание уделяется выстраиванию и укреплению устойчивых позитивных отношений России с различными группами русскоязычных за рубежом и всесторонней помощи им. При этом в категорию соотечественников включаются лица, принадлежащие к различным эмиграционным исходам и/или имеющие непосредственное отношение к геополитическим трансформациям государств (Российской империи и Советского Союза), а также граждане РФ, постоянно проживающие за рубежом. Таким образом, соотечественники состоят из больших и разнородных групп, включающих в себя, во-первых, граждан РФ, постоянно проживающих за пределами РФ; во-вторых, представителей диаспор, возникших вследствие дезинтеграции СССР; и, в-третьих, представителей разных эмиграционных исходов с территории Российской империи и СССР. В этой классификации следует учитывать и деление соотечественников на проживающих в «ближнем» и «дальнем» зарубежье, что предполагает наличие характерных черт в каждой из указанных групп. На базе проведен-

Вячеслав Дмитриевич Попков,
*доктор социологических наук,
профессор кафедры организационной
и социальной психологии Калужского
государственного университета им.
К.Э. Циолковского*

ных исследований¹ я попытаюсь обозначить некоторые основания для такой классификации и выявить специфику каждой из групп соотечественников, что представляется важным для понимания сути явления русскоязычного пространства в целом.

В основе методологии исследования лежала феноменологическая традиция в социологии². Всего было проведено 91 интервью с представителями потомков первой, участниками второй и четвертой волн эмиграции, проживающими в Брюсселе, Мюнхене, Париже и Франкфурте-на-Майне. Из них 37 нарративных интервью было проведено с представителями первой и второй эмиграций и их потомками в 2005–2008 годах, а также 54 тематически центрированных интервью с представителями последней эмиграции в Германии в 2005–2006 годах.

Русское зарубежье: первая и вторая волны эмиграции

Понятие «русское зарубежье» (также «зарубежная Россия») используется в большей мере в художественной литературе и публицистике, нежели в научных статьях. Однако оно представляется достаточно удачным для разграничения таких массовых и культурно различных исходов, как, например, эмиграция вследствие октябрьских событий 1917 года и эмиграция граждан бывшего СССР после его распада. Попробуем рассмотреть данное понятие в содержательном плане и обозначить его контуры.

Русское зарубежье как культурно-политическое явление было образовано эмигрантами из распавшейся Российской империи, составившими так называемую «первую волну», которая

ограничивается примерными временными рамками с 1918 по 1923 год, что связывалось с установлением власти большевиков и поражением Белого движения. По различным данным, за этот короткий период Россию покинуло от 920 тыс. до 3 млн человек³. Другие источники приводят еще более внушительные данные – 4–5,5 млн человек⁴. Первая эмиграция включала в себя весь политический спектр дооктябрьской России, кроме большевиков.

С точки зрения исследования эмиграционных исходов в первой эмиграции важно то, что она является единственным «легитимным» носителем русской культуры без последующих советских вкраплений. Все более поздние эмиграционные исходы представляют собой уже некий «коктейль» на основе русской культуры с различными по объему и «крепости» советскими «добавками». Можно также сказать, что в результате первой эмиграции за границу был вывезен значительный пласт русской культуры. Именно с первым исходом связывается начало «Великой русской эмиграции», по выражению Ганса-Эриха Фолькмана, и создание русского зарубежья как социокультурного и политического феномена, как попытки «консервации» элитной русской культуры⁵. С первой эмиграцией связано и создание «параллельной политической России», поскольку возникновение русского зарубежья сделало возможным существование двух политических культур: русской зарубежной и советской.

Сильное влияние на русское зарубежье оказала вторая эмиграция, которая возникла в результате немецкого вторжения в июне 1941 года. Второй эмиграцией принято считать тех, кто во время Второй мировой войны различными путями, как вынужденно, так и

¹ Исследовательский проект был реализован при поддержке Фонда Александра Гумбольдта.

² Щюц А. Избранное: Мир, священный смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

³ Wrangel v. W. F. Die russische Emigration. In: Staat und Volkstum. Bücher des Deutschtums 2. Bd. Herausgegeben von Dr. K. L. v. Loesch in Zusammenarbeit mit U. H. Ziegfeld. Berlin: Berliner Schutzbund Verlag, 1926. S. 299–300.

⁴ Вишневецкий А., Зайончковская Ж. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 6.

⁵ Volkman H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg: Holzner Verlag, 1966. S. 137.

добровольно, попал в страны Западной Европы, в основном на территорию Третьего рейха. После окончания войны для большинства эмигрантов последовала репатриация, как насильственная, так и добровольная, но заметной части удалось либо остаться в Европе, либо эмигрировать дальше, за океан. До сих пор нет достоверных данных о том, сколько человек осталось в эмиграции после насильственных выдач союзниками и репатриации. Минимальная цифра второй эмиграции приводится Владимиром Поремским – 100 тыс. человек⁶. Называются и другие, более внушительные данные, однако наиболее убедительная логика подсчета невозвращенцев содержится в исследованиях Павла Поляна, согласно которой вторая эмиграция не превысила 700 тыс. человек⁷.

Несмотря на наличие многих общих черт, характерных как для первого, так и для второго исхода, в культурном смысле это были «несовпадающие», хотя и сильно «пересекающиеся» эмиграции. К сфере таких «несовпадений» относились в первую очередь советские культурные «вкрапления», характерные для второго исхода. Именно во второй эмиграции впервые стали обнаруживаться символы, идеи, трактовка исторических событий, которые либо не совсем совпадали, либо находились в противоречии со взглядами первой эмиграции. Эти неизбежные различия привносили определенное непонимание в процесс общения между первой и второй эмиграцией и являлись поводом для взаимных упреков. В остальном между ними было больше «пересечений», нежели «несовпадений». Эмигранты и первой, и второй волны имели военный опыт, причем многие еще и опыт Гражданской войны. Советская система была для них в принципе неприемлема и смертельно опасна, а невозможность возвращения в «ту» Россию – очевидна. Все эти факторы способствовали культурному и

политическому единству заметной части первой и второй эмиграций. На базе значительных частей этих двух эмиграций, активно участвовавших в создании общего культурно-политического пространства, и состоялось впоследствии русское зарубежье как уникальный социокультурный и политический феномен.

Важно обратить внимание на следующие особенности русского зарубежья:

- выраженный антибольшевистский (позднее – антисоветский) характер. Обеим эмиграциям предшествовали различные по характеру (но одинаково неудачные) попытки организации вооруженного сопротивления советскому режиму;

- сформулированная идеологическая и культурная платформа, на базе которой русским зарубежьем предпринимались попытки культурного и политического влияния на страну исхода с целью свержения советского режима;

- небольшой временной промежуток между первым и вторым исходами. Во многих случаях речь шла об одном и том же поколении, что впоследствии существенно облегчило понимание между двумя эмиграциями;

- попытки сохранения и консервации русской православной культуры, связанные с идеей временности пребывания за границей. Большинство представителей первой эмиграции и впоследствии русского зарубежья были православными, что в целом определяло их систему ценностей и поведенческих ориентаций. Отсюда возникала миссия сохранения религиозного опыта и православных ценностей, что хорошо осознавалось «культурным слоем» первой эмиграции;

- активная борьба советского режима с русским зарубежьем, с первой и в особенности со второй эмиграцией; попытки нейтрализации и физического уничтожения его участников.

⁶ Поремский В. Политическая миссия русской эмиграции. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. С. 11.

⁷ Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 511.

Русскоязычное пространство: третья и четвертая волны эмиграции

Все вышеизложенные особенности русского зарубежья абсолютно нехарактерны для другой категории соотечественников, образующих «русскоязычное пространство», берущее свои истоки в третьем и впоследствии четвертом исходах из СССР и новой России.

Третья эмиграция охватывает более значительные временные рамки в сравнении с первой и второй волнами, которые являлись скорее беженскими эмиграциями, своеобразными эмиграционными выбросами, произошедшими за короткий период. Третья эмиграция включает весь период холодной войны, начиная с послевоенного времени и до 1991 года, когда был принят закон, снимающий все ограничения на выезд за границу. За этот период Советский Союз потерял 1 136 300 своих граждан. Выехало 592 300 евреев, 414 400 немцев, 84 100 армян, 24 300 понтийских греков, 18 400 евангелистов и пятидесятников и 2 800 представителей других национальностей и конфессий⁸.

Третья эмиграция является самой длительной из всех исходов. Этот достаточно продолжительный промежуток времени Сидней Хайтман разбивает на четыре этапа: 1948–1970 годы, 1971–1980 годы, 1981–1986 годы и 1987–1989 годы⁹. Первый период характеризуется относительно нерегулярным выездом лишь некоторых представителей ряда этнических групп (евреев, немцев и армян) в Израиль, Германию и Францию вследствие прямого воздействия правительств этих стран в пользу эмиграции. Второй период охватывает уже значительную и регулярную эмиграцию как результат ослабления политического контроля внутри Советского Союза и улучшения отношений между странами Запада и СССР. Третий этап отмечается ослаблением эмиграционного потока вследствие

усиления внутреннего контроля за эмиграцией и нового обострения отношений между Советским Союзом и западными странами. И последний, четвертый этап связывается с продолжением перестроечного периода в СССР и вступлением в 1986 году в силу новых правил выезда, существенно упрощающих процедуру эмиграции (Постановление Совмина СССР от 28.08.1986 № 1064).

Остается добавить, что окончание этой странной с правовой точки зрения эмиграции, когда разрешения на выезд выдавались отдельным представителям некоторых этнических групп, логичнее было бы относить не к концу восьмидесятых годов, как полагает Хайтман, а к маю 1991 года. Именно тогда Верховный совет СССР принял Закон «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», который вступил в силу намного позднее – 1 января 1993 года. С принятием этого закона, устанавливающего четкие правила выезда, въезда и проживания граждан страны за рубежом, «упраздняется» третья эмиграция и начинается четвертая.

Какими мотивами руководствовало правительство СССР, когда давало разрешение на выезд нескольких этнических и религиозных групп (немцы, евреи, армяне, греки, пятидесятники), сейчас трудно сказать, однако четкой правовой базы, закрепляющей право на выезд именно этих или хотя бы каких-то других групп из Советского Союза, не было. Выезд в основном осуществлялся по программам воссоединения семей. По крайней мере, в официальных опубликованных документах, регламентирующих въезд советских граждан в СССР и выезд из него, нет ни слова о том, что правом на эмиграцию обладают те или иные этнические (или другие) группы. Особо следует выделить подписание СССР Хельсинкского акта в 1975 году. Именно с этого момента у граждан Советского Союза появились правовые основания покинуть страну не по се-

⁸ *Heitman S. Soviet Emigration in 1990. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1991.*

⁹ *Ibid.* S. 4, 8.

мейным или этническим мотивам. Надо сказать, что таких людей, способных бросить вызов государству, оказалось не так много. В целом же следует констатировать полный правовой вакуум в Советском Союзе по вопросу эмиграции, а следовательно, и фактическое непризнание права на эмиграцию своих граждан.

Очевидно, что решения о выезде принимались властями достаточно волюнтаристски и определялись конъюнктурными политическими соображениями. Скорее всего, они были связаны с торгом с правительствами западных стран или с давлением этих стран, в первую очередь США (взять хотя бы поправку Джексона-Вэника), на советское правительство. В то же время нельзя не заметить, что в ряде случаев западная дипломатия не была достаточно эффективной, как это принято полагать, поскольку второй период относительно активной эмиграции сменился третьим, во время которого наблюдалась лишь ограниченная эмиграция, что связывалось с усилением внутреннего политического контроля. И только когда советское правительство уже во времена перестройки сняло ограничения на выезд, поток эмигрантов снова значительно увеличился.

Это наталкивает на мысль о том, что в основе «доброй воли» советского правительства выпускать представителей отдельных этнических групп лежали не только усилия западных стран и уж тем более не западное общественное мнение, как полагает Сидней Хайтман¹⁰. С этим мнением советское правительство никогда особенно не считалось. В основе таких действий лежали, скорее всего, особенности внутренней советской политики и чисто прагматические соображения полезности и выгоды отпускать или нет те или иные группы за границу. Можно предположить, что третья эмиграция шла под полным контролем (не считая, конечно, перебеж-

чиков) руководства СССР, а отнюдь не под влиянием западных стран, как это принято считать. В частности, западные страны почему-то даже и не ставили вопрос о выезде украинцев, белорусов, молдаван, русских и т.д. Уж не потому ли, что было заранее ясно, что советское руководство не пойдет здесь ни на какие уступки и все усилия будут обречены на провал?

Третья эмиграция была в основном добровольная, подготовленная, планируемая и официально разрешенная, в смысле «разрешения на выезд». То есть речь не шла о свободной эмиграции по личному желанию любого гражданина. Такой постановки вопроса даже не возникало. Но те, кто уезжал, получали соответствующее разрешение (выездную визу) и легально покидали страну. Еще одной особенностью третьей эмиграции было принятие предварительного решения и подготовка к эмиграции. Те, кто ставил своей целью добиться разрешения на выезд, готовили себя к эмиграции заранее, что проявлялось как минимум в противостоянии внешней советской среде, в которой желание уехать уже рассматривалось как предательство.

Чтобы покинуть страну без особых проблем, необходимо было по крайней мере декларировать лояльность властям, а мотивы выезда объяснять национальными симпатиями и «зovem предков», что и делало значительное количество советских людей, имевших в паспорте запись «еврей», «немец», «грек» или «армянин».

Третья эмиграция не была политической в своей массе, за исключением небольшого по количеству диссидентского движения, которое и дало основной политической окрас третьей эмиграции и политическую идею борьбы с советским режимом. Поэтому эмигранты третьей волны могут восприниматься как активные противники советского режима, что не соответствует

¹⁰ *Heitman S.* The Third Soviet Emigration: Jewish, German and Armenian Emigration from the USSR since World War II. // *Berichte des Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien.* 1987. № 21. S. 64.

действительности. Это были лишь несогласные или недовольные советским режимом. Для многих людей, покидавших СССР в третью эмиграцию, была очевидна несостоятельность советского государства. В основном осознавались ее внешние, бытовые проявления: постоянный дефицит товаров, очереди, бытовая неустроенность и т.д. К этому добавлялась и очевидная ложь средств массовой информации, партийных работников, запрещение свободной прессы, литературы, музыки. Все это связывалось с ущербностью советской власти и ее неспособностью построить социализм с «человеческим лицом», однако редко приводило к полному отрицанию советского строя. Лишь позднее, уже в эмиграции могла произойти тотальная переоценка всего советского режима.

Третья эмиграция дала множество ярких творческих личностей: поэтов, писателей, философов, композиторов, ученых. Однако ей не удалось создать ни одного значимого политического движения, партии, как это сделали первая и вторая эмиграции. Представители третьей волны охотно критиковали те или иные политические партии зарубежной России или присоединялись к ним. Но они не оставили после себя оформленных политических течений, идей и реальной политической силы, которая могла бы послужить платформой для последующего развития анти-советской борьбы.

Третья эмиграция не преследовала цели сохранить культуру страны исхода, традиции, обычаи, веру и т.д. Во-первых, потому, что в основном это были представители различных этнических групп, которые далеко не во всех аспектах идентифицировали себя с русской культурой. Например, православие чаще всего не рассматривалось в качестве нравственной основы и не являлось ориентиром для самоидентификации. Во-вторых, речь шла уже о советской культуре, которая не подвергалась угрозам исчезновения и деформации в Советском Союзе, а культивировалась и всячески укреплялась. Третья эми-

грация не стремилась сохранить те ценности, тот уклад отношений, который практиковался в Советском Союзе. Наоборот, от него хотели как можно скорее избавиться. Третья эмиграция представляла собой носителей советской атеистической культуры с ее символами, героями и ценностными основами, отличной от той культуры, которую несли первая и вторая эмиграции, в значительной степени базировавшиеся на ценностях православия.

В качестве отличительных признаков третьей эмиграции можно выделить следующие:

- преобладание экономического характера эмиграции (за исключением представителей диссидентского движения);

- легитимный характер миграции. Советский режим «отпускал» эмигрантов добровольно, хотя эмиграция велась по советским «правилам игры» и под контролем советского режима. Это не было бегством или отступлением и не было связано с риском для жизни;

- отсутствие правовой базы для эмиграции. Выборочность эмигрантов и групп эмигрантов;

- третья волна не представляла в своей массе убежденных политических противников режима, а лишь недовольных режимом. Подавляющее большинство представителей третьей эмиграции признавали легитимность советского режима и не желали с ним активно бороться (за исключением диссидентского движения);

- отсутствие собственных политических движений и партий;

- уход во «внутреннюю» эмиграцию. К фактической эмиграции представители третьей волны готовили себя заранее и многие годы жили ожиданием выезда. Т.е. эмиграция не происходила «вдруг», вследствие внешних обстоятельств (поражение в Гражданской войне, немецкая оккупация), а была спланирована;

- этнический характер эмиграции, т.е. возможность выезда только для определенных этнических (или религиозных) групп;

• третья эмиграция была советской не только с юридической, но и с культурной точки зрения. Выезжали носители советской культуры, отличной от той культуры, в которой была воспитана первая и отчасти вторая эмиграции.

Третья эмиграция плавно перешла в четвертую, потеряв тот политический окрас, который ей придавало диссидентское движение. В отличие от всех трех предыдущих эмиграций четвертая не имела (и не имеет) никаких внутренних ограничений со стороны советского, а впоследствии и российского правительства. Масштабы выезда регулировались только миграционными квотами принимающих стран, и это принципиально меняло ситуацию¹¹.

В качестве наиболее показательного примера с точки зрения количества соотечественников, проживающих на территории одной страны, можно рассмотреть Германию. Здесь мы увидим как минимум три основные группы эмигрантов – выходцев с пространства бывшего СССР. Во-первых, это немецкие переселенцы. По официальной статистике германского федерального административного ведомства (Bundesverwaltungsamt), с 1991 года по 30 июня 2004 года в Германию прибыло свыше 2 млн «поздних переселенцев» (Spätaussiedler), причем подавляющее большинство из них (92,3%) приехали с территории бывшего СССР (т.н. российские немцы). Из прибывших между 1992 и 2002 годами более половины (53%) составили переселенцы из Казахстана; более одной трети (37%) – из России. Оставшиеся 10% приходятся на остальные страны бывшего Советского Союза¹².

Вторая группа эмигрантов – еврейские контингентные беженцы (Kontingentflüchtlinge), для которых, как и для этнических немцев, предус-

мотрены особые интеграционные программы. В отличие от немецких переселенцев их количество намного меньше. С 1991 года было подано 215 тыс. заявок на иммиграцию в Германию. Фактически же с территории бывшего СССР приехало на постоянное место жительства 190 тыс. еврейских переселенцев¹³.

Третью группу образуют лица, имеющие российское гражданство и не попадающие под действие двух вышеупомянутых переселенческих программ. Эту разнородную во всех отношениях (включая и этнический состав) группу можно обозначить как «россияне». Понятно, что в данную категорию можно записать кого угодно, в том числе тех же немцев или евреев, которые по каким-либо причинам не хотят воспользоваться своим «кровным правом» на эмиграцию и едут по общим правилам. По данным статистики Центрального регистра иностранцев (Ausländerzentralregister), на декабрь 2005 года на территории Германии проживало 185 928 российских граждан. Количество выходцев с территории всего бывшего СССР, проживающих в Германии с паспортами новых государственных образований, составило 513 530 человек. Но здесь надо учитывать и тот факт, что в данную категорию входят также те еврейские переселенцы, которые проживают в Германии как граждане стран – наследниц бывшего Советского Союза и, соответственно, имеют их паспорта и учитываются как иностранцы. Поэтому фактический удельный вес «россиян» в общей массе четвертой эмиграции относительно не высок.

Четвертая эмиграция имеет свои характерные черты. Первой и едва ли не самой важной особенностью является то, что ее участники, относясь уже к раз-

¹¹ За период с 1990 по 2000 год только из России выехало примерно 1,1 млн человек. См.: *Зайончковская Ж.* Четвертая волна: миграционный обмен России со странами дальнего зарубежья. Несостоявшийся «девятый вал» // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграция. Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 546.

¹² *Dietz B.* Gemeinsames Erbe – plurale Tendenzen. Aussiedler und Juden aus der ehemaligen Sowjetunion in Deutschland. Ein Vergleich // Russische Juden und Transnationale Diaspora. (Hg.) von Julius Schoeps, Karl Grözinger, Willi Jasper und Gert Mattenklot. Berlin: Philo, 2005. S. 266.

¹³ *Ibid.* S. 265.

личным странам исхода, в культурном смысле являются выходцами одной и той же уже несуществующей страны с характерной для нее культурной средой. В этом отношении бывший СССР играет интегративную функцию, способствуя образованию единого пространства. Это происходит и в тех случаях, когда эмигранты стремятся во что бы то ни стало «откреститься» от советского прошлого. В этом случае оно (прошлое) используется ими в качестве «точки отталкивания»; в то время как другие эмигранты подчеркивают важность и значимость советского опыта, и тогда советское прошлое используется в качестве «точки притяжения». Парадокс в том, что советский опыт, в том числе и любое к нему отношение, как раз и сближает эти две, казалось бы, разные группы, составляя две стороны одной медали. Принадлежность к категории «русскоязычных» подразумевает не только знание русского языка, близкое знакомство (или приверженность) с русской культурой, но и важные этапы социализации, пройденные в республиках Советского Союза.

Несмотря на значительные культурные различия между республиками, в СССР существовали общие образцы поведения и мышления, которые усваивались всеми индивидами с детского возраста, поскольку были необходимы для успешного преодоления повседневных проблем. Данный ценностно-нормативный аппарат не исчез вместе с распадом СССР, а продолжает транслироваться выходцами из бывшего Советского Союза в местах их настоящего проживания. Это и является основной особенностью четвертой эмиграции – создание особого русскоязычного пространства с советской культурной спецификой. Для определения групповых границ наряду с языком («русскоязычные») используется ощущение принадлежности к бывшему Советскому Союзу и идентификация

(как позитивная, так и негативная) себя, своей группы с более несуществующей страной.

Второй особенностью четвертого исхода является проблема выбора идентичности, которая относится в основном к группам немецких и еврейских переселенцев. Особенно остро она стоит перед российскими немцами. Подавляющее большинство из них жили в России или странах бывшего СССР «как немцы среди русских» и приезжают в Германию, чтобы жить «как немцы среди немцев», часто изменяя имена и фамилии на немецкий лад. Но реакция принимающего населения заставляет их жить «как русские среди немцев», навязывая «не ту» этничность, что абсолютно не укладывается в первоначальные ожидания, порождая значительный стресс¹⁴. Столкнувшись с такими обстоятельствами, часть эмигрантов отказываются (или не могут) интегрироваться в немецкое общество. В этом случае предпочтение отдается родной культуре, русскому языку и в некоторых случаях православию, которое, несмотря на атеистическое воспитание большинства эмигрантов, начинает рассматриваться как важная часть идентичности.

У еврейских переселенцев проблема идентичности выражена менее остро. По крайней мере, большинство из них не претендовали быть принятыми «как немцы». Некоторой неожиданностью оказалось лишь то, что они, как и немецкие переселенцы, вынуждены жить в Германии «как русские среди немцев», поскольку употребление русского языка для каждодневного общения и то, что они приехали из России или бывшего СССР, заставляет коренное население воспринимать их как русских. В целом это не вызывает значительного стресса или противодействия. Более того, евреи, как, впрочем, и немецкие переселенцы, открывают магазины, га-

¹⁴ Haap: *Bade K.* Fremde Deutsche: „Republikflüchtlinge“ – Übersiedler – Aussiedler. In: *Bade, K.J.* (Hrsg.): *Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart.* München, 1992. S. 401–410; *Dietz B.* Zwischen Anpassung und Autonomie: Rußlanddeutsche in der vormaligen Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin, 1995; *Trüster I.* Wann ist man integriert? Eine empirische Analyse zum Integrationsverständnis Rußlanddeutscher. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2003.

зеты, клубы, школы и т.д., презентуя их коренному населению как «русские». Именно на эти две группы, в основном в силу их численности, и ложится бремя представления и трансляции той культуры («советской русскоязычной культуры»), которая в Германии воспринимается как русская, а ее носители – как русские эмигранты.

Третьей особенностью четвертого исхода в Германии является то, что большинство эмигрантов попадают под действие одних и тех же репатриационных и интеграционных программ в стране поселения. Это мощные программы социальной поддержки, о которых не знала ни третья, ни тем более первая и вторая эмиграции. Они, правда, касаются только групп немецких и еврейских переселенцев, но именно эти группы и образуют подавляющую часть четвертой эмиграции в Германии. Данные программы способствуют повышению уровня гомогенности внутри каждой из групп, что существенно отличает их от третьей, относительно небольшой группы «россиян». Наличие программ по приему полностью уравнивает права новоприбывших эмигрантов с правами коренного населения, за исключением права выбирать и быть избранными. Но и это ограничение впоследствии снимается с российских немцев, поскольку они вскоре после переезда получают немецкое гражданство. Таким образом, в короткое время искусственно образуется отличная в культурном отношении от принимающего населения значительная по численности группа, формирующая особое коммуникационное русскоязычное пространство и имеющая доступ к основным социальным благам немецкого общества.

Четвертой особенностью последней эмиграции является отсутствие каких-либо заметных попыток с ее стороны к политической деятельности в отношении страны исхода. Так, по сравнению с тремя предыдущими волнами четвертая эмиграция оригинальна уже тем, что не просто не пытается как-то повлиять на политическую жизнь России

или других стран бывшего Советского Союза, но и не проявляет никакой заметной активности в формировании собственных политических движений и образований. По сути это первая политически «пассивная эмиграция», которая не только не стремится к изменению политического режима в стране исхода, но и не хочет возвращения. Совсем наоборот. Значительная часть еврейской и немецкой групп, особенно первое время, пытается следовать стратегии ассимиляции, чтобы поскорее почувствовать себя «настоящими европейцами». В результате уже у второго поколения эмигрантов четвертой волны начинает наблюдаться тенденция к забыванию русского языка и выпадению из русскоязычного пространства, которое, несмотря на значительные размеры, в будущем (если, конечно, не возникнет острой эмиграционной критической ситуации в самой России) будет постепенно сжиматься.

В качестве «сухого остатка» можно выделить следующие характеристики четвертого исхода:

- наличие правовой базы для эмиграции. Отсутствие препятствий для выезда и наличие препятствий для въезда;
- преобладание экономической мотивации выезда;
- этнический характер эмиграции. Наличие специальных интеграционных программ только для определенных этнических групп в ряде принимающих стран (например, для немцев и евреев в Германии);
- выраженные элементы «советской» (атеистической) культуры. Отсутствие явных религиозных предпочтений;
- возможность постановки вопроса о выборе (сохранении/отказе) идентичности. Участие в русскоязычном пространстве, которое включает в себя и коммуникационное поле бывших союзных республик;
- отсутствие политических причин эмиграции. Признание легитимности как советского, так впоследствии и демократического режима в России и лояльность к ним;

- отсутствие политических движений и образований, направленных на изменение режима в стране исхода:
- отсутствие ориентации на возвращение.

Несмотря на отличия, последние два исхода имели много общего, что и дает основание обозначить их в качестве «русскоязычного пространства», обладающего характерными особенностями. Это касается не только преимущественно экономического характера эмиграции в этих двух исходах (за исключением диссидентов), но и, в первую очередь, доминирования советской системы ценностей и советского взгляда на историю России. Ни третья, ни четвертая эмиграция не преследовала цели сохранить культуру страны исхода, традиции, обычаи, веру и т.д. Во-первых, потому, что в основном это были представители различных этнических групп, которые далеко не во всех аспектах идентифицировали себя с русской культурой. Например, православие чаще всего не рассматривалось в качестве нравственной основы и не являлось ориентиром для самоидентификации. Во-вторых, речь шла уже о носителях советской атеистической культуры с ее символами, героями и ценностными основами, отличной от той культуры, которую несли первая и вторая эмиграции, в значительной степени базирующиеся на ценностях православия. Кроме того, политическая идеология, господствовавшая в Советском Союзе, не казалась последним эмиграциям совсем чужой. При известной модернизации она даже могла бы быть вполне приемлемой, что шло вразрез с идеями русского зарубежья. Что же касается четвертой волны, которая численно и образует костяк современного русскоязычного пространства, то она вообще никак не пыталась влиять на политическую жизнь в России и не проявляла заметной активности в формировании собственных политических движений и образований. В конечном итоге, в случае третьей и четвертой эмиграции мы имеем дело с новой культурной ре-

альностью, в значительной мере отличающейся от той, которая была создана русским зарубежьем. Это русскоязычное пространство возникло уже на основе советских культурных ценностей и существует параллельно русскому зарубежью, которое в силу возраста его участников, влияния принимающей культуры и естественной ассимиляции потомков вымирает или культурно размывается.

Несовпадающие культурные системы

Даже при поверхностном взгляде видно, что мы имеем дело с разными группами соотечественников, иногда даже не пересекающимися. По крайней мере, между второй и четвертой эмиграциями гораздо больше различий, нежели сходств. Причем перелом, по-видимому, начал происходить как раз во время третьего исхода, когда между представителями второй волны и вновь прибывшими эмигрантами стали выявляться значительные расхождения во взглядах на русскую культуру, православие, на основные события новой и новейшей истории и на будущее России. В конечном итоге, в четвертой эмиграции мы имеем дело с чисто советским исходом: в своей массе людям хотелось просто уехать из нестабильной во всех отношениях страны, причем политический режим, как советский, так и демократический, им был просто безразличен, а идея возвращения на родину и вовсе отсутствовала. В настоящее время представители русского зарубежья и русскоязычного пространства, даже проживая бок о бок друг с другом, существуют как бы в параллельных мирах. Поэтому говорить о какой-либо «преемственности» или «единстве» русской эмиграции и, соответственно, «русского мира» не имеет смысла. Если первая и вторая эмиграции создали русское зарубежье, целью которого было сохранение русской культуры, свержение советского режима и возвращение в Россию, то третий и четвертый исходы полностью отказа-

лись от этой идеи и стали основателями нового русскоязычного пространства на базе советской культуры.

Таким образом, в случае русского зарубежья и русскоязычного пространства, объединенных нами под шапкой «соотечественников», мы имеем дело с несовпадающими культурными системами, для которых характерны следующие рассогласования:

- историко-политические линии рассогласования;
- религиозные «несовпадения»;
- различные взгляды на непрерывность культурного наследия.

Историко-политическое направление связывается в первую очередь с различными оценками октябрьских событий 1917 года, Гражданской войны и всего советского периода российской истории, принятыми в русском зарубежье и русскоязычном пространстве. Особой точкой рассогласования является оценка событий Второй мировой войны. В противовес мнению об «отечественном» характере войны и Великой победе в мае 1945 года, «неизбежных» огромных потерях, господствующему в русскоязычном пространстве, в зарубежной России акцент делается на преступных действиях сталинского режима, массовых сдачах в плен боеспособных частей, отказе от военнопленных, Ялтинском соглашении и последующей насильственной репатриации. Во главу угла ставится попытка создания «третьей силы», связанная с именем генерала Власова и одноименным политическим движением. Очевидно, что деятельность Комитета освобождения народов России, идеи Пражского манифеста от 14 ноября 1944 года и сама фигура генерала Власова являются очень неудобными с точки зрения конструирования «единого русского мира», если он будет строиться на базе искусственного совмещения советской и «староэмигрантской» интерпретации исторических событий, с попыткой включить в него все категории соотечественников. Это требует кардинального пересмот-

ра доминирующего сегодня советского взгляда на многие события Второй мировой войны, что представляется почти невозможным как в современном русскоязычном пространстве, так и в российском обществе.

Религиозные «несовпадения» кажутся гораздо менее конфронтационными и почти преодоленными, особенно в свете объединения Русской православной церкви (Московского патриархата) и Русской православной церкви за рубежом. Хотя и здесь все еще есть взаимные упреки и расхождения во взглядах (например, по вопросу о новомучениках российских, который фактически упирается все в ту же проблему переоценки советского периода, поэтому является не только вопросом церквей). Тем не менее эти «несовпадения» никак не касаются догматической сферы православия, то есть речь идет о ветвях одной церкви, которая была в течение советского периода истории России искусственно разделена и теперь смогла преодолеть раскол. Поэтому «религиозные несовпадения» касаются различных значений внешней, обрядовой области, которые по-разному воспринимаются в среде старых эмигрантов и в русскоязычном пространстве. Для многих новых адептов православия содержательная сторона отступает на второй план, а внешние символы выступают в качестве базового идентификационного признака. Причем онтологические основания православия подменяются инструментальными идеологическими построениями, выражающимися в определенных образцах поведения и мышления, считающихся «православными» и «исконно русскими». Таким образом, вера начинает выхолащиваться и рассматриваться как идеология, работающая на сплочение группы, но не имеющая ничего общего с православными ценностями.

Кроме различного понимания обрядовой сферы православия существует также различное понимание культурного наследия и русской культурной традиции. В русскоязычном простран-

тве господствует точка зрения, что современная Россия и новые эмигранты обладают непрерывной культурной традицией, что советская эпоха «естественным образом» вписывается в русло русской культуры, является частью ее. Коллективные представления об истории дооктябрьской России, начиная со времен становления российской государственности или еще ранее, включают и советский период с принятой советской трактовкой исторических событий и отношением к ним. Это образует некий общий культурный стержень, вокруг которого согласовываются представления о тех или иных исторических событиях и значениях, которые в них вкладываются, и строятся культурные конструкты и идентификационная база в русскоязычном пространстве и в современной России.

В русском зарубежье представлена позиция, согласно которой весь советский период рассматривается как попытка уничтожения русской культуры и поэтому никак не может «естественным образом» принадлежать к ней. Предполагается, что при советской власти как раз имело место прерывание культурной традиции. Это разбило нацию на «русских в зарубежье» и «подсоветских в России», что отразилось в первую очередь в культурных изменениях в обеих группах. Поэтому та «смесь» советской и русской культуры, которая характерна для современного русскоязычного пространства, не считается легитимной в русском зарубежье. Отсюда вытекает неприятие или в лучшем случае двойственное отношение к советско-русским культурным конструктам. В результате

взаимного принятия культуры русского зарубежья и «русско-советской» культуры, образующей «скелет» русскоязычного пространства, практически не происходит, поскольку смысловое наполнение одних и тех же символов в системе ценностей русскоязычного пространства и в рамках культуры зарубежной России может не просто не совпадать, но и существенно расходиться. Это означает, что в современном русскоязычном пространстве и в русском зарубежье на сегодняшний момент нет единых символов и героев, способных объединить эти две группы. Более того, у новой волны эмиграции и у «старых» исходов присутствуют разные представления о стране, к которой они в культурном смысле принадлежали и принадлежат, и о том, какой должна быть современная Россия и русская культура. Причины возникшего ценностного раскола старая эмиграция видит исключительно в советском периоде, не без основания считая, что советские ценности во многом наследуются в современном русскоязычном пространстве.

Таким образом, сегодня мы имеем два пространства «соотечественников», в основе образования которых лежит не этничность и не гражданство, а разные системы мышления и поведенческих ориентаций (культурные поля), послужившие базой социализации индивидов. Едва ли не единственный общий признак, объединяющий эти пространства, – русский язык, который, однако, не может играть роль основного интегратора, поскольку остальные характеристики этих пространств не совпадают.

Возможно ли в России правовое государство?

Правовое государство строилось на Западе в течение столетий. Россия в конце XX века столкнулась с необходимостью пройти этот путь в исторически короткий срок. Были успехи. Среди них – революционные изменения в законодательстве и подъем правозащитного движения, одним из лидеров которого была Галина Старовойтова. Однако спустя 20 лет прогресс оценивается как незначительный, а то и вовсе отсутствующий. Очевидна сохранность рудиментов советской правовой системы. Вопрос об устойчивости старых правовых представлений и практик, с одной стороны, и плохой приживаемости новых, с другой стороны, является одним из центральных для современной общественной мысли в России. Поиск ответов на этот вопрос являлся лейтмотивом VII Старовойтовских чтений, состоявшихся 23 ноября 2010 года в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Чтения были организованы НИУ ВШЭ, Институтом Кеннана, Фондом ИНДЕМ и Фондом «Либеральная миссия». Публикуем значительную часть прозвучавших выступлений. В более полном виде материалы чтений представлены на сайте www.kennan.ru.

Георгий Сатаров¹: Немецкий правовед и социолог права Ойген Эрлих писал: «Сегодня, как и в любое другое время, центр тяжести развития правовой системы находится не в законодательстве, но в самом обществе»². Результаты исследования Фонда ИНДЕМ, посвященного проблеме трансформации судебной власти в России, полностью подтвердили правоту этих слов³.

С момента начала советского, а потом и российского транзита мы все страдали легистским фетишизмом, суть которого в упрощенной форме может быть сформулирована так: «Для того чтобы решить проблему, нужно принять правильный закон». На протяжении уже более 20 лет мы убеждаемся в том, что это не так, но с тем же упорством продолжаем пытаться решать проблемы с помощью принятия новых норм или совершенствования существующих.

Это не означает, что законы не нужны или их не следует совершенствовать. Это означает, что инструменты по решению тех проблем, которые нас интересу-

ют, гораздо шире, чем просто принятие законов. Дело и вправду в головах, если мы понимаем под ними участников неких социальных отношений, в которых мы постоянно задействованы. И в первую очередь неформальных отношений, которые значительно сильнее, устойчивее, в гораздо большей степени влияют на нас, чем нормы, которые вдруг революционно кем-то принимаются с тем, чтобы изменить в том числе и неформальные отношения, которые процентов на девяносто определяют нашу жизнь.

Раньше других эту проблему нащупали экономисты. В институциональной экономике был совершен фантастический концептуальный рывок – от первоначальных идей о роли формальных институтов и о том, что принятие новых формальных норм постепенно подтягивает к ним неформальные нормы и практики, к совершенно противоположной позиции. Один из классиков современного институционализма Дуглас Норт в последней своей книжке,

¹ Сатаров Георгий Александрович – кандидат технических наук, президент Фонда прикладных политических исследований ИНДЕМ.

² Цит. по: Леони Б. Свобода и закон / Пер с англ. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 235.

³ Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма, 2010; Сатаров Г.А., Римский В.Л., Благовещенский Ю.Н. Социологическое исследование российской судебной власти. СПб.: Норма, 2010.

перепрыгнув даже сферу социальную, сконцентрировался исключительно на «головах»⁴.

К этому подтолкнуло понимание того, о чем давно применительно не только к сфере экономики, но и к правовой и политической сферам писал Фридрих Хайек: те существующие институты, которые мы оцениваем как более или менее эффективные, формировались не как некий сознательный проект, а в результате институциональной эволюции. Безусловно, в процессе этого дрейфа, который занимает сотни лет, каждый шагок является мини-проектом. То есть существует какая-то группа людей с осознанными целями, осознанным пониманием и недовольством статус-кво, которые хотят это статус-кво изменить в соответствии со своими представлениями об идеальном. В частности, они видят способ изменения в неких нормативных инновациях, или, как в процессе такого дрейфа чаще бывает, сначала формируются некие неформальные практики, потом они оформляются в виде законов, которые потом начинают совершенствоваться. Причем эти процессы идут параллельно, в разных местах и разными тропинками и потом потихоньку сходятся в виде общих представлений о формальном праве, международных нормах, которые тоже продолжают совершенствоваться.

Помимо этого подхода есть и второй – проектное формирование институтов. Это то, чем мы пытаемся заниматься, стремясь совершить институциональную модернизацию. У нас есть достаточно четко сформулированное недовольство статус-кво, некоторые представления об идеале, о тех, кому можно подражать, кого мы считаем эффективными. Мы считаем, что сможем стать такими же эффективными, если заимствуем их нормы, что, собственно, мы и делали 20 лет. Делали – и не получалось.

Проблема, во-первых, в том, что процесс институционального дрейфа обладает некими свойствами, и базовое из

них состоит в том, что институт, который мы мыслим как замкнутый (например, судебная власть), не формируется как замкнутый. Он существенным образом сопряжен с другими институтами. Если говорить, допустим, об истории формирования в России новой судебной власти, то она менялась революционно, тогда как прокуратура долгое время оставалась не реформированной. Только в последние годы начались некоторые изменения, и то пока в основном формальные.

Во-вторых, институт не сводится к формальному институту. Он есть совокупность формальных норм, неформальных предписаний, а также условий (как сейчас пишут институционалисты), в которых они функционируют. А последнее вообще необязательно: институтом становится практически все. Но это можно конкретизировать. Об одной части я уже сказал: это институт вместе с его сопряжениями, другими институтами, и условиями, в которых он функционирует. Вторая часть – это социальная среда и наше сознание.

Маленький фрагмент из нашего исследования. Мы попытались измерить правосознание. У нас было четыре шкалы, каждая из которых строилась с помощью некоего набора утверждений, с которыми должны были соглашаться или не соглашаться респонденты. В одной из шкал мы вставили в качестве реперной точки такое утверждение: «Президент должен иметь право отменять судебные решения, если они противоречат интересам государства». Для любого правоведа это нонсенс, даже здравому смыслу противоречащий. Мы были потрясены, когда обнаружили, что «вполне поддерживают это утверждение» 32% предпринимателей и 39% граждан. В этом наборе утверждений присутствовали и другие, противоположного толка, типа «У нас зря не сажают». Люди, которые были согласны с тем, что президенту должно быть дано такое право, при этом были не соглас-

⁴ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010.

ны с тем, что «у нас зря не сажают», что свидетельствует о некоем просветлении рассудка по сравнению с махровым советским позитивизмом. То есть сознание абсолютно противоречивое, не устоявшееся. Начал потихоньку разрушаться внедрявшийся советский позитивизм и формироваться стихийное представление о естественном праве. Я сейчас говорю не об агентах судебного поля, а о клиентах – гражданах, предпринимателях.

Другой пример. Мы исследовали помимо России Украину, Латвию, Польшу, Болгарию и Чили. Ясно, почему мы включили первые четыре страны – они наши «родные», постсоветские. Нам важно было понять, являются ли те проблемы, с которыми мы сталкиваемся, проблемами России или проблемами социалистического транзита. А Чили мы включили потому, что в этой стране недавно была проведена масштабная судебная реформа. Мы хотели понять, являются ли те проблемы, с которыми мы сталкиваемся, проблемами транзита вообще или они связаны с трансформацией судебной власти.

Так вот на семинаре, который мы проводили, чилийский коллега привел интересный факт. В Чили очень любят полицию и не любят суды. Потому что полиция ловит преступников, а суды их отпускают. Совок, чистый совок! А, между прочим, Чили – самая европеизированная, наименее коррумпированная латиноамериканская страна. И этот чилиец говорит: «Если нет единого представления о справедливости у агентов судебного поля и его клиентов, которые приходят за справедливостью в суд, то не будет работать система. У судей и граждан в Чили сейчас разные представления о справедливости». Вот свидетельство влияния среды, в которой функционирует институт.

У нас тоже примеров множество. Советский позитивизм до сих пор царит в головах судей. Представление о том, что судья – это винтик большой государственной машины по борьбе с преступностью, а не судья-арбитр, как

положено в том самом государстве, о котором мы мечтаем. Этот советский позитивизм воспроизводится за исключением двух-трех приличных вузов в процессе юридического образования. И это колоссальная проблема, поскольку образование является частью среды, в которой функционирует институт судебной власти.

И наконец, есть еще одна часть этой среды – история дрейфа института. У институциональных экономистов существует термин «path dependency» (зависимость от траектории) и представление о том, что очень трудно сойти с этой траектории. Для этого нужны серьезные дополнительные усилия. Знаменитый пример – QWERTY-эффект (QWERTY – это стандартная клавиатура). Уже давно были придуманы более эффективные клавиатуры, которые позволяют печатать быстрее и с меньшим числом ошибок. Однако от менее эффективной клавиатуры до сих пор не могут отказаться. Вот это и есть «path dependency».

В сфере российской судебной власти мы наблюдаем такой же QWERTY-эффект. Типичная ситуация – неформальное влияние на председателей судов. Ведь необязательно влиять непосредственно на каждого судью, нужно контролировать председателей судов, а они уже контролируют судей. Так было при советской власти. Так есть и сейчас, но уже абсолютно неформально. Никакими нормами это не предусмотрено, но, тем не менее, сохраняется, потому что удобно для тех групп влияния, которые располагают серьезными ресурсами.

Я клоню к тому, что нельзя мыслить себе создание правового государства исключительно внутри формальных инструментов самого права. Это мы проходили 20 лет и проходим до сих пор. Очередное покушение, избиение журналиста – и сразу же следуют предложения об ужесточении наказания. Совершенно понятно, что природа того, с чем мы сталкиваемся, не имеет никакого отношения к жесткости наказания. Криминология давно сформулировала

тезис, что существенно неотвратимость наказания, а не его тяжесть, но, тем не менее, по-прежнему ищется, как говорят математики, «первое тривиальное решение» – изменить закон. Так вот, формирование правового государства – это изменение не только норм, но и сознания, а также попытки влияния на неформальные нормы и практики.

И последнее. Чем отличаются демократические государства от недемократических в этой сфере? В демократических государствах базовыми социальными отношениями являются отношения горизонтальные (конкуренция, кооперация, горизонтальное доверие и т.д.). Важнее доверять соседу, партнеру, чем президенту. В недемократических государствах базовые отношения – вертикальные (подчинение, властное доминирование, патрон-клиентские отношения, вертикальное доверие и т.д.). Институты функционируют более или менее адекватно, когда они соответствуют базовым отношениям в обществе. В демократических государствах государственные институты работают прежде всего на обеспечение горизонтальных отношений, в недемократических – на обеспечение вертикальных отношений.

Проблема транзита состоит в том, что у нас революционно появляются законы, в которых уже прописано обеспечение горизонтальных отношений. Почитайте Гражданский кодекс, которого не было и не могло быть при советской власти, потому что он направлен на обеспечение горизонтальных гражданских отношений. Почитайте наши процессуальные кодексы и т.д. Они слабо отличаются от кодексов и законов демократических стран. Но они сталкиваются с инерцией социальной среды, в которой продолжают доминировать и вертикальное сознание, и вертикальные неформальные социальные отношения. Этот разрыв и приводит к тому, что старые инструменты неформального влия-

ния на судебные решения легко просачиваются по тропе «path dependency» и воздействуют на судебную власть. Значит, мы должны культивировать неформальные горизонтальные социальные отношения, адекватные новым формальным институтам. Главная роль здесь принадлежит гражданскому обществу как среде, которая основана на горизонтальных социальных отношениях.

Лев Иванов⁵: Рассказывая о результатах исследования судебной системы, Георгий Сатаров упомянул о вопросе: «Может ли президент отменить судебное решение?», на который многие респонденты дали утвердительный ответ. Но так ли удивительно, что правосознание граждан вполне допускает возможность вмешательства президента, да и, видимо, других высоких начальников в судебные дела? И только ли простые граждане разделяют такое мнение?

Вот небольшая цитата из выступления весьма уважаемого и квалифицированного российского юриста по поводу решения Европейского суда по правам человека («К. Маркин против России»), в котором критически оцениваются некоторые положения решения Конституционного суда РФ по обращению того же заявителя (К. Маркина): «Каждое решение Европейского суда – это не только юридический, но и политический акт. Когда такие решения принимаются во благо защиты прав и свобод граждан и развития нашей страны, Россия всегда будет безукоснительно их соблюдать. Но когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений»⁶. Иными словами, от решения суда, если оно нам

⁵ Иванов Лев Олегович – кандидат юридических наук, ведущий эксперт Института права и публичной политики.

⁶ Российская газета. 2010. 29 октября. № 5325.

кажется неправильным, мы можем «защититься» (что в переводе с высокого слога юриспруденции означает: можем его проигнорировать). Такой подход своеобразно легитимирует известный принцип: «Надо жить не по законам, а по понятиям». Но если подобная позиция высказывается «верхами», что же нам удивляться странностям правосознания «низов» – простых граждан?!

Возможно ли в России правовое государство? В такой общей формулировке на данный вопрос ответить довольно легко – в принципе все возможно. Но вот при каких условиях эта возможность может реализоваться, что и как для этого надо предпринять, и что такое правовое государство по сути своей? Здесь уже возникает много новых вопросов и смысловых развилок.

Прежде всего надо обозначить, что же такое правовое государство. Самая короткая юридическая формула его звучит как «государство, связанное правом». Иными словами, государство, где господствует право, а не произвол. Правовое государство – это такая модель или форма правовых взаимосвязей между индивидом, обществом и государством, в которой признаются, закрепляются и соблюдаются (1) прирожденные и неотчуждаемые (естественные) права и свободы человека, (2) верховенство правового закона и (3) правовая организация самой системы государственной власти на основе принципа разделения властей. Эти три компонента по существу являются лишь различными аспектами господства права в различных сферах жизнедеятельности людей. Они предполагают друг друга и в этом смысле образуют системное единство. Без разделения властей невозможно принятие правовых законов и верховенство права. Без правового закона невозможна

организация системы власти правового государства, а без этого, в свою очередь, нельзя реализовать права и свободы человека⁷. Ключевым моментом в этих конструкциях является понятие права.

А что такое право? Иммануил Кант в «Метафизике нравов» (1797) отмечал, что этот вопрос может смутить правоведа так же, как и вопрос «Что есть истина?», обращенный к учителям логики: «Что следует по праву, т.е. что говорят или говорили законы в том или ином месте в то или другое время, он (правовед. – Л.И.) еще может указать, но право ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и неправое, – это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме...»⁸ Эмпирическому учению о позитивном праве Кант противопоставлял «чистое учение о праве», основанное на разуме. В общей формулировке Канта право – «это совокупность условий, при которых произвол (произволение. – Л.И.) одного лица совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы»⁹. Гегель дает ответ на вопрос, что есть право, в своей «Философии права» (1820). Но в этой книге не найти традиционных определений этого понятия, поскольку, как пишет Гегель, «философия занимается идеями; поэтому она не занимается тем, что обычно называют только понятиями... Идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понятии и наличном бытии этого понятия»¹⁰.

Иначе говоря, право и закон в категориальном плане соотносятся как сущность и явление, как понятие и его существование, а еще проще, как пред-

⁷ Декларация прав человека и гражданина, принятая Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 года, установила, что «цель всякого политического сообщества есть охрана естественных неотчуждаемых прав человека». Затем смысл этого положения воспроизводился во многих конституционных актах.

⁸ Кант И. Критика практического разума. СПб., 2007. С. 284–285.

⁹ Там же.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 59.

лагает сам Гегель, – как душа и тело. Отсюда понятно, что наличное бытие права – это юридический закон, то, что юристы называют позитивным правом. Согласно Гегелю, юридическая наука занимается не понятием права, она видит свою цель в выяснении того, что правомерно, т.е. каковы особенные законодательные определения¹¹. Она, следовательно, в своем подходе к праву исходит не из разума, а из авторитета, властного установления.

Проводя четкий водораздел между философией права и правоведением, Кант и Гегель закладывают традицию различения права и закона. Академик РАН Владик Сумбатович Нерсесянц, всесторонне исследовавший такое различие и обосновавший его методологическую важность, подчеркивал, что в этом моменте обозначено принципиальное отличие двух противоположных типов правопонимания. Если для легизма (от *lex* – закон) право – это любые официально принятые управомоченными государственными органами действующие законодательные и иные нормативные акты, то для правового подхода законодательный акт является правом не всегда, а только тогда, когда он соответствует объективным принципам права, в частности принципу формального равенства, справедливости и свободы¹².

Таким образом, на рубеже XVII–XVIII столетий достаточно прочно укрепились традиции рассмотрения сущностных вопросов права в рамках философии с позиций разума, а вопросов внешней и внутренней форм наличного бытия права – правоведением на основе рассмотрения прежде всего законодательного материала (позитивного права). К сожалению, этот водораздел сохраняется до сих пор. Но если разведение сущностных и содержательных аспектов в познании права по разным научным «ведомствам» может быть оп-

равдано методологическими соображениями, то в процессе практической законодательной и правоприменительной деятельности в условиях стремления к утверждению принципов правового государства философский и юридический подход должны органически дополнять друг друга, иметь целью приближение позитивного закона к праву, началам свободы, равенства и справедливости.

В современном смысле правовое государство – по существу синонимы, поскольку ключевым моментом и того и другого является момент связанности государства правом, а конституция – надлежащая форма основополагающего узаконения правового характера организации и функционирования власти в ее отношениях с субъектами гражданского общества¹³. От обычных правовых норм конституционные нормы отличаются тем, что закрепляют методы и формы осуществления государственной власти. Предмет их правового регулирования отличается высшей политической важностью и фундаментальностью, поскольку они касаются основных условий политического бытия всего общества¹⁴. Конституция – это и акт целеполагания, и свод принципов, связывающих законы общепризнанными принципами и нормами международного права, она задает также иерархию правовых норм, где конституционные правоположения имеют высший приоритет и юридическую силу. В Конституции находят свое выражение признаваемые государством правовые идеалы и ценности, отступление от которых в сфере законодательства или подзаконного нормативного регулирования должно приводить к отмене соответствующих правовых актов.

Все это позволяет заключить, что именно конституционный акт является ближайшим родом права. Он наиболее полно выражает идею права, сформу-

¹¹ См. там же. С. 60.

¹² См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1998. С. 32.

¹³ См.: Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 126.

¹⁴ См.: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2009. С. 31.

лированную в виде системы юридических норм общего характера, т.е. прежде всего не фиксирующих конкретные правоотношения, а устанавливающих нормы-принципы, нормы-гарантии, нормы-ценности и т.д. Конечно, не надо забывать и о том, что каждая страна отличается своеобразием конституционных форм и форм организации государственной власти, что обусловлено характером социального, политического, экономического, культурного и иного развития. Все это вполне справедливо и по отношению к российской Конституции 1993 года.

Конституция РФ опирается на юридический тип правопонимания (т.е. на концепцию различения права и закона), что определяет ее правовой характер. «Основные характеристики всего конституционно регламентируемого пространства в целом и правовой государственности в особенности даются в Конституции с позиций и под углом зрения прав и свобод человека и гражданина, их признания и защиты... Присущее новой Конституции человекоцентристское правопонимание можно охарактеризовать как своеобразный естественно-правовой вариант общей концепции различения права и закона... Определенная стилизация под естественное право призвана продемонстрировать исходную и безусловную свободу, правомочность и правосубъектность любого индивида в его отношениях со всеми остальными – государством, обществом, другими индивидами. Логика такого правопонимания понятна: без свободных индивидов, без прав и свобод человека невозможно и само право как таковое. Ведь право как необходимая форма свободы вообще возможно и имеет смысл лишь при наличии свободных и независимых индивидов – субъектов права»¹⁵. Важно также отметить, что Конституция РФ в статье 18, согласно которой права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение зако-

нов, содержит важнейший критерий, определяющий соответствие закона праву и требование принятия законодателем только правовых законов. Статья же 55 Конституции РФ устанавливает прямой запрет издания законов, ущемляющих права и свободы человека и гражданина.

Констатируя многие позитивные стороны российской Конституции, мы отвлекаемся от вопроса социальной эффективности действующих конституционных норм и степени их практической реализации, что зависит главным образом от факторов, лежащих почти всегда вне непосредственно сферы права и закона. Но одна из причин явно недостаточной пока действенности конституционных норм имеет все же юридическую составляющую и заключается в нередких отступлениях законодательных норм или их истолкования в процессе правоприменения от конституционных установлений. Возникающие несоответствия между законом (правоприменительным актом) и Конституцией должны обязательно устраняться путем отмены или изменения закона либо изменения его толкования, поскольку в ином случае законодательное регулирование становилось бы выше конституционного. В Российской Федерации органом, призванным обнаруживать и исправлять несоответствие закона Конституции, является Конституционный суд, который либо отменяет неконституционную норму, либо, выявляя подлинный конституционно-правовой смысл нормы закона, вносит соответствующие коррективы в ее истолкование правоприменителем.

«Право, вступившее в наличное бытие в форме закона... самостоятельно противостоит особенному волеию и мнению о праве и должно сделать себя значимым как всеобщее. Это познание и осуществление права в особенном случае... принадлежит публичной власти, суду»¹⁶. Эта гегелевская характеристика сущности судебной деятельности

¹⁵ Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 374–376.

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 257.

относится ко всем ветвям судебной власти, в том числе к конституционному правосудию, для которого познание права становится не только средством осуществления правосудия, но и целью деятельности. При осуществлении конституционного контроля Конституционный суд вправе, не ограничиваясь позитивными нормами Конституции, руководствоваться также общеправовыми, в том числе международно признанными принципами и положениями, что в полной мере соответствует новой правовой идеологии Конституции, идее господства права, природе и назначению правовой государственности¹⁷.

Таким образом, разрыв между правоведением и философией права в понимании предметов этих научных дисциплин и их методологии, который фактически произошел на рубеже XVII–XVIII столетий, привел в XX столетии к возникновению конституционной юстиции, которая в практическом плане по существу стала обращаться к рассмотрению закона сквозь призму оценки меры осуществления в нем идеи права и выносить вердикты по поводу того, насколько закон соответствует праву в себе, т.е. праву в его сущностных характеристиках.

Почти в каждом своем постановлении, а нередко и в «позитивных» определениях Конституционный суд прибегает к выявлению не только буквального смысла конституционных положений, но и смысла, вытекающего из их толкования, в том числе исходя из системной связи норм Конституции, а также общего понимания права и его принципов¹⁸.

К сожалению, такой подход совершенно недостаточно применяется иными судами российской судебной системы, хотя они так же, как и Конституционный суд, должны осуществлять, хотя и не в полном объеме, функцию конституционного нормоконтроля. Это

вытекает из Конституции РФ, а также предусмотрено Федеральным конституционным законом «О Конституционном суде РФ» (ст. 101) и другими правовыми актами, согласно которым суды общей и арбитражной юрисдикции при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции РФ закона, примененного или подлежащего применению в данном конкретном деле, должны обращаться в Конституционный суд с запросом о проверке конституционности соответствующего закона. Данное полномочие используется судами, увы, крайне мало. Это во многом обусловлено как раз тем, что практика общих и арбитражных судов по существу основывается на сугубо легистском (узко юридическом) подходе к анализу норм закона при разрешении конкретных судебных споров.

Наши суды, ориентируясь, как правило, на отраслевые кодексы и процессуальное законодательство, не стремятся к выявлению конституционно-правового смысла применяемых нормативных положений, хотя должны это делать. Исходя же из сугубо формально-юридического подхода к пониманию нормы, в отрыве от исследования ее во взаимосвязи со всей совокупностью положений данного правового акта, а также во взаимосвязи с конституционными принципами (правового государства, уважения прав и свобод человека как высших ценностей, недопустимости произвола при толковании закона, равенства перед законом, учета норм международного права и др.), далеко не всегда можно обеспечить адекватное (для данных конкретных фактических и правовых обстоятельств) толкование отдельного законоположения.

Многочисленные ошибки российских судов, связанные с неверным применением и толкованием законодательных норм в большом количестве выявляются как Конституционным

¹⁷ Нерсесянц В.С. Указ соч. С. 386–387.

¹⁸ Надо учитывать, что указанное понимание, стремясь быть объективным, все же всегда носит печать субъективности в силу своего конкретно-исторического характера.

судом РФ, так и Европейским судом по правам человека. Европейский суд весьма эффективно защищает права российских граждан. С 2002 по 2009 год Судом принято 863 решения в отношении заявителей из России. Как правило, это были акты о нарушении прав, закрепленных в Европейской конвенции. Большое число обращений российских граждан свидетельствует об остроте проблем, существующих в российской судебной системе, о низком уровне отправления правосудия. Один из возможных путей для улучшения ситуации – отказ российских судей от сугубо позитивистского понимания при разрешении дел, о чем справедливо говорил Георгий Сатаров. Мне кажется, это одно из важных направлений (хотя далеко не единственное), которое необходимо реализовать. И прежде всего при обучении молодых юристов. Всех юристов с «младых ногтей» необходимо приучать и «научать» руководствоваться при применении закона как его буквой, так и его духом, правовым (а значит, и конституционно-правовым) смыслом. При этом замечу, что в свете перехода на такой подход практика подготовки судей в Российской академии правосудия – далеко не лучший вариант. Это не способствует расширению судейской корпорации за счет конституционно мыслящих молодых судей, а только усиливает ведомственное воспроизводство судейского корпуса, консервируя, а не раскрепощая судейское правосознание и сложившиеся практики.

Игорь Клямкин¹⁹: Во-первых, я не юрист и о чисто юридических вопросах говорить не смогу. Во-вторых, учитывая, что после меня будет выступать Лев Гудков, я не стану приводить какие-либо социологические данные. Попробую рассмотреть иные аспекты обсуждаемой проблемы.

Прежде всего – в какой-то степени перпендикулярно Георгию Сатарову

– хочу сказать, отвечая на вопрос конференции, что при нынешней политической системе правовое государство в России в принципе невозможно. На нижних уровнях системы мыслимы какие-то подвижки, о которых упоминал Георгий Александрович. Они происходили, кстати, и в позднее советское время в рамках так называемой социалистической законности. Они могут происходить и сегодня, но это не может привести к утверждению правового государства.

Поэтому я не могу согласиться с Георгием Александровичем и в том, что нынешний период переходный. Думаю, что переходный период был при Борисе Ельцине, а в последние десять лет он завершился. Какие-то детали шлифуются до сих пор, но в принципе произошел переход от слабого неправового государства в 1990-е годы к более сильному и состоявшемуся неправовому государству в новой, уже не советской форме. Говорить же о том, что мы переходим к чему-то иному, никаких оснований нет, учитывая и то, что во всех риторических заявлениях о так называемой модернизации предполагается, что нынешняя политическая система будет на необозримое время сохранена.

Георгий Александрович исходит из того, что мы заимствовали какие-то западные нормы и институты, а надо было учитывать то, что есть в реальной «низовой» России, – прежде всего сложившийся в ней тип неформальных отношений. В какой-то степени я с этим могу согласиться, но хочу сказать и о том, что заимствовались не западные, европейские институты, а слова. Бралась формальные названия этих институтов, а сами институты наполнялись собственными традиционно российскими функциями. И в первую очередь это касается института президентства.

Этот ключевой вопрос политической системы в конце 1990-х годов очень много муссировался. Сейчас из юрис-

¹⁹ Клямкин Игорь Моисеевич – доктор философских наук, вице-президент Фонда «Либеральная миссия».

тов, кроме Михаила Краснова, его никто не ставит. Но не зря же Владимир Путин похвалил Конституцию на похоронах Ельцина, и это единственное, что он нашел позитивного в 1990-х годах. Эта Конституция узаконивает властную монополию – в частности, в статье о том, что президент определяет основные направления внутренней и внешней политики страны. Данная статья, кстати, противоречит зафиксированному в Основных положениях той же Конституции принципу разделения властей. Следовательно, сама действующая Конституция в определенной степени не конституционна, потому что отдельные ее положения противоречат Основным положениям, которые считаются незыблемыми и ненарушаемыми.

Мы имеем в этом смысле продолжение российской традиции ограниченной властной монополии. Она действительно сейчас частично ограничена, но это не в первый раз. Чтобы далеко не углубляться в историю, просто назову четыре вехи, когда это делалось в России.

В первый раз это было при Иване Грозном в 98-й статье Судебника 1550 года, которая распределяла законодательные полномочия между царем и боярской Думой. Кстати, опричнина Ивана Грозного формально не была незаконной. Она была осуществлена политическим и силовым давлением на законодателей. Иван Грозный сделал некоторые кровопускания, потом обратился к московскому простому люду, который его поддержал, после чего и боярская Дума тоже проголосовала «за». Так что опричнина была вполне законной. Норма Судебника, ограничившая властную монополию, не помешала это ограничение дезавуировать.

Вторая попытка имела место в XVIII веке при Петре III и Екатерине II. И дело не в том, что предоставили вольность дворянству (а при Екатерине – и городам), а в том, что законы, эти вольности предоставлявшие, были объявлены действующими «на вечные времена». То есть император их уже не мог отменять. И в этом смысле они имели определен-

ный конституционный статус. Когда же Павел I попытался вернуть назад доекатерининские порядки, он поплатился за это жизнью, потому что дворянство почувствовало, что на его стороне закон и оно вправе такого царя убрать. Но во всех других отношениях политическая монополия оставалась незыблемой и после Павла.

Следующий этап – 1906 год, когда впервые полномочия царя были ограничены конституционными законами в пользу избираемой населением Государственной думы. Но, как и в предыдущем случае, принцип политической монополии это не отменяло. Показательно, что, когда в 1907 году царю не удалось провести через Думу нужные ему законы, он эту Думу распустил, а перед новыми выборами изменил избирательный закон, юридического права на что не имел. То есть на практике, когда принцип монополии, ограничивающей саму себя, сталкивается с какими-то препятствиями, персонификатор монополии идет на нарушение им самим созданного ограничивающего законодательства.

И наконец, последний этап – российская Конституция 1993 года, где принцип монополии впервые соединен со многими вещами, которые не свойственны были России ранее, – с признанием естественности человеческих прав, которые даны человеку от природы, а не дарованы правителем, принципом разделения властей и многим другим. Тем не менее и в данном случае посредством надления президента монархическими полномочиями политическая традиция была сохранена. Традиция, из которой выхода в правовое государство по-прежнему не существует. Поэтому вопрос о правовом государстве в преобладающей степени сегодня не юридический, а политический. Это вопрос о выходе за пределы системы властной монополии.

Говорить о том, что в обществе есть субъекты, которые на это ориентированы, оснований нет. Но нет и таких социологических замеров, которые свидетельствовали бы о том, что общество

настроено «против». Оно не настроено категорически «за», потому что очень плохо ориентируется в сути проблемы. На протяжении последних 20 лет, включая 1990-е годы, правовое просвещение практически не велось. У нас нет оснований говорить, что общество ментально к чему-то не расположено, потому что мы не можем отделить то, что ментально обусловлено, от того, что привнесено пропагандой. Мы не знаем также, насколько просвещение может способствовать формированию в этом обществе правового сознания.

Правовой нигилизм, о котором говорит президент, – очень условное понятие, потому что даже в XIX веке в крестьянской России было предубеждение против суда, против реализации закона, но не против самого закона. Об этом есть масса пословиц и поговорок. Даже в самой знаменитой из них – «Закон – что дышло: куда повернешь, туда и вышло» – речь идет о тех, кто «поворачивает», т.е. о судьях. Смысл всех таких пословиц в том, что «законы святы, да судьи супостаты». И это вполне в духе того, о чем говорил Георгий Александрович.

Я тоже не стану спорить с тем, что правоприменение – одна из главных наших исторических язв. Но стратегически мне такой акцент кажется все же сомнительным. Потому что дело не только в правоприменении и том, что народное сознание считает, что «законы святы, да судьи супостаты», но прежде всего в том, каковы сами законы. Пока существует политическая монополия на законодательство (а она в России с теми или иными ограничениями существовала всегда), до тех пор вопрос стоит и о том, какое это законодательство, потому что политическая монополия осуществляет его в собственных интересах. Поэтому у нас закон и может попираť право.

Какой выход? Думаю, что отсутствие в обществе политического субъекта, способного трансформировать неправовое государство в правовое, не снимает ответственности с субъекта интеллектуального. За двадцать с лишним лет так и не проделана необходимая работа

по проектированию законодательства, соответствующего принципам правового типа государственности. А ведь у нас, повторяю, многие беды именно от законодательства. Мы живем в полицейском государстве, если понимать под ним дотошное, мельчайшее регулирование всех сторон жизни в интересах властной монополии.

Определенным ориентиром в данном отношении может быть для нас опыт Восточной Европы. Восточноевропейцы (у них, правда, был национальный консенсус по поводу вхождения их стран в Европейский союз) брали универсальные европейские стандарты, касающиеся устройства госаппарата, судов, противодействия коррупции и т.д., и потом адаптировали их к своим национальным условиям. При этом Европейский союз следил за тем, чтобы адаптация не выходила за пределы стандарта. Это была долгая, растянувшаяся на ряд лет кропотливая работа, но при наличии внятных национальных целей она могла быть успешно проделана.

В Россию же универсальные европейские правовые нормы привнесены не были. При формировании законодательства мы шли от национальной специфики, от государственной традиции, поэтому и в Конституции оказалась узаконенной политическая монополия. А европейский правовой стандарт не был даже предложен. В этом смысле мы европейскую эпоху Просвещения до сих пор не прошли.

Вспоминаю, как мы ругали президентские инициативы по поводу антикоррупционного законодательства. Они, конечно, того заслуживали. Но альтернативного-то проекта ни по этому, ни по другим вопросам нет. Поэтому, когда власть критикуется многими здесь присутствующими, а она, власть, отвечает, что вы только критиковать и можете, не будем говорить, что она целиком не права. Стратегической альтернативы у нас нет, а это альтернатива правового государства, европейских правовых стандартов, которые адаптируются к местной специфике (а не местная специфика ис-

пользует европейские стандарты, выходящая за их содержание).

И последнее. Что такое неформальные традиции и институты, о которых говорил Георгий Александрович? Он привел очень показательный пример Чили, который, однако, отнюдь не свидетельствует в пользу приоритетности неформальных практик. Потому что там люди считают, что полиция хорошая, а суды плохие, но суд-то как независимый институт там, тем не менее, существует. Подобные настроения не мешают существовать такому институту. Значит, первичны все-таки институты, а не настроения. И если правовые институты сложились, то никакие настроения их не изменят.

Я вовсе не хочу сказать, что традиции и неформальные практики вообще не играют никакой роли. Если сравнивать, скажем, Болгарию и Румынию с Чехией или Словакией, то в первых двух странах, конечно, несопоставимо больше коррупции (например, при распределении бюджетных средств и фондов Евросоюза), чем в двух других. Но и в Болгарии с Румынией таких проблем, как беспредел гаишников на дорогах или обирание бизнеса чиновниками, не наблюдается. Потому что созданными там европейскими институтами, исключая политическую монополию, такого рода влияние неформальных практик блокируется. Поэтому, мне кажется, основной акцент все-таки должен быть сделан на преодолении властной монополии, а не на неформальных практиках, в значительной степени ею же и порождаемых. Пока она сохраняется, правовое государство в России не будет.

Лев Гудков²⁰: Прежде всего мне хочется высказаться по поводу дискуссии, которая идет здесь. Действительно, затронуты многие важные моменты. С чем-то я согласен, с чем-то нет. Конечно, я не социолог права. Эта область

социологии у нас слабо развита. Она ведомственная, закрытая, и информация оттуда поступает крайне ограниченно. Исследования Фонда ИНДЕМ (Георгия Сатарова, Владимира Римского) и нашего центра в какой-то степени восполняют дефицит соответствующего социологического знания, но сам способ сбора данных и их анализа не может быть признан удовлетворительным. Это добродетель в силу вынужденности – «за отсутствием гербовой пишем на простой».

Я постараюсь представить какие-то данные, но в строгом смысле квалифицированный анализ социолога права здесь крайне необходим. Что мне хочется сказать по теме, прежде чем я перейду к изложению результатов наших исследований? Мне кажется, дискуссия не совсем продуктивна, поскольку ставит вопросы слишком категорично: есть правовое государство – нет правового государства, есть правовой нигилизм – нет правового нигилизма. Как эмпирический исследователь могу сказать, что в российском обществе есть разные представления о праве и значимы, действуют разные системы правовой регуляции. Другое дело, что их объем и функции могут существенно различаться, что, собственно, и фиксируют социологические опросы. Вообще говоря, ни один социальный институт не может существовать без той или иной правовой регуляции, закрепления в тех или иных правовых механизмах (традициях, обычаях, социальных нормах, конвенциях, соглашениях, уставах, инструкциях, законах и т.п.) структуры социального взаимодействия. Функция права – снятие конфликта интересов, произвольных способов решения конфликтов. Какими способами это достигается, в каких формах осуществляется – это другой вопрос и предмет эмпирического описания и анализа. Но тот факт, что мы имеем дело с упорядоченным множеством социальной жизни, заставляет

²⁰ Гудков Лев Дмитриевич – доктор философских наук, директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр), главный редактор журнала «Вестник общественного мнения».

говорить о том, что какие-то правовые представления существуют. Поэтому я бы говорил не о том, что есть, а чего нет, и не держался бы логики «либо – либо», а предложил бы обсуждать проблематику в категориях континуальности – «больше – меньше».

Обращение населения к правовой или судебной системе отвечает его представлениям о правовой регуляции. У 70% опрошенных россиян никогда не возникало потребности в обращении в суд. Еще у 14% такого рода потребности появлялись в связи с определенным конкретным делом или по однократному поводу (раздел имущества, наследство, трудовые споры, возмещение ущерба и т.п.). Оставшиеся 16% заявили, что у них время от времени возникала необходимость в профессиональной юридической консультации или помощи специалиста в области права – впрочем, только у небольшой части из них, а именно у 3% опрошенных, такого рода потребность в обращении за юридической помощью носит систематический характер.

Это значит, что подавляющая часть нашей жизни находится вне формальной регуляции. Судебную систему в целом люди оценивают достаточно негативно. Установка на решение спорных вопросов институциональным и правовым путем в большей степени присуща: (а) более молодым опрошенным: 45% из них готовы обращаться в случае необходимости к соответствующим специалистам и организациям против 47% «не готовых» или не желающих это делать (33% – у пожилых людей, в этой возрастной группе 53% не собираются пользоваться услугами юристов или обращаться в судебные органы); (б) более образованным (49:40% с высшим образованием против 35:51% у тех, кто не имеет даже среднего образования); (в) жителям столиц и крупнейших городов (у первых это соотношение составляет 41:46%, в малых городах – 34:52%).

Сочетание таких характеристик (молодой возраст, высокий уровень образования и профессиональной квалифика-

ции, жительство в мегаполисах и крупных городах с развитой социальной, экономической и информационной инфраструктурой, динамичными рынками труда) хорошо известно российским социологам и выступает для них в качестве признаков более продвинутых групп, являющихся агентами процессов модернизации и трансформации социальной системы, носителями более сложных и современных образцов социального поведения. Иначе говоря, чем сильнее респондент включен в сложные и формально регулируемые отношения, характерные для высокоразвитой городской среды с развитой рыночной инфраструктурой, тем выше потребность в услугах и помощи юридических консультантов и специалистов. Образованные люди чаще нуждаются в самых различных формах правовой регуляции и юридических консультациях, адвокатском посредничестве, чем категории менее образованных. И что интересно: абсолютное большинство тех, кто все же обращался за юридической помощью, не просто получили ее, но и были вполне удовлетворены ею (73% из тех, кто обращался), 18% – «скорее не удовлетворены» и еще 7% – «совершенно недовольны правовыми консультациями и помощью». То же самое и среди «судившихся»: большинство скорее удовлетворено и процедурой судебного производства, и решением суда. Правда, доверие к суду тем выше, чем выше судебная инстанция (а значит, тем меньше знания о ее работе и конкретный опыт взаимодействия с ним у респондента или его ближайшего окружения).

Но ориентация на правовые формы решения спорных ситуаций и конфликта интересов оказывается в противоречии с давним отношением к суду как институту, обслуживающему в первую очередь интересы власти, зависимому от нее, с представлением, что обычный человек (такой, как сам респондент) не в состоянии защищать свои интересы в суде. В том случае, если противником гражданина в суде является представитель государства – чиновник, милицио-

нер, депутат, следователь и проч. (даже если конфликт связан с его частными интересами), абсолютное большинство наших сограждан считают априори дело безнадежным и проигранным.

Преодолеть глубоко укорененные предубеждения против суда чрезвычайно трудно, и значительная часть опрошенных не в состоянии это сделать: 49% респондентов уверены, что они (или такие люди, как они) не в состоянии в случае нарушения их прав и интересов защитить их в суде (противоположных взглядов придерживаются 40%) и еще 12% затрудняются ответить, т. е. по меньшей мере скептически воспринимает суд в России как минимум 61% граждан. Другими словами, хотя «правильным» было бы в случае возникновения конфликта интересов, сложной или спорной ситуации обратиться за юридической помощью в суд, в действительности обращаться к консультантам, в суд, к адвокату и тому подобным специалистам будет гораздо меньшее число людей, чем в других странах в аналогичных обстоятельствах. Они будут либо терпеть и смиряться, не веря в институциональные возможности решения своих проблем, либо в соответствии с советскими привычками мышления – жаловаться наверх, идти к начальству, к представителям власти, депутатам, писать письма в средства массовой информации или решать свои вопросы «втихую», путем коррупции или давления на противную сторону.

Эти общие установки на протяжении 20 лет практически не меняются. Это связано с тем, что, во-первых, абсолютное большинство людей (от 50 до 70%) считает, что в России жить, не нарушая закона, нельзя, а во-вторых, с тем, что люди не чувствуют себя под защитой закона (68% в 2006 году, 52% в 2010 году) и поэтому не доверяют судебной системе.

Такое отношение к суду связано с инерцией советского состояния, пониманием государства как системы насилия, представлением о суде как органе, который принуждает граждан к повино-

ванию и защищает прежде всего тех, кто репрезентирует государство. Поэтому люди идут в суд только в случае крайней необходимости. Основная часть обращений связана с семейными делами (развод, деление имущества, имущественные споры с соседями и т.д.). Реже – с деловыми конфликтами, спорами хозяйствующих субъектов. Я не беру тематику уголовного суда, поскольку это самостоятельные обращения.

Инерция отношения к суду как к органу репрессивного государства чрезвычайно важна. За этим стоит представление о праве, которое разделяет абсолютное большинство людей. В социологии права, идущей еще от немецкой социологии права, от Макса Вебера, скажем, есть два источника права. Это право, основанное на насилии, принуждении к соблюдению тех или иных норм, и право, основанное на конвенциях, достижении согласия, совпадении интересов. В обоих случаях прекращается открытый конфликт интересов – либо в силу навязывания и принуждения, либо в силу взаимности интересов.

Конечно, это идеальные представления об источниках права. Но они работают и в разных областях имеют разную силу. Поэтому, скажем, и отношение к судам заметно различается в зависимости от того, кто участвует в судебном процессе, кто обращается в суд и как. Общее недоверие к судебной системе, которое характерно для граждан, связано с навязанным представлением о праве как монополии принуждающего государства, об избирательном применении права в групповых, ведомственных, институциональных и прочих интересах.

Так, на вопрос «Почему вы не чувствуете себя под защитой закона?» в разные годы большинство людей давало одинаковые ответы, и их распределение почти не менялось на протяжении многих лет. Самый распространенный ответ (45%): «Потому что законы написаны не для всех» (они защищают только тех, у кого есть власть или деньги). Следующий по частоте ответ (36–37%): «Потому что законы вольно трактуют-

ся теми, кто у власти». Далее (от 30 до 42%): «Потому что все коррумпировано и люди не надеются на объективное рассмотрение своего дела в суде». Еще один часто приводимый вариант ответа: «Потому что нет законных средств, чтобы отстаивать свои законные права в суде» (20% в 2006 году, 28% в 2010 году).

Проблемы современного суда можно свести в пять групп. На первом месте – взяточничество, коррумпированность судей и работников суда. Об этом говорят 56% опрошенных. Интересно, что напрямую сталкивались с фактами коррупции только 10%, а значит, действует общее мнение, которое не сегодня родилось и не сегодня исчезнет. Оно поддерживается общими представлениями, связанными с пониманием государственного и общественного устройства нашей страны. На втором месте – зависимость судей от власти и влиятельных групп (46%), на третьем – волокита и непродуктивность работы судов (29%), на четвертом – отсутствие равенства сторон в суде и заведомое преимущество чиновников перед рядовыми гражданами (25%) и, наконец, на пятом месте – трудность доступа к судам (20%).

Отношение к судам различного типа сильно дифференцируется. Наибольшим доверием пользуется, как ни странно, Верховный суд, затем Конституционный суд, Высший арбитражный суд, арбитражные и конституционные суды субъектов Федерации, Мировой суд. На последнем месте суды общей юрисдикции, с которыми люди имеют дело чаще всего. Это иерархия не просто доверия, но и незнания. Потому что меньше всего люди знакомы именно с деятельностью Конституционного и Верховного судов, а низовые уровни судов они лучше себе представляют. Иначе говоря, запрос на идеальную судебную систему существует, но не удовлетворяется.

Ситуация заметно отличается, если мы рассмотрим отношение к арбитражным судам, в которые чаще всего обращаются предприниматели. Согласно данным исследования, которое проводила в нашем центре Людмила Хаху-

лина, доверие предпринимателей к арбитражным судам и удовлетворенность их решениями намного выше, чем у населения к судам общей юрисдикции. Даже уровень коррумпированности судей в этих судах оценивается как более низкий. А это значит, что там действуют другие правовые принципы и формы регуляции, но опять-таки за одним исключением: если в дело не вмешиваются интересы государства и чиновников. В этом случае люди считают ситуацию абсолютно безнадежной и отказываются вести дело, считая его заведомо проигрышным.

В наших опросах мы выделили категорию тех, кто прошел через суд. Любопытно, что у этой категории респондентов уровень доверия к судам и их оценка ниже, чем у населения в целом, а уровень готовности обращаться в суд в дальнейшем выше. Это говорит о том, что практический опыт взаимодействия с судом заставляет людей видеть в нем, хотя и неудовлетворительную, но все же институциональную форму, обращение к которой является более приемлемым способом решения проблем, чем любые другие.

Конечно, понимание зависимого характера суда парализует всю систему. Мнение о том, что он используется в политических целях, разделяют 59% (и только 19% придерживаются обратной точки зрения). Причем чаще об этом говорят люди более образованные, зрелого возраста, то есть пожившие. О том, что суд используется в конкурентной борьбе, заявляет еще больше респондентов – 67%, а среди людей с высшим образованием такой точки зрения придерживается 74%.

Как выйти из этого положения, в целом люди не знают и в зависимости от уровня образования, квалификации, культурного и социального капитала предлагают те или иные решения. Чаще всего выбор делается в пользу чисто репрессивного принципа – ужесточения наказания, что абсолютно неэффективно. Понимание необходимости развития институциональной системы,

то есть ограничения произвола властей и трансформации политической системы, о чем говорил Игорь Моисеевич, характерно для очень небольшого круга людей (от 12 до 20%), но это наиболее образованная, активная и продвинутая часть общества.

Эмиль Паин²¹: Я часто задаю себе вопрос: зачем нужны подобные конференции, в чем их практический смысл? У меня есть ответ для себя, для внутреннего пользования. Эта попытка в нашем кругу договориться о диагнозе проблемы. Потому что если не будет этого диагноза, то никакой разговор об альтернативных программах невозможен. И тогда нужно определить, где у нас нестыковки. Например, Игорь Клямкин сказал о том, что правового государства быть не может, пока сохраняется существующая политическая система. Думаю, наше сообщество с этим вряд ли будет спорить. Действительно, пока сохраняется эта политическая система, будет воспроизводиться монополия государства или монополия лиц, выступающих от имени государства.

А почему воспроизводится сама политическая система? Вот по этому вопросу большие расхождения. Сегодня существует модный ответ, причем он равно распространен как среди консерваторов, так и среди либералов. Ответ этот состоит в том, что культура у нас такая, такая у нас традиция, такая у нас *path dependence*, от которой мы никуда не уйдем. Это говорит и либеральный историк Юрий Афанасьев, и либеральный экономист Игорь Юргенс, который сформулировал четкую формулу: «В провалах модернизации виноват народ».

Однако так ли уж специфична российская политическая и социально-культурная система? Недавно мы обсуждали выступление украинского политолога Алексея Гараня, который показывал, что и в Украине происходит откат от попыток устройства демокра-

тического государства – защиты прав собственности и прав личности, ограничения произвола и т.д. Я слышу уже упрек: «Что тут удивительного? Родственники, такие же славяне, такая же культура».

Некоторое время назад я встретился с моими грузинскими коллегами, которые поведали мне, что при всех широко разрекламированных успехах реформ Саакашвили собственность стала еще менее защищена, чем когда бы то ни было во всей истории этого государства. И тут не работает. Опять слышу: «Ну ладно, не славяне, так православные. Значит, такая у нас православная культура».

Почему именно на культуру, причем народную (существует ведь и культура элитарная), возлагается вся ответственность за провалы реформ, за воспроизводство политической системы? Причем под культурой понимается очень узкая сфера – набор неких ценностей, которые устойчиво передаются по каналам традиций. Так ее трактуют Самоэль Хантингтон, Юрий Афанасьев, Александр Аузан. Но мы знаем из школьного курса, что одно и то же явление может быть результатом разных причин. Почему же именно культура непременно воспроизводит некие проблемы? Известна книга «Культура имеет значение», а в ней статья Хантингтона под этим же названием. И широко известен пример, который он там приводит, о том, что в 1970-е годы Гана и Южная Корея находились на одной и той же ступени развития и характеризовались одинаковыми показателями ВВП на душу населения. Через 20 лет Южная Корея стала тигром, а Гана – общипанным цыпленком. Почему? Культура. Ценности, оказываются, повлияли на эти различия.

Этот пример раздолбал, как Бог черепашу, известный специалист по культуре Амартия Сен, лауреат Нобелевской премии по экономике. Он показал, что этот вывод мог быть сделан только потому, что огромное количество других факто-

²¹ Паин Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана.

ров, не менее значимых, чем культура, не было учтено в этом анализе. То же самое происходит и при оценке российских, да и всех постсоветских условий. Опять же сплошь и рядом обвиняются культурные традиции, еще раз подчеркиваю, народные традиции, хотя провалы российских реформ явно не только следствие традиционных ценностей. Например, они могут быть результатом вполне современных и рациональных интересов каких-то групп. Еще один фактор – тип институциональной среды, например политической системы. При одной системе влиянием обладает только узкий круг лиц, истеблишмент, а в других – существует множество влиятельных интересов, и эти интересы приходится согласовывать.

Нужно ли говорить о том, что в нашей стране наиболее процветающим является истеблишмент, связанный с традиционной сырьевой экономикой, совсем не заинтересованный ни в продвижении инновационной экономики, ни в правовых реформах? Причем же здесь народная культура?

Теперь поговорим и о ней. В России проявляются два принципиально разных типа сохранности культурных традиций и, соответственно, два разных типа проблем взаимоотношения традиционной культуры и культуры модерна.

Первый тип можно определить как классическую проблему модернизации – это сопротивление домодерных обществ, сохранивших патриархальные традиции, инновациям эпохи модерна. Такой тип проблем присущ значительной части населения республик Северного Кавказа и некоторых других республик России. Но подавляющее большинство жителей России, одной из самых урбанизированных стран мира, демонстрируют другую культурно-психологическую проблему. Я бы ее определил в терминах Александра Зиновьева, изменив его «зияющие высоты» на «высокие зияния». Речь идет об огромном провале в культурном опыте, прежде всего связанном с дефицитом опыта коллективного солидарного действия. Пат-

риархальный коллективизм разрушен, а новый не появился. Такое общество, в отличие от традиционных обществ, прекрасно всасывает в черную дыру любые инновации. Однако эти новации не приживаются, не становятся традициями. Потому что у них нет корней.

Еще одна особенность этой культуры в отличие от традиционных обществ. У последних патриархальные традиции выступают средством самозащиты, зачастую весьма эффективным. Это панцирь, и я могу привести множество примеров того, как традиционные общества использовали этот панцирь, защищаясь от раскулачивания, коллективизации, депортации, и как эта защита спасла тысячи жизней. У детрадиционализованного общества нет такой защиты от внешних манипуляций и от неблагоприятных внешних обстоятельств, хотя один способ самозащиты оно выработало. Это имитация послушания. С советских времен известна шутливая формула: «Вы делаете вид, что платите нам, мы делаем вид, что работаем». Этот принцип мышления ныне не только сохранился, но и развился. Россия стала страной всеобщей имитации. Центральная власть имитирует демократию (пусть и «суверенную»), но проводит авторитарную политику. Региональные власти имитируют проведение авторитарной политики, но в действительности проводят политику анархии (делают, что захотят, к своей выгоде). Население делает вид, что почитает начальство, а на самом деле уклоняется от всех форм взаимодействия с ним, уклоняется от ответственности, от налогов, от службы в армии. Оно пытается уклониться и от чиновничьей коррупции, противопоставляя ей народный подлог: «Почему я должен платить чиновнику за всякую справку, когда за углом продают такие же, но дешевле?» Это поведение вовсе не традиционно, это защитный социальный рефлекс, возникающий здесь и сейчас в процессе адаптации населения к сложившейся институциональной среде. У населения нет не только обожествления власти, но и простого почи-

тания ее, зато есть имитация послушания. Народ не сопротивляется властям, но и не исполняет их волю. Поэтому на всех ветвях этой российской «вертикали власти» образуются мелкие или крупные баррикады, заторы.

Перейду к выводам.

1. Вертикально-иерархическая система не является следствием культурных особенностей, напротив, она их первопричина. При слабости низовой социальной организации, например сельской общины, основы которой были подорваны еще в XIX веке, российская политическая система, поддерживаемая элитарными слоями, имела и имеет возможности длительного самосохранения, порождая и соответствующий культурный климат отчужденности, апатии и безверия.

2. Смена институциональной рамки является необходимым стартовым условием изменения культурного климата. Главным содержанием таких изменений является создание таких правил игры, при которых интересы групп, соответствующие импульсам модернизации, направленные на развитие творчества, инициативы, самореализации и т.п., поддерживаются, а противоположные им – блокируются. Такой принцип действовал всегда. Кочевники никогда бы не отказались от привычной горизонтальной родоплеменной организации и не перешли бы к вертикальной протогосударственной (например, Скифское царство), если бы у сторонников тогдашней, условно говоря, «модернизации» не было возможности блокировать их сопротивление.

К третьему и самому главному моему выводу я вас подведу.

3. Ну, предположим, изменили мы институциональные условия, и что же? Уже не раз это пробовали делать в длинной истории России, а в последние годы и в других странах бывшего СССР. Что такое закон – текст на бумаге, его можно переписать. Или, даже не переписывая, оставляя букву закона, изменить его дух! Вот оно слово, за которое мы должны зацепиться, – дух, духовность,

культура. Главное свойство культуры в социально-политической сфере – легитимировать правила игры. Легитимность не внешнее принуждение, а внутреннее убеждение («Так не принято!»).

Мой третий вывод – это в значительной мере повторение концепции становления демократии Чарльза Тилли, опубликованной в 2005 году и подтвержденной социологическими исследованиями Роберта Патнэма и отчасти Рональда Инглхарта: политическая система демократического типа и ее правовые устои закрепляются при наличии в качестве предпосылки некой демократической традиции. Причем именно традиции, а не мифа о демократии. Поэтому мифы о демократии Запорожской Сечи или феодальной Новгородской Республики не существенны, они в лучшем случае сырье для традиции. Нужны непрерывные, незабытые традиции. При этом необязательно речь идет о многовековых традициях, достаточно бывает и более кратковременных.

Некоторые постсоветские страны все-таки сумели обеспечить переход от советской к современной либерально-демократической правовой системе. И это не только прибалтийские страны с их католической и протестантской культурой, но и православная Молдавия. В этой беднейшей стране с высоким оттоком населения и многими другими проблемами конституционно-правовые условия позволяют как коммунистам, так и антикоммунистам сменять друг друга у власти легально, не выходя за рамки конституционно-правового поля.

Что роднит Молдавию со странами Балтии? Эти республики позже других присоединились к СССР. Молдавия (тогда Бессарабия) оказалась с нами в одной лодке только в 1940 году. За 20 с небольшим лет после распада Российской империи в Бессарабии успела сложиться некоторая политическая традиция. Но ведь и психологическая демилитаризация Германии, отказ от идеи *Sonderweg* (особый путь), очень похожей на нынешнюю идеологию России, тоже произошли за 20–25 после-

военных лет. Радикальные изменения расовых предрассудков в США потребовали примерно такого же срока. Могут привести множество других примеров радикального изменения менталитета, культурно-психологического климата приблизительно за такой же период. Но все подобные изменения стали возможны только при двух главных условиях: политическая система позволяла осуществлять перемены в культуре, а элита не только была заинтересована в переменах, но и предпринимала огромные усилия для их достижения. В России нет ни первого, ни второго, и местной элите очень удобно прятаться за формулу: «Что тут поделаешь – народ такой!» Жаль, потому что в ином случае в России могла бы сложиться новая правовая традиция, новая политическая культура.

Владимир Кржегов²²: Тут достаточно много говорилось о проблемах приближения к идеалу правового государства. Вместе с тем, на мой взгляд, сформировалась парадоксальная ситуация. Нам, в частности, объясняют, что к правовому государству нужно идти преимущественно путем неформальных практик. Я ни в коей мере не отрицаю значение неформальных практик. Полагаю, что это путь к повышению самоорганизации, формированию самодостаточных социальных групп, но вот именно роли права здесь не просматривается. Тут я скорее солидарен с Игорем Клямкиным. Поэтому мне кажется, что следовало бы вернуться к вопросу о сущности права, который уже затрагивал Лев Иванов. Однако я опасюсь, что дальше войду в противоречие с некоторыми его положениями, потому что, в свое время изучая концепцию Нерсесянца, а правильное сказать – концепцию Гегеля в изложении Нерсесянца, и размышляя над этими проблемами в общении со студентами и коллегами, я всегда задавал один и тот

же вопрос: если вы говорите, что существуют неправовые законы, то что такое право, если оно не имеет формы закона? Некая абстрактная «идея права», как об этом писал Гегель, то есть то, что существует в философских текстах и в философских головах как эталон измерения позитивного права? Но тогда это не собственно право, а скорее некое представление о сущности права, о его идеале. Такого рода представления могут быть очень субъективными и потому неизбежно обладают ограниченной значимостью. Между тем еще Вильгельм Виндельбанд очень точно заметил по этому поводу, что «все нормы требуют общезначимого». Апелляция к разуму, к свободе тоже не дает решения, потому что и право, и свобода, и справедливость, и разум, увы, понимаются очень по-разному. Поэтому я полагаю, что, не опасаясь обвинений в правовом позитивизме, нужно признать то, что, на мой взгляд, лучше всего было сформулировано Максом Вебером применительно к буржуазному обществу с его особым типом господства: здесь государство – это институт, который имеет монополию на применение легального насилия. Следовательно, мы не можем говорить о праве вне государства и о государстве вне права. Конечно, я понимаю, что наряду с этим существует очень важная проблема неправового закона (хотя, как я уже отметил, определение это не вполне корректно). Но она, на мой взгляд, не будет иметь решения, если мы попытаемся пойти по пути, который приведет к отрицанию упомянутой монополии государства. Потому что вне этой монополии ни функционирование институтов правового государства, ни функционирование институтов права невозможно.

Решение, в моем понимании, следует искать в другом, и тут я не претендую на открытие Америки. Речь идет о том, что право, равно как и государство, существует в исторически разных формах. Ког-

²² Кржегов Владимир Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной философии философского факультета МГУ.

да мы говорим «государство вообще» и «право вообще», имея в виду нечто всегда неизменное, всегда себе равное, и этим ограничиваемся, примыкая к кантианской традиции трактовки этих понятий, то совершаем ошибку, которая хорошо известна в логике, – ошибку отождествления общего и особенного. Коротко говоря, признавая, что право – это всегда и только продукт творчества государства, нужно вместе с тем помнить о том, что само государство исторически различно. Соответственно, оно создает исторически различные формы права. И формы эти в главном всегда отвечают базовым формам организации общества.

Теперь что касается состояния нашего общества. Тут я опять-таки солидарен со многими коллегами. Несомненно, его давней и печальной особенностью является очень высокий потенциал конфликтов. Вместе с тем даже в таком состоянии у нас существует то, что в социологии принято называть ценностно-нормативным консенсусом. Вся беда в том, что консенсус этот лежит в значительной мере вне правового поля. То есть конфликты, которые перманентно возникают между отдельными людьми или между группами, разрешаются согласно неким устоявшимся обычаям, но не на правовой основе. В большинстве случаев обнаруживается, что имеется некая действенная сила, которая может предоставить заинтересованной стороне защиту, обеспечить спокойное существование, но это не сила права и не легальная сила государства. И тогда получается, что, по теоретическим основаниям соглашаясь с тем, что государство должно быть монополистом в сферах правотворчества и правоприменения, мы оказываемся в противоречивой ситуации. У нас ведь сейчас государство, во-первых, фактически не имеет монополии на применение насилия, оно ее очевидным образом утратило. А во-вторых, что еще более прискорбно, оно, само собой, также весьма часто применяет насилие, и даже избыточное, но большей частью за пределами права.

А нелегальное насилие – в любых своих формах – более всего остального подрывает устои государственности. Наши так называемые «государственники» только и говорят, что об укреплении государства, о поддержании его единства, но решение этих проблем они ищут там, где его заведомо нет. Потому что они все делают для того, чтобы право не могло стать действенным инструментом разрешения конфликтов. Они на практике и очень последовательно разубеждают людей в том, что можно обратиться к закону и в суде найти защиту своих интересов. Хорошо известно, что первая забота всякого нашего начальника, будь он президент страны, губернатор или глава местной администрации, – иметь «карманный» суд, который будет руководствоваться не законом, а руководящими указаниями.

Каким образом в этих условиях можно привести общество к признанию ценности права? Здесь я исхожу из того, что правовое воспитание, повышение уровня правовой культуры осуществляется прежде всего на практическом опыте. Решающая роль здесь принадлежит практике судебной, правоприменительной.

Таким образом, повысить доверие людей к праву можно было бы, двигаясь в двух основных направлениях. Прежде всего, законы должны быть сформулированы так, чтобы в первую голову были обеспечены интересы граждан. Напомню известную мысль Александра Герцена о том, что правовой нигилизм – действительно типичная черта русского человека, но это потому, что в России закон человека никогда не защищал, а всегда преследовал. Вторая составляющая – действенность закона, реализация его требований в повседневной жизни. Но, как мы все хорошо понимаем, это предполагает независимость суда и его абсолютный приоритет, точнее, монополию во всех ситуациях правоприменения.

Следует сказать, что издавна привычные нам формы квазиправового регулирования – далеко не случайное

обстоятельство. Здесь я прибегаю к марксистской лексике, поскольку по сути дела приходится говорить об особенностях социально-экономического строя. А сутью российского социально-экономического строя на большей части его истории – как до революции 1917 года, так и после нее, было то, что государство объединяло в себе власть и собственность. Государство обладало монополией на распоряжение всеми ресурсами страны, в том числе и человеческими, и, соответственно, все население пребывало в сильнейшей зависимости от государства. Это обстоятельство неизбежно находило свое выражение и в законодательстве, и в судебной практике. И в том и в другом нарушался ключевой принцип современного права – принцип равноправия сторон. В случае конфликта интересов гражданина и государства государство одновременно выступало и как заинтересованная сторона, и как арбитр. Именно здесь, на мой взгляд, корни присущего нашей культуре правового нигилизма. Однако важно отдавать себе отчет в том, что правовой нигилизм в массовом сознании и правовой нигилизм в умах носителей власти – это, конечно, связанные, но все же разные вещи. Общество не верит в закон, тогда как обладатели должностных полномочий пребывают в молчаливой уверенности, что они превыше закона. Все вместе делает невозможным утверждение того типа господства, который Вебер определял как господство рациональное и легальное.

Эмиль Паин любит спрашивать о том, откуда взялась «историческая колея» и так ли мы уж должны быть привержены поклонению ей? Но уже было сказано, и я с этим совершенно согласен: колея, хотя и по-разному на разных уровнях, поддерживается вполне осмысленно, целенаправленно. Прежде всего, эта традиция идет от государства, потому что оно у нас было всегда построено на принципах, абсолютно враждебных принципам гражданского общества. У нас ведь по сути гражданского общества так никогда и не было. Соответственно,

не было и полновесного гражданского права. Только когда оно начало появляться после реформ 1861–1863 годов, стали возникать и начатки соответствующей правовой культуры. Дело зашло так далеко, что у профессиональных юристов даже появилось нечто вроде корпоративного духа. Конечно, правовая культура (имеется в виду обращение к праву как средству разрешения проблем) была распространена в очень незначительной части общества, но все-таки она существовала. Большевистская революция и большевистское квазигосударство все это погубили, и вполне понятно почему. Ведь большевики, что бы они там ни говорили про социализм и общественную собственность, по сути восстановили дореформенную государственную монополию на распоряжение всеми ресурсами. И законы, которые ими разрабатывались, очевидным образом эту монополию закрепляли.

Поэтому в постсоветской ситуации, в которой мы сейчас оказались, задача состоит примерно в том же самом, в чем она состояла в эпоху буржуазных революций: лишить государство монополии на распоряжение ресурсами, а в сфере управления – ограничить незаконный произвол обладателей власти. Первым шагом на этом пути должно стать последовательное и всеобъемлющее разделение власти и собственности. Ведь что такое буржуазное право? Это право, которое прежде всего защищает интересы независимых частных собственников и ограждает граждан от произвола государства. Этой задаче подчинены все производные установления и институты: разделение властей, их обязательная ротация, независимый суд и т.д. Утверждение всех этих принципов, их постепенное проникновение в культуру способствовало оформлению групп интересов, которые, в свою очередь, обеспечивали поддержку демократическим институтам, содействовали их развитию. Именно так создавалось гражданское общество, которое в реальной практике, в борьбе, шаг за шагом «обретало

право свое», как гласит известный лозунг партии эсеров. Этот путь нам тоже придется пройти, потому что ничего другого для стабилизации общества в современных условиях придумать невозможно.

Поэтому, как мне представляется, если мы хотим утвердить в нашем обществе начала правовой культуры и правовой регуляции, нам нужно прежде всего сосредоточиться на обеспечении интересов частных собственников в легальном поле. Для этого нужен независимый суд. Здесь, к сожалению, у нас никаких средств нет, кроме как, если хотите, саморазвития судейского сообщества, поскольку независимость суда внешним воздействием обеспечить практически невозможно. Выражаясь очень осторожно, можно стремиться повлиять косвенно, прежде всего усилиями политической элиты, и в первую голову – «правлящего класса», который должен осознать, что если он не перейдет к современным, цивилизованным методам регулирования общественных отношений, то погубит общество и себя вместе с обществом. Позитивной альтернативы, в сущности, нет. У нас нет больше возможности использовать практику советского типа, т.е. практику тотального перераспределения государственной ренты, поскольку это путь тушиковый, эти приемы в современных условиях не работают.

Для того чтобы сменить методы и способы государственного управления, нам нужно заботиться о создании социальной базы демократических движений. То есть о том, о чем говорил Лев Гудков. Здесь мы пока наблюдаем действительно очень мрачную картину. Но доминирующие в обществе умонастроения – это ведь некое оформление опыта. Значит, надо стремиться к тому, чтобы этот опыт был изменен. Вспомним известное требование диссидентов советских времен: «Соблюдайте собственную Конституцию!» Думаю, сейчас можно представить себе аналогичные практики, только с приоритетом требования неукоснительного соблюдения законов,

прежде всего в области защиты имущественных прав. При всей значимости прав политических, других личных прав и свобод на первом месте все-таки должно быть то, что делает человека самостоятельным субъектом. Ведь как раз по-настоящему независимых, самостоятельных субъектов в нашем обществе катастрофически не хватает. Такова на сегодняшний день его структурная композиция, а согласно известному закону именно деятельность, осуществляемая в рамках определенной структурной организации, в конечном счете формирует преобладающие в культуре ценности, нормы и стереотипы.

Наконец, еще один момент. Нам, конечно, нужен независимый суд, но в еще большей мере – независимый законодатель. Думаю, Игорь Клямкин именно это хотел сказать, когда говорил о необходимости лишить государство монополии. Речь идет о монополии исполнительной власти, высших звеньев ее административного аппарата. Поскольку сейчас у нас нет независимого законодательного корпуса, значит, нет и не может быть нормального, отвечающего требованиям дня законотворчества. Соответственно, мы опять выходим на проблемы политики. С тем, что я сказал выше, тут нет противоречия, потому что одна из важнейших наших забот – создание условий и средств для формирования в политической сфере конкурентной среды. Это единственный путь к созданию независимого законодательного корпуса. А это, в свою очередь, можно сделать, если появятся политические силы, способные артикулировать и представлять интересы основных групп населения. Думается, здесь в первую голову надо делать ставку на свободных предпринимателей. Необходим союз либерально-демократических политиков с бизнес-структурами, но, разумеется, не с теми, кто инкорпорирован во власть. Речь идет прежде всего о среднем и малом бизнесе, поскольку государственная бюрократия очевидным образом ущемляет интересы именно этих бизнес-групп. Все это, вместе взя-

тое, суть главные факторы формирования правовой культуры, основанной на высокой ценности права – такой, какую оно имеет в демократических государствах. На мой взгляд, именно на этих путях мы сможем найти путь к решению наиболее острых проблем нашего общества.

Андрей Медушевский²³: Я верю в то, что можно создать правовое государство в России, но вера и знание – разные способы овладения реальностью: первый основан на интуиции, второй – на осмыслении опыта и доказательной проверке его ценности. Предлагаю связать две темы нашей дискуссии – концепцию правового государства (как идеальную теоретическую модель) и проблему модернизации (как возможности осуществления этой модели на практике). Более того, считаю, что концепцию правового государства можно и нужно рассматривать как стратегию модернизации России. В связи с этим я хотел бы предложить вам ряд тезисов для обдумывания. Первый тезис – насколько современное российское общество консолидировано по проблемам правовой модернизации. Существует три основных позиции в этом вопросе. Первая позиция, которую, я думаю, большинство здесь разделяет, – это либеральная концепция правового государства, которая соответствует задачам модернизации и европеизации страны, мировому опыту решения конституционного вопроса. Но нужно иметь в виду, что эта концепция разделяется сейчас далеко не всеми.

Поэтому важно отметить существование второй концепции, которая, по моему, становится едва ли не доминирующей в общественном сознании. Она связана с отрицанием правового государства с позиций консерватизма, можно сказать, неославянофильства. Для этой идеологии характерно принятие ценностей иррационализма, отрицание

универсальных тенденций мирового развития и сравнительного подхода, представление об исключительности национального опыта, вера в особый путь страны вплоть до возврата к различным суррогатным советским формам номинального конституционализма. Эта система ценностей идет даже дальше, поскольку некоторые ее представители говорят о необходимости восстановить корпоративные и сословные отношения в стране, пересмотреть доктрину прав человека и принять авторитарную систему политического устройства, окрашенную в «национальные цвета». В последнее время все чаще приходится слышать об этой концепции, которая на первый взгляд выглядит совершенно архаично, но овладевает умами, опираясь на апатию общества, растущую усталость от не всегда продуманных преобразований, используя устойчивые исторические стереотипы сознания.

И третья концепция, которую я бы определил как эклектическую. Она исходит из прагматического решения проблемы, то есть предполагает возможность комбинирования различных институтов, как национальных, так и заимствованных извне (причем отнюдь не только из стран западной демократии), соответствующих различным правовым и идеологическим традициям, с единственной целью – осуществить определенную модель модернизации, политические формы которой могут быть различны. Столкновение этих трех концепций позволяет говорить о расколе общества в отношении того, каким образом понимается правовое государство, и заставляет сделать выбор по этому направлению.

Второй важный тезис – как вообще должна осуществляться модернизация. Как известно, модернизация может проходить в неправовых формах (как, например, в Советском Союзе) или в правовых формах, что делает ее результаты более предсказуемыми, прочными и легитим-

²³ Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ.

ными. Вопрос в том, что такое правовые формы и насколько радикальными могут быть их изменения. Должен ли это быть разрыв правовой преемственности (конституционная революция) или частичные изменения (конституционная реформа)? Переходные процессы от авторитаризма к демократии конца XX века поставили этот вопрос чрезвычайно остро. Каким образом возможно обеспечить договорный переход к новому типу общества, как должны строиться отношения конституирующей и конституционной власти, и каковы возможные издержки срывов на этом пути – цена политических и конституционных преобразований? Сейчас в обществе снова встает вопрос о возврате к фундаментальным принципам российского конституционализма. Сегодня я участвовал в телепередаче «Суд времени», посвященной Учредительному собранию. Там была довольно жесткая дискуссия по данной проблеме, в ходе которой встал вопрос о возврате к идее Конституанты. Моя позиция состоит в том, что созыв Учредительного собрания сейчас, на чем настаивают некоторые люди, совершенно нецелесообразен.

Почему я так думаю? Во-первых, мне кажется, что раскол, который существует сегодня в обществе в отношении Конституции, не настолько велик и не настолько принципиален, как это имело место в ходе революций начала XX века или в условиях перестройки конца этого века. Это не ситуация драматического выбора 1917 или 1993 года. Во-вторых, думаю, что вопрос отнюдь не сводится к юридической и технической стороне дела (как полагают некоторые участники дебатов). Создание Конституционного собрания на основании статьи 135 действующей Конституции не представляется невозможным. Можно легко собрать три пятых голосов от общего числа членов двух палат парламента – Совета Федерации и Государственной думы для созыва Конституционного собрания (современный эквивалент Учредительного собрания) и затем принять двумя третями голосов его чле-

нов новую Конституцию. Вся процедура радикальной конституционной ревизии может быть запущена при наличии соответствующего квалифицированного большинства, которое в настоящее время принадлежит целиком правящей партии «Единая Россия». Это вопрос техники. Но совершенно очевидно и то, что это не будет диалог различных политических партий. Это будет решение одной партии, правящей, соответственно, ее ценности будут доминирующими в новом Основном Законе. Это не оставляет места договорным процедурам формирования новой системы, а значит, не решит проблемы легитимации соответствующих нововведений. И в-третьих, я полагаю, что такое решение проблемы, то есть фундаментальное изменение Конституции, с учетом перемен, произошедших в постсоветский период, и современных тенденций политического режима, может привести к тому, что мы потеряем то лучшее, что было в либеральной Конституции 1993 года, и не получим ничего взамен. В худшем случае это будет движение в направлении ретрадиционализации, номинального конституционализма и, я бы сказал, клерикализации общества.

Все эти вызовы заставляют нас по-новому осмыслить некоторые фундаментальные проблемы. Поэтому третий мой тезис связан с определением основ конституционного развития и интерпретацией противоречий в них. Конечно, конституционная система 1993 года имеет внутренние противоречия, сочетая либеральную трактовку прав и свобод человека и авторитарную интерпретацию политической власти. Эти противоречия, давно отмеченные специалистами, создают возможность толкования Конституции и применения ее норм в диаметрально противоположных направлениях. Здесь говорили о соотношении права и правоприменительной практики. На мой же взгляд, основная проблема состоит в создании новой публично-правовой этики, которая необходима для преодоления разрыва между нравственным идеалом

либеральной демократии и политической реальностью. Именно публично-правовая этика наполняет смыслом интерпретацию норм позитивного права и позволяет критически анализировать степень их реализации на практике.

Совершенно ясно, что если понимать право чисто нормативистски, то его очень легко изменить путем поправок (гладкое и практически незамеченное обществом принятие конституционных поправок 2008 года, пролонгировавших президентский мандат, – наглядное тому подтверждение). Если говорить о правоприменительной практике, то, как здесь было убедительно показано многими, эта правоприменительная практика далека от идеала и, более того, часто ведет к игнорированию или даже отрицанию действующего позитивного права. Поэтому мне кажется, что настало время поставить как фундаментальную проблему вопрос о политической нравственности и включить его в основу наших теоретических дискуссий о праве. Именно этот вопрос оказывается решающим при определении того, кто является в конечном счете гарантом ценностей конституционализма – соответствующие ветви власти или гражданское общество. Речь идет об осознании обществом и отдельными индивидами «права иметь право», т.е. своих субъективных конституционных прав, без чего невозможно полноценное функционирование демократических институтов.

В связи с этим мне представляется чрезвычайно важным исторический аспект, о чем здесь говорили. А именно, ощущается необходимость возрождения российских либеральных традиций обоснования правового государства. Полагаю, что теория правового государства, разработанная в классической русской либеральной юриспруденции рубежа XIX–XX веков, выступает как обобщенный мировой опыт этих преобразований, целостная стратегия модернизации для российского общества. И я думаю, что основные элементы этой программы сохраняют значение на современном этапе. Потому что постсовет-

ский переход к демократии, если это, конечно, переход к демократии, а не его имитация, во многом напоминает попытку Временного правительства после Февральской революции решить те же проблемы – перехода к гражданскому обществу и правовому государству, создания рыночной экономики, обеспечения прав человека и независимой судебной власти.

В связи с этим актуальны проблемы, которые были поставлены классикой российской юриспруденции. Это, прежде всего, соотношение права и нравственности, о чем я уже говорил. Это, далее, вопросы о естественных и приобретенных правах, о негативных и позитивных правах личности, объективных и субъективных конституционных правах. Это, в конечном счете, определение права на достойное человеческое существование как предпосылки правового государства и вообще модернизации с либеральным вектором. Таким образом, в центре внимания вновь оказывается проблема соотношения права и справедливости. Существуют, конечно, различные теории справедливости: распределительная теория справедливости, нормативистская и та теория, которая связывает ее с исторической традицией данного общества. Но мы никуда не уйдем от этой проблемы, особенно учитывая тот факт, что наше население, безусловно, имеет определенные традиции справедливости, но не имеет традиции права. Очень важно найти тот мост, который соединяет рациональные правовые представления с национальными традициями. Пока этого не сделано, не будет решена дилемма соотношения права и справедливости. Все разговоры о праве и о правоприменительной деятельности будут упираться в нигилизм населения, значительная часть которого рассматривает право как нечто внешнее, навязанное ему и по существу воспринимает произвольные действия административной власти как должное или неизбежное. Это реальность, с которой нужно иметь дело при рассмотрении любой программы политических реформ.

Следующей чрезвычайно важной проблемой является вопрос о соотношении концепции правового государства и концепции эффективного государства. Дело в том, что вообще в мире и конкретно в России правовое государство не всегда оказывается наиболее эффективным, особенно в ситуации, когда право не работает. Одной из причин дисфункций правовой системы выступает своеобразный правовой дуализм – существование различных правовых систем, одна из которых провозглашена официально, но не действует, в то время как другая – действует на практике, но не признана официально. В основе – конфликт позитивного права и представлений о справедливости, но также – непонимание или отторжение юридических инструментов разрешения конфликтов значительной частью общества и бюрократии. Наиболее эффективными часто оказываются как раз неправовые рычаги. Данная проблема, на мой взгляд, должна решаться по линии выяснения соотношения понятий правового государства и конституционного государства, конституционализации законодательства, конституционного правосудия, установления рамок и условий возможных временных отступлений от принципов правового государства. Если такие отступления по каким-либо причинам (например, борьба с терроризмом) признаются неизбежными, они должны быть не только оговорены в законе, но и находиться под действенным социальным контролем. В любом случае, они должны восприниматься не как правило, но скорее как неизбежное исключение из правила, а границы применения соответствующих инструментов (в частности, указного права и делегированных полномочий административной власти) должны стать предметом тщательного рассмотрения со стороны общественности.

И наконец, это проблема выяснения социального содержания и подлинности конституционных гарантий и прав человека, потому что одно дело их провозгласить, а другое – понять, как они

действуют. Все эти вопросы взаимосвязаны, они предполагают внимание к проблемам социологии и права, установлению того, каким образом функционируют правовые нормы. Если они не функционируют, то почему? При таком подходе становится понятно, что можно сделать для того, чтобы эти нормы работали в данной конкретной ситуации в данной стране, а не где-то в абстрактном пространстве.

Самостоятельная тема дискуссии – это, конечно, ряд известных вопросов, связанных с разделением властей и с тем, что наша Конституция составлена таким образом, что очень многое зависит от интерпретации тех или иных положений и от трактовки противоречий, неясных мест, которые есть в Конституции. В связи с этим большое значение имеют вопросы интерпретации Конституции, и в частности проблемы, связанные с трактовкой степени развития российской гражданской нации в контексте проблем федерализма, – все то, что обычно имеется в виду, когда говорят об асимметричности федерализма, бюджетном федерализме, выборности губернаторов, создании эффективных институтов административного и судебного контроля. Это также проблемы бикамерализма и роста номинальности Верхней палаты, которая после неоднократного реформирования продолжает сталкиваться с проблемой неосвоенности собственных конституционных полномочий. Эти вопросы не стали менее важными после принятия законодательных поправок, которые наделили победившую на выборах партию правом выдвигать кандидатуры губернаторов и членов Совета Федерации. Не есть ли это движение по кругу?

В контексте дебатов о перспективах конституционного развития несомненно актуальна проблема ответственности правительства перед Думой и перехода к реальной президентско-парламентской системе. Если мы говорим о том, что у нас существует смешанная система по образцу Конституции Франции Пятой республики, то давайте так

ее и понимать. Отсюда вытекает ряд вопросов о возможности расширения контрольных полномочий парламента, изменениях избирательного законодательства в целях формирования реальной многопартийности и создания конструктивной оппозиции, способной формулировать конкурентоспособные альтернативы действующей политической программе. Это значит, что она (конструктивная оппозиция) должна иметь собственную научно обоснованную программу действий, свои конкретные конституционные предложения и механизмы их реализации. В противном случае политическая система рискует столкнуться со стагнацией, отчуждением от общества и формированием деструктивной оппозиции. Жизненность политической системы связана не только с обеспечением доминирования современной политической элиты, но и со способностью осмысления проблем на аналитическом уровне, учетом конкурирующих стратегий и возможностью гибкого реагирования на новые вызовы. В этом смысле конструктивная оппозиция есть необходимое условие жизнеспособности системы. Пока этого нет. Оппозиционность уходит в слова, и это только дискредитирует дело.

Очень важная самостоятельная проблема – полноценное гуманитарное и, в частности, юридическое и политологическое образование. Если мы стремимся к тому, чтобы университеты стали полноценными элементами гражданского общества, форумами, на которых обсуждаются актуальные вопросы общественной и политической жизни, то важно преодолеть старый догматический подход к формированию сознания студенчества. Важно добиться того, чтобы освоение профессиональных знаний и навыков сочеталось со способностью студентов самостоятельно добывать и критически анализировать поступающую информацию. Только в этом случае можно достичь понимания духа права, логики его развития и ценности его отстаивания. Сравнительный анализ,

вариативные подходы, обращение к исследованию актуальных политических проблем – вот что требуется для полноценного владения ситуацией на когнитивном уровне. В беседах со студентами я постоянно обращаюсь к этой тематике – связи правового сознания, конституционных норм, политической и судебной практики. Это учит, в частности, способности формировать спрос на право – правовой запрос общества государству и возможности использовать свои права на практике. В настоящее время общество не готово ставить эти вопросы и не пользуется теми правами, которые имеет.

И наконец, последнее. Мы говорили сегодня о переходном периоде – транзите от авторитаризма к демократии, сложностях на этом пути. Однако та трактовка перехода от авторитаризма к демократии, которая сформулирована в работах 1990-х годов, все меньше соответствует реальности современного общества. Она, во-первых, слишком априорна и не учитывает специфики различных регионов мира; во-вторых, плохо объясняет срывы и возвратные движения на этом пути; в-третьих, телеологична, т.е. исходит из предопределенности конечного результата – торжества демократии западного типа. Но постсоветские переходные процессы демонстрируют другую реальность: различие векторов переходных процессов; тенденции к ретрадиционализации во многих странах региона, наконец, неуверенность в отношении конечного результата. Вообще, не настало ли время отказаться от понятия «транзит» и от понятия «посткоммунистический транзит»? Все-таки прошло уже 20 лет, и возникает вопрос: если это переход, то от чего к чему? Постсоветское пространство демонстрирует не столько линейную логику, сколько выраженную цикличность смены демократии и авторитаризма. В нем реализовались как полноценные демократические политические системы, так и авторитарные, наконец, представлены варианты архаичных режимов, вообще отказавшихся

от политической модернизации или понимающих ее как возврат вспять – к традиционалистским формам власти и господства. И возможно образование гибридных режимов, которые не являются ни однозначно тоталитарными, ни однозначно демократическими, но представляют собой скорее варианты мнимого конституционализма.

Мною предложена концепция конституционных циклов, которая, как представляется, лучше объясняет эту сложную реальность, выявляя процессы отказа от старой конституции (деконституционализации), создания новой (конституционализации) и корректировки ее положений в отношении меняющейся политической реальности (реконституционализации). С этих позиций возможна интерпретация рестав-

рационных тенденций, типологии режимов реального, номинального и мнимого конституционализма. Адекватный научный диагноз состояния правовой и политической системы значит очень много для понимания смысла данных процессов, принятия политических решений и прогнозирования их возможных результатов.

Мой вывод состоит в том, что рассмотрение теории правового государства как стратегии модернизации позволяет актуализировать значительный теоретический, сравнительный потенциал классической юриспруденции, и прежде всего российской, вывести обсуждение проблемы на уровень публично-правовой этики, социологии права, конкретных рекомендаций и технологий их реализации.

Проблемы обеспечения межэтнического согласия в России

Декабрьские события 2010 года на Манежной площади, вскрывшие накопившееся в стране межэтническое напряжение, получили широкий общественный резонанс. Дмитрий Медведев изменил повестку дня совместного заседания Государственного совета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, начав его с вопроса обеспечения «межнационального и межконфессионального согласия» в России. Этой теме было специально посвящено заседание президиума Госсовета, прошедшее в феврале 2011 года в Уфе. Как оценивает научное сообщество состояние межэтнических отношений в стране и те усилия, которые предпринимает власть для их гармонизации? Какой, на взгляд ученых, должна быть этническая политика в России? Эти вопросы обсуждались на круглом столе, состоявшемся 14 марта 2011 года по инициативе Научного совета по проблемам национальной политики Отделения общественных наук РАН в Институте социологии РАН. Предлагаем вниманию читателя большую часть прозвучавших выступлений.

Леокадия Дробужева¹: Заседание президиума Госсовета в Уфе о мерах по укреплению межнационального согласия готовилось в очень сжатые сроки. Руководил подготовкой доклада рабочей группы губернатор Ростовской области Василий Голубев. В ее состав входили не только представители ведомств – Министерства регионального развития, Министерства финансов, Министерства культуры, Министерства образования и науки и др., руководители ряда субъектов Федерации, но и представители общественных объединений, религиозных конфессий, научного сообщества (Институт этнологии и антропологии РАН, Институт социологии РАН). Центры изучения общественного мнения были представлены ВЦИОМом.

Доклад готовился в Министерстве регионального развития. Нас попросили дать свои предложения, что мы и сделали. Так же, полагаю, поступили и другие участники рабочей группы.

Сегодня мы собрались для того, чтобы обсудить те решения, которые принимаются властными структурами в сфере межэтнических отношений, и подумат

о том, какие решения можем предложить мы как научное сообщество.

Для этого, как мне кажется, нам прежде всего необходимо уделить внимание вопросам, связанным с историческим прошлым. Так, например, весьма противоречивы в науке оценки колониализма в досоветский период. Ведь помимо завоеваний существовал и «народный колониализм». Еще больше разногласий при оценке событий советского периода. На него возложили ответственность за асимметрию в федеративном государственном устройстве. В других случаях ответственность за это переносится на 90-е годы, в частности так это прозвучало на Госсовете. Это было для меня удивительно, потому что такая асимметрия сложилась еще в досоветское время, хотя федерации не было. Остается открытым вопрос о том, насколько федерализм был исторически обусловлен в досоветскую эпоху, насколько он стал необходимым и единственно возможным в советское время. Наконец, договорная федерация, связанная с 1990-ми годами, в одних случаях оценивается исключительно негативно, в других – как

¹ Дробужева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН, председатель Научного совета по проблемам национальной политики Отделения общественных наук РАН.

единственная возможность потушить насильственные конфликты на территории страны. Все это вопросы не только истории. Без ответа на них трудно сформировать современную этническую политику.

А была ли такая политика в нулевые годы? Эмиль Паин склоняется к тому, что у нас не было этнической политики в этот период. Я же считаю, что была – это политика деполитизации этничности. Она была начата в 1990-е годы, но реализовывалась в 2000-е годы, когда был отменен суверенитет республик, края и области были признаны субъектами федерации, ликвидированы Министерство по делам национальностей и федеративным отношениям и пост министра по делам национальностей, не говорилось об этнической принадлежности преступников и т.д.

Еще одной важнейшей задачей ученые является теоретическая разработка, утверждение и разъяснение смысла научных и политических терминов. Вот и на заседании президиума Госсовета неоднократно указывалось на необходимость внести в них ясность. Как отметил Василий Голубев, «прежде всего надо договориться о терминологии и прояснить основные подходы к реализации государственной национальной политики, какие идеи, объединяющие всех граждан, мы продвигаем»².

Обратите внимание, что даже в научной среде мы вынуждены использовать два понятия – «межэтнические отношения» и «межнациональные отношения». Именно вторая формулировка, доставшаяся нам с советских времен, употреблялась на заседании президиума Госсовета. Глава Дагестана Магомедсалам Магомедов заявил, что «в многонациональном регионе... важнее соблюдать

коллективные права, чем, может быть, индивидуальные права»³. Призывала дать ясный ответ, «что является главной стратегической целью проводимой в Российской Федерации национальной политики»⁴, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко. Фигурировало в ее выступлении и понятие «национальный вопрос». А ведь с губернатором работают известные социологи, ученые из Санкт-Петербургского университета! Видите, какая палитра терминов?! С научной точки зрения устаревших, однако до сих пор употребляющихся, в том числе и главами регионов.

И это только часть теоретических вопросов, на которые должны давать ответы прежде всего мы, ученые. Нельзя сказать, что об этом не писалось и не говорилось. Еще в конце 1980-х годов о российской нации заговорил Валерий Тишков, и мы его поддержали. Для социологов это было более всего приемлемым. У нас и раньше единицей наблюдения была этническая группа. Нация – надэтническая, в оптимальном варианте гражданская политическая общность. Вроде бы стали переучивать преподавателей в этой терминологии.

Я попыталась развести две трактовки понятия «российская нация» как национально-государственной и национально-гражданской общности⁵. Национально-государственная общность у нас практически сформировалась. По последним опросам – общероссийским (RLMZ) и международным (ESS), до 65% респондентов разделяют представление «мы – граждане России», а в районах с доминирующим русским населением и до 80%. Но гражданское сознание и тем более поведение еще только формируются. В этом отношении Эмиль Паин прав: нам еще надо дорасти до гражданской нации.

² [http://state.kremlin.ru/state_council/10312]

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: ИС РАН, 2006.

Однако, естественно, политики научных тонкостей не знают, да и сами ученые порой запутывают ситуацию. Так, Валерий Тишков уже после того, как и Владимир Путин, и Дмитрий Медведев в президентских посланиях Федеральному собранию (а это доктринальные документы) говорили о российской нации, ввел новую трактовку уже утвердившегося понятия: «Российская нация – это нация наций»⁶. Но если мы встанем на эту позицию и признаем, что кроме общей для России политической нации есть еще нации субъектов Федерации, то снова возвратимся к иерархическому принципу в представлениях о нации.

Сейчас по поручению Госсовета Министерство регионального развития готовит документ, в котором речь пойдет о согласовании понятий и терминов в законодательных документах. К этой работе привлечены ученые и представители общественности.

Путаница в терминологии чревата неверными практическими выводами. Например, в докладе, представленном на заседании президиума Госсовета в Уфе, были приведены данные опросов ВЦИОМ. В ходе их респондентам задавали вопрос: «Могли бы Вы сказать о себе: “Моя национальность – россиянин?”» Естественно, положительно на него ответили даже в Омске и Екатеринбурге лишь 51% опрошенных, а в республиках и того меньше. Потому что под национальностью имеют в виду этническую, а не гражданскую принадлежность. А вывод делается, что у нас ее мало, надо формировать! Но формировать-то надо не самоотнесение к российской нации, оно у доминирующего большинства есть, а гражданское сознание – ответственность за дела в стране, гражданскую солидарность, доверие, гордость за созданное нами самими, представление об ответственности государственных органов перед гражданами – одним словом, все то, что соответствует ценностям гражданского общества.

Теперь об оценке межэтнических и межнациональных отношений, если под ними имеем в виду отношения национальностей. В выступлениях президента Дмитрия Медведева и министра регионального развития Виктора Басаргина звучали предупреждения от «избыточного драматизма». Мы тоже считаем, что события на Манежной нельзя распространять на Россию в целом. Нельзя настроения радикализма переносить на все население.

Министерство регионального развития представило емкий отчет о многих запланированных мероприятиях. Мы в свою очередь как представители науки четко обозначили тот тренд, который видим в состоянии межнациональных отношений. Это прежде всего потребность людей в аффилиации и с гражданским обществом, и с этническим сообществом. Далее, готовность к экстремальным действиям. Число ответов типа «Все средства хороши для защиты интересов моей национальности» везде растет, и у русских даже заметнее. Это данные повторяющихся исследований. Кроме того, комплекс устойчивых представлений о враждебном окружении, раздражение по отношению к иммигрантам, неготовность адекватно оценить свое место в мире и в этнокультурном сообществе.

И наконец, мы фиксируем изменение тактики радикальных националистов. Практически они разделили два поля – внешнее и внутреннее. Во внешнем, публичном поле они взяли на себя функцию защиты социальных интересов людей, политического плюрализма, здоровья нации, борьбы с коррупцией. Обратите внимание на «русские пробежки», которые проходили в праздничные дни 23 февраля, 8 марта в Москве и других городах. Люди (10, 40, 100 человек и более) бежали с плакатами «Русские не бухают», «Здоровье нации». Второе поле – это действия скрытые. По данным центра «Сова», это не организации, которые могут быть выявлены и при-

⁶ [http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/rossiya_e1.html]

влечены к ответственности, а сетевое общество, которое открыто проявило себя на Манежной площади.

Перечисленные тенденции очень глубоко связаны с изменением социального пространства современной России. В литературе это было хорошо отражено в романе «Санька» Захара Прилепина. Там показано, как нарастает социальное недовольство людей, как оно трансформируется в политическое и как начинают работать новые методы. Сначала бьют дворников, а потом громят полицейские учреждения.

Дмитрий Медведев обозначил несколько направлений действий по укреплению межнационального согласия: сфера образования, СМИ, сбалансированная кадровая политика в регионах, культурное просвещение, создание координационного совета (сейчас решение вопросов в этой сфере осуществляется через 14 министерств). Кроме того, президент отметил, что Россия не может пойти по пути полного отказа от мультикультурализма, о чем заявил ряд его европейских коллег. В то же время не все понятно, кроме формирования российской нации, из того, что предлагается для выхода из той ситуации, которая вызывает у нас тревогу.

Мне, в частности, кажется позитивным, если мы будем различать два вида межэтнических взаимодействий: (а) исторически давно контактирующих национальностей, условно говоря, автохтонных культур, и (б) тех взаимодействий, которые связаны с миграционными процессами. Каждый из этих типов межэтнических взаимодействий требует особого подхода. Научное сообщество должно попытаться выработать эти подходы и предложить их обществу и власти в интересах как науки, так и политической практики.

Виктор Шнирельман⁷: В отношении того, что происходило в Уфе, я бы выделил два блока проблем. Первый блок

– анализ самих выступлений, второй – анализ той ситуации, о которой там говорилось. На первый взгляд, выступления казались солидными и убедительными, но при их внимательном изучении возникает масса вопросов. Ведь там звучали принципиально важные понятия, но не объяснялось, что за ними стоит и как их понимали сами выступавшие. В итоге осталось впечатление некоей недосказанности. Это касается прежде всего следующего: с одной стороны, подчеркивалась необходимость единства российской нации, а с другой – говорилось о сохранении культурного многообразия, этнических культур. И возникает вопрос: как это может сочетаться? Ведь все зависит от того, как понимается нация. В одном случае это не сочетается, в другом – вполне сочетается. Но о том, как понимать саму нацию, не говорил никто. Хотя из контекста видно, что, по меньшей мере, некоторые чиновники понимают нацию в культурно-историческом или даже в этническом смысле. Один из выступавших даже сказал: «Вот в советское время мы все были советской национальности». Национальность и этничность у нас отождествляются. А ведь это-то и вызвало негативную реакцию на планы строительства единой советской нации, которую и тогда понимали в культурно-историческом плане. Ряд выступлений в Уфе показывает, что некоторые люди до сих пор находятся под влиянием советских штампов и ничего другого сегодня предложить не могут. Единственное, чего они хотят, это вернуться к советской ситуации, причем очень своеобразно ее интерпретируя. Один из чиновников нам говорит: вот развалился Советский Союз, тогда-то и возникли этнические конфликты. А было-то ровно наоборот. После событий на Манежной площади нам тоже сказали: у нас был советский интернационализм, дружба народов, а сейчас мы имеем конфликт. Но это же явная идеализация того, что

⁷ Шнирельман Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

на деле происходило. Ведь в советское время, особенно в последние десятилетия, все загонялось вглубь и не обсуждалось, а анализ реальной ситуации был заменен, по меткому замечанию одного из руководителей, «засдравными тостами». И именно поэтому рано или поздно все должно было взорваться. Я не хочу сказать, что этнические проблемы были главным фактором, который привел к распаду СССР, но это был один из таких факторов.

Теперь о том, как понимать нацию. Начну с элементарных вещей. Есть два кардинально разных понимания нации. Первое – это социально-политическое гражданское единство. При этом все граждане данного государства входят в нацию по политическим основаниям, так как имеют равные права. Это неотделимо от демократии. В этом случае культурно-исторические критерии уходят на второй план. Рано или поздно культурно-историческое единство возникает, потому что в условиях модернизации нужны единые символы, единые коды, единый язык и со временем на определенном уровне происходит гомогенизация. Но из этого вовсе не следует, что единственно верным является французский путь, когда создается единая нация еще и в культурном, языковом смысле. Ведь есть и американский, и английский путь, и особенно канадский, причем все они допускают мультикультурализм, что вполне сочетается с демократией⁸. То есть демократия допускает самые разные варианты, но в ее основе лежит именно равноправие, единые социально-политические права.

А там, где нет единых прав, где законодательство плохо работает и где, тем не менее, хочется быть нацией, возникает вопрос об историко-культурном единстве. Но если мы понимаем нацию прежде всего в культурно-историческом плане, то тогда и встает серьезный вопрос соотношения нации с этническими группами. Тут-то и возникают неувязки

и становится непонятным, как можно сохранить поликультурность и поликонфессиональность. В этом случае мы будем иметь негативную реакцию, как в советские годы, и это уже происходит в отдельных республиках. Ведь там помнят о той советской общности, которая строилась на культурно-исторической основе, и не хотят быть единой российской нацией, полагая, что произойдет нивелировка культур и культуры и языки исчезнут. Священники, кстати, тоже против российской нации, потому что им нужна не российская, а русская нация, основанная на православии.

Вопрос о религии в Уфе не очень обсуждался, а ведь он непростой и взрывоопасный. Сейчас происходит клерикализация нашего общества. Потому что есть много проблем идеологии, духовной жизни и межэтнического, межконфессионального мира, где власть не может ничего предложить и поэтому легко отдает это церкви. А церковь с радостью это принимает, желая расширить сферу своего влияния. На мой взгляд, внедрение религиозного образования, которое сегодня идет, пусть под маркой основ религиозной культуры, – очень неоднозначная вещь. Правозащитники уже предупреждали, что это чревато конфликтами. Сейчас, когда первый год школьного эксперимента прошел, нас священники успокаивают: мол, смотрите, нет никаких конфликтов. Но, во-первых, результаты эксперимента еще всерьез не изучались, а во-вторых, так как речь идет о 4–5-х классах, мы будем ощущать результаты лет через 5–7. Ведь сегодня для многих русских православие все еще означает культурную идентичность, а не религиозность. То же самое относится и к мусульманам. Но религиозные организации хотят именно веры. А вера – это ценности, и любая религия считает себя единственно истинной. Поэтому, если общеобразовательная школа будет готовить учащихся к вере, то со временем

⁸ Я с сомнением отношусь к недавним заявлениям ряда европейских лидеров о крахе мультикультурализма. Достаточно отметить, что все эти лидеры связаны с консервативным крылом политического спектра.

у нас и произойдет сшибка ценностей, в особенности потому, что в наиболее популярной версии модный сегодня цивилизационный подход апеллирует к религии. В этих условиях те, кто сегодня поддерживает проникновение религии в светскую школу и способствует повышению роли религии в социальной и политической жизни, сознательно или неосознанно подготавливают «конфликт цивилизаций».

Есть еще одна проблема, вызывающая недоумение. Президент решил встречаться с экспертами по межнациональным, межконфессиональным вопросам. Но где же голос науки? Ни один из ученых в Уфе не выступал. Мало того, там говорилось о том, что нам нужен мониторинг, которого якобы нет. Но Институт этнологии и антропологии РАН уже почти 20 лет занимается мониторингом ситуации в разных регионах России и в СНГ. Если чиновников это не удовлетворяет, они могли бы обсудить это со специалистами. Они не могут не знать о материалах мониторинга, так как те исправно поступают во властные структуры. В чем же дело? Когда-то в Хиве я видел массу минаретов, но среди них не было ни одного, достроенного до конца. Каждый хан, придя к власти, начинал строить свой минарет, но умирал раньше, чем строительство заканчивалось. А следующему хану не было дела до того, чем занимался его предшественник. Ему нужно было увековечить себя, и он начинал строить свой собственный минарет. А вот в Европе готические соборы строились столетиями, кто бы ни приходил к власти. Какая из отмеченных моделей ближе к нашей реальности, решать читателю. У нас имеется единственный фонд для гуманитарных наук – РГНФ. Недавно ему в два раза срезали бюджет. В то же время полевые этнографические исследования в регионах России получают минимальное финансирование, тогда как на изучение стран СНГ или других зарубежных стран дается несопоставимо больше

средств. Создается впечатление, что наша власть не хочет знать того, что делается в стране. На изучение этнических процессов у нее денег нет. Как в таких условиях можно даже ставить вопрос о гармонизации межэтнических отношений? Похоже, для власти наука – это просто красивая подвязка, которую можно надеть на каких-то международных форумах, а потом без сожаления выбросить. Власть даже не знает, что с этой подвязкой делать. При этом говорится о необходимости мониторинга, которым, очевидно, будут заниматься отнюдь не специалисты, а какие-то другие люди. Но мне представляется, что без привлечения специалистов никакой модернизации у нас не произойдет. Нельзя говорить о модернизации и при этом держать науку на голодном пайке.

Эмиль Паин⁹: Если говорить об идеале межэтнических отношений, то он вроде бы понятен. Это такая ситуация, при которой представители разных народов живут в одной стране и, по крайней мере, мирно сосуществуют, а еще лучше – сотрудничают друг с другом. Но этот бытовой идеал позитивных межэтнических отношений почему-то нереализуем. Если нечто, казалось бы, очевидное не осуществляется, то у этой проблемы всегда есть три причины, которые можно обозначить так: «не знаю», «не хочу», «не могу». Причем незнание, то есть недостаток некоего научного знания и другой информации, не является центральной причиной возникновения проблем в межэтнической сфере. Куда сильнее фактор «не хочу», т.е. фактор неодинаковой заинтересованности в создании национального сообщества в России у разных политических сил и различные же до противоположности образы этого единства. Вот Виктор Шнирельман сетовал, что на науку политики не обращают внимания. Это правда, но ведь и наука властям единого рецепта не предоставит, потому что

⁹ Паин Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ.

нет единой науки. Научное сообщество тоже расколото. В нем существует множество течений, соответствующих настроениям и идеалам разных политических сил России. Все еще популярна (в том числе и в научной среде) имперская идея в разных вариантах – от удержания любыми способами существующего полиэтнического пространства до имперской экспансии и создания Русской империи от Владивостока до Лиссабона. Растет число приверженцев у националистического проекта доминирования одной этнической группы, главенствующий статус которой должен быть закреплён законодательно. Эта идея отражена, например, в «Русской доктрине», и если вы рассмотрите заявления многих политических деятелей, том числе и тех, которые выступали на отмеченном Леокадией Дробижевой заседании президиума Государственного совета, то они руководствуются именно этой доктриной – доктриной иерархического общества. Далее, существует теоретическая модель российской гражданской нации, но и она по-разному понимается разными исследователями. Если взять Валерия Тишкова, то у него эвристикальное представление о нации, и он говорит о том, что всякое государство, в том числе и империя, – это и есть нация. Государство и нация – это одно и то же. А я, например, придерживаюсь иной позиции и полагаю, что ни в патриархальных обществах, ни в обществах подданных не может быть гражданской нации. Потому что нация требует повседневного плебисцита. А если его нет, то будет существовать внешне единое государство, расколото внутренне на множество общин, сосуществующих под воздействием внешнего принуждения, но не имеющих единых целей сотрудничества или даже ненавидящих друг друга.

Кто же будет слушать ученых, которые даже между собой не могут договориться? В связи с этим не приходится удивляться малой компетентности людей, которые готовили Госсовет. Президент Медведев заявил на нем, что

высказывания его коллег из Европы по поводу мультикультурализма (как он сказал, «новомодные лозунги») неприменимы для России. На мой взгляд, это типичный «эффект Журдена», который не знал, что тоже говорит прозой. Дело в том, что наш президент сам неоднократно критиковал те же стороны мультикультурализма, что и его европейские коллеги. Особенно часто он это делал при характеристике ситуации на Северном Кавказе, где мультикультурная дезинтеграция чрезвычайно ярко проявляется в клановости, этническом сепаратизме и религиозном радикализме. Ни Ангела Меркель, ни Дэвид Кэмерон, ни Николя Саркози не говорили о том, что современный мир перестанет быть культурно многообразным. Никто из них не отрицал того, что каждая из их стран не только христианская, но и мусульманская. Они говорили только о том, что жить в одной стране и ненавидеть друг друга – это провал политики мультикультурализма. Они выступали против общинного представления о мультикультурализме.

Российская версия политики поощрения общинного мультикультурализма древнее и намного сложнее по своим последствиям, чем европейская. Мультикультурализм как форма поощрения групповой, общинной идентичности был неотъемлемой частью сталинской политики создания национальных республик (союзных и автономных), а также национальных округов и областей. Однако в советское время дезинтеграционные последствия такой политики частично снималась имитационным характером всей системы автономий, за фасадом которой скрывалось единое территориально-партийное управление. Проблема обострилась в постсоветское время, когда местные элиты попытались наполнить реальным содержанием формальный и мнимый суверенитет своих республик.

Целое десятилетие (1990-е годы) прошло под знаком мобилизации населения так называемых «титულных национальностей» в республиках России,

поднимаемых местными элитами на борьбу за республиканский суверенитет. В ряде случаев такая мобилизация приводила к открытым вооруженным столкновениям больших групп населения с федеральной властью, как это было в Чеченской Республике. В первом десятилетии 2000-х годов ситуация изменилась, ее фокусом стали другие проблемы, а именно: отторжение иноэтнических мигрантов принимающим сообществом, прежде всего жителями крупнейших городов России.

Эта проблема породила столкновения между разными группами населения, вроде того, которое произошло в Кондопоге (2006). Вместе с тем этнополитическая ситуация в России 2000-х годов стала в большей мере похожей на проблематику стран «глобального Севера». Такое сходство, казалось бы, позволяет России в большей мере использовать зарубежные концепции и практики культурной, миграционной и этнической политики. Однако в реальности возможность прямой имплементации позитивных концепций и практик весьма ограничена.

Проблема объекта политики. На Западе ксенофобия принимающих сообществ направлена в основном на иммигрантов, т.е. иностранных граждан, прибывших в данную страну из-за рубежа. В России же основным объектом ксенофобии выступают не столько иммигранты, сколько внутренние мигранты, граждане Российской Федерации, жители республик Северного Кавказа. Уже одно это показывает, что применяемая на Западе политика ослабления миграционных проблем за счет ограничений въезда иностранных граждан и изменений условий предоставления им гражданства или вида на жительство не может быть использована в качестве инструмента решения российских проблем межэтнической и религиозной напряженности.

Проблема разобщенности миграционной и этнической политики. В странах ЕС законодательство и политические практики в сфере регулирования миг-

рации, защиты прав человека и обеспечения прав национальных меньшинств взаимосвязаны как институционально (входят в единый блок управления), так и идеологически (опираются на единые ценности прав человека). В России же не только нет единого идеологического основания для интеграционной политики, но и само управление, как и законодательные практики, разорвано. Так, миграционная политика в 2000-х годах претерпела изменения. Этническая же («национальная») политика России застыла в том положении, в каком она сформировалась в 1990-е годы. Концепция государственной национальной политики, принятая в 1996 году, не пересматривается. В 2000–2010 годах законодательная активность Государственной думы в сфере этнической политики была парализована, а министерство, которое под разными названиями в 1990-е годы отвечало за проведение такой политики, было ликвидировано.

Проблема фундаментальных особенностей функционирования государственной власти. На Западе основные новации в сфере этнической и миграционной политики формируются политическими партиями и институтами гражданского общества, проходят общественное обсуждение, затем принимаются и кодифицируются законодательной властью, становясь нормой для власти исполнительной. В России же принципиально иной способ формирования политики во всех сферах жизни. Ее принципы и нормы формулируются исполнительной властью и затем одобряются партиями, представленными в Федеральном собрании. При таком способе функционирования политики участие экспертного сообщества и широкой общественности в ее выработке и реализации весьма ограничено, а возможность принятия контрпродуктивных политических решений, напротив, чрезвычайно велика. Кроме того, партии, отчужденные от реального участия в формировании политики и не обремененные ответственностью за ее проведение, склонны к популизму. Не случайно

практически все партии, представленные в российском парламенте, эксплуатируют этнофобии и мигрантофобии, тогда как в крупнейших странах ЕС такие партии либо вовсе не представлены в парламенте (как в Германии и в Великобритании), либо находятся там в меньшинстве, как во Франции. Россия – в числе европейских лидеров и по уровню массовой мигрантофобии, хотя и не опережает по этому признаку такие страны ЕС, как Венгрия, Латвия, Греция и Португалия.

В странах ЕС основным механизмом реализации этнокультурной и миграционной политики выступает взаимодействие органов исполнительной власти с институтами гражданского общества. Такое взаимодействие делает участие граждан в политике непрерывным, не ограниченным только временем очередных выборов. В России же институты гражданского общества крайне слабы. Более того, наша страна, судя по материалам международных исследований, выделяется среди 28 стран Европы самым низким уровнем ценности гражданской солидарности и взаимного («горизонтального») доверия. При этом подстегнуть процесс гражданской интеграции одними лишь информационными манипуляциями по развитию «общероссийского патриотизма» не удастся. Все это делает маловероятным активизацию процесса гражданской интеграции в нашей стране в ближайшие годы. И все же я верю, что рано или поздно произойдет поворот российского общества в эту сторону. Важную роль в таком повороте может сыграть и публичное обсуждение проблем этнической политики, и в этом смысле я считаю полезным наше с вами собрание.

Юрик Арутюнян¹⁰: Мне представляется очевидным, и это мнение, по-видимому, многими разделяется, что при решении национально-этнических

проблем должен быть безусловен приоритет общих гражданских интересов. Такой подход может внести существенные поправки в нашу государственную национальную политику. Неизбежно встанет вопрос, нужно ли вообще расходовать энергию, использовать государственный потенциал и весьма значительные общегосударственные средства для «уступок этничности» и компромиссных решений «этногосударственных» проблем, в особенности на Северном Кавказе. Ведь реализация сугубо этнических интересов во всех случаях не самоцель. Утверждению интегрального полиэтнического самосознания должны быть подчинены все стороны этнонациональной политики государства без каких-либо этнических исключений. Только в таком случае возможно здоровое развитие многонационального общества.

Ирина Семененко¹¹: Я хотела бы поддержать этот тезис. Мне представляется, что надо выступать не столько с концепцией политики в сфере межнациональных отношений, сколько с концепцией политики в сфере формирования гражданской идентичности и гражданской нации, где этническая составляющая будет очень важной, но не самодовлеющей частью. Само название заседания президиума Госсовета «О мерах по укреплению межнационального согласия» исходит из презумпции, что у нас в России есть нации, между ними нет согласия и нужно искать его. Между тем стоит в первую очередь ставить вопрос и искать решение проблемы достижения национального согласия в российском обществе. Потому что национальное согласие предполагает, в том числе, и социальное согласие вокруг общих ценностей, и поддержание определенного уровня доверия в обществе, и взаимодействие и диалог между этническими общностями. Оно пред-

¹⁰ Арутюнян Юрик Вартанович – член-корреспондент РАН, советник РАН.

¹¹ Семененко Ирина Станиславовна – доктор политических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором прикладных социально-политических исследований ИМЭМО РАН.

полагает движение в сторону гражданского мира, поиска общих ориентиров развития. Этнонациональная политика – это интегральная часть политики формирования национального согласия в обществе.

Второй вопрос: говоря о том, что мы строим национальное государство, надо иметь в виду, что в период жизни первого постсоветского поколения само видение национального государства и понимание национального сильно изменилось. «Национальное государство» – это калька с опыта Европы эпохи модерна, но сама Европа ушла в сторону от того национального государства, которое описано классиками политической мысли. Могу напомнить идеи Бенедикта Андерсона, он говорил о «креольском» национализме – продукте имперской экспансии национальных государств, об официальном национализме, о лингвистическом национализме и о новом, четвертом типе – дистанционном национализме, в частности о диаспоральном национализме, национализме поверх границ современного государства. Государственная политика мультикультурализма подвергнута в Европе жесткой критике, застрельщиками которой выступили лидеры ведущих европейских стран. Эта политика привела к созданию инокультурных сообществ, многие члены которых вообще не включены в социальную жизнь сообщества принимающего. И сейчас встал вопрос о поиске новых путей интеграции иммигрантов, причем не только вновь прибывающих, но их потомков – уже полноправных граждан, детей и даже внуков мигрантов. В качестве инструмента государство предлагает различные меры взаимодействия на уровне местных сообществ, в том числе между религиозными общинами, развитие волонтерской работы, практик общих дел. Кроме того, речь идет о развитии диалога культур, разработке эффективных механизмов на уровне Евросоюза и на национальном, региональном, местном уровнях. Но это кропотливая и постоянная, повседневная работа.

Как это соотносится со строительством гражданской нации? Само понятие гражданской нации изменилось, и если мы строим российскую гражданскую нацию, то мы должны определиться с тем, какое содержание вкладываем в это понятие. Гражданская идентичность как основание гражданской нации предполагает отождествление граждан с представлениями, ассоциирующимися с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и к государству. Она вбирает гражданское самосознание, гражданскую ответственность и гражданскую активность. Современное нациестроительство опирается, как показывает опыт молодых динамично развивающихся стран (таких как Сингапур последних десятилетий XX века), на поступательное экономическое развитие. В этом направлении работает сегодня и государство в Казахстане. Но в обоих этих случаях лояльность власти становится стержнем государственной политики, которая строится на патерналистских основаниях. Практики жесткого регулирования рано или поздно начинают расходиться со сдвигами, происходящими в массовом сознании. Потому что гражданская идентичность не может не опираться на политическое и неполитическое участие граждан, и следующим шагом в процессе нациестроительства должны стать меры по демократизации политических институтов.

Для России само наполнение понятия «российского» объединяющими граждан смыслами – приоритетная для научного и, шире, интеллектуального сообщества задача. В современном политическом дискурсе фундаментом российской идентичности называется «российская культура». Под этим понятием по умолчанию понимается сегодня культура русская как создаваемая художниками, позиционирующими себя в русском культурном поле (пишущими на русском языке и соотносящими себя с русской культурной традицией), а также интегрировавшимися в него в

процессе формирования общего культурного пространства представителями традиционной культуры регионов компактного проживания других (неславянских) народов. «Российское» ассоциируется с территорией и государством, но содержательно определяется через наличие общего культурного пространства России. И здесь эмоциональный вектор восприятия зависит от характера конкретного, на каждом данном этапе самоидентификации, наполнения культурного поля. Насущное для формирования национальной идентичности направление такой работы – «встреча» религиозного и светского духовного опыта, так и не состоявшаяся в России в канун социальных потрясений начала XX века.

Что может и должно работать на социальную консолидацию российского общества? У нас немалый и плодотворный исторический опыт взаимодействия православия и ислама. Я не согласна с тем, что привлечение конфессий и религиозное сознание не работают на социальное согласие. Нужно искать пути взаимодействия на всех уровнях, но начинать с уровня приходов, общин. Англичане пытаются делать это, у нас в некоторых регионах (скажем, в Татарстане) примеры такой работы тоже есть.

В частности, речь идет о налаживании диалога между этническими диаспорами. Могу привести конкретный пример такой потребности. Недалеко от метро «Новослободская» есть армянский культурный центр, но там даже вывески нет, и население не знает, что там происходит. И, например, приход представителя диаспоры в школу и рассказ о том, что делает диаспора, культурный центр которой находится на прилегающей территории, – это очень важная работа, хотя и не слишком заметная. Чрезвычайно полезна и волонтерская деятельность разного уровня. В Великобритании сейчас вводится обязательное социальное волонтерство для 16-летних – несколько месяцев социальной работы до получения аттестата об окончании средней школы. Над вов-

лечением молодежи в такого рода инициативы нам тоже надо думать.

Очень важны школьные учебники, знаю о проблеме не понаслышке, потому что пишу учебники для 11-го класса средней школы и пособия для учителей, разделы по истории культуры и общества. Труднее всего писать об этнонациональных отношениях, не сводя проблему к описанию культурного вклада представителей тех или иных народов и фольклорных традиций. Можно подумать над подходом, который интегрировал бы историю макрорегионов нашей страны. История Урала, например, или история Дальнего Востока будут кросскультурными.

Насущный вопрос – внедрение элементов этнических культур и этнокультурных традиций в нашу культуру повседневности. Некоторые народы, татары например, поддерживают и развивают свои традиции, и они очень заметны в повседневной жизни. Это характерно для мусульманского ареала: исламская религиозная традиция органично вбирает бытовую культуру. У других же народов России такие традиции присутствуют в основном или почти исключительно в виде фольклора. А сам запрос на современные формы репрезентации этнокультурной традиции, как и понимание «современного», формируется заметно медленнее, чем идут процессы утверждения этноконфессиональной идентичности. Это может привести к появлению закрытых сообществ в российском варианте.

Поэтому тем более важной составляющей процесса утверждения согласия в обществе является выстраивание общего культурного пространства. Его формирование не может идти вокруг американского масскульта. Французы, например, давно и серьезно озабочены этой проблемой, а у нас нет целеориентированной культурной политики. На культуру расходуется, по данным конца нынешнего десятилетия, уже менее 1% бюджета. Понятно, что дело не только в расходах, хотя это очень серьезная часть проблемы. Дело в значимости культуры

в системе ценностей общества и государства. Если нет общих культурных символов, их надо формировать.

В заключение: политика идентичности в национальных государствах сегодня по сути дела заменяет идеологию, и нам надо думать над ее целеполаганием и инструментами. А политика идентичности – это в том числе политика создания гражданской нации. Это формирование такой идентичности, которая ориентирована на развитие, объединение вокруг понимания того, что Россия – страна больших возможностей, и государство может способствовать тому, чтобы открыть эти возможности для своих граждан.

Владимир Мукомель¹²: Не думаю, что стоит углубляться в тексты, которые мы имеем по результатам заседания президиума Госсовета. Мы знаем о том, как они готовились. Важнее не сказанное, а сделанное. Принятые решения меня не особо воодушевляют.

Важнее другое. Для всех нас очевидно, что существует причинно-следственная связь между Госсоветом и событиями на Манежке, носившими не только и не столько межэтнический характер. Здесь уже говорилось о том, чем отличается гражданское общество от негражданского. Тем, что есть граждане, персонифицированные права и персонифицированная ответственность. Нынешней власти, конечно, проще иметь дело с коллективной ответственностью. Проще найти РПЦ, главного раввина. С исламом посложнее будет.

Еще один момент. Мы живем в пространстве идентичностей. Для большинства из нас этническая идентичность – предмет анализа, исследования. Вряд ли кто-нибудь встает с утра с мыслью о том, что сделал за вчерашний день для своей этнической группы. Но власти легче иметь дело с одной идентичностью. И если это не гражданская, то лег-

че выбрать именно этническую. Потому что это наиболее консенсусная идентичность. Очень важна работа с массмедиа, просвещение, но еще важнее уходить от этнического дискурса, который, бывает, навязывается и властью. (А события на Манежной площади подавались именно в этом ключе.)

Здесь уже говорилось о том, что необходимо реализовывать вещи, которые не связаны напрямую с межнациональными отношениями. К сожалению, для того чтобы вырастить настоящих граждан с персональной ответственностью и множественной идентичностью, нам нужно заниматься не только государственной национальной политикой, но и реформацией всех социальных институтов: коммуникационной, образовательной, правоохранительной и судебной систем. И окажется, что все упирается в этот потолок – необходимость институциональных преобразований.

Мария Мчедлова¹³: Я очень внимательно прочитала материалы президиума Госсовета. Прежде всего хотелось отметить, что, несмотря на наличие в них противоречивых суждений, высказываний с различных позиций, рассмотрение проблематики в конкретных ракурсах, большим достижением верховной власти и современного политического класса можно считать саму постановку вопроса о политике обеспечения межнационального согласия. Существование данной проблемы признали, проартикулировали и не побоялись это сделать в преддверии электорального цикла. Второй момент. Налицо необходимость концепции, регулирующей межэтнические, межконфессиональные отношения, однако формироваться она должна на основе ясно очерченной цели, которая позволит преодолеть контурную неопределенность. Противоречия могут возникнуть в методах достижения данной цели, поэтому акцент

¹² *Мукомель Владимир Изявич* – доктор социологических наук, заведующий сектором изучения ксенофобий и миграционных процессов Института социологии РАН.

¹³ *Мчедлова Мария Мирановна* – кандидат философских наук, доцент РУДН, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Института социологии РАН.

необходимо сделать на двух аспектах, нашедших отражение и в рассматриваемых документах, и в сегодняшней дискуссии. В данном контексте основным представляется вопрос, поставленный в кантовской форме: как возможно соотношение российского исторического опыта, который являет нам много хорошего, и современных тенденций.

Исторический опыт показывает, что западные модели политического оформления этнокультурного разнообразия не всегда могут быть эффективно использованы в российских условиях, имевших иной вектор развития публичной политики, чем европейский, основывавшийся на принципе «каждой нации – свое государство». Политическая практика государственного мультикультурализма явилась следствием того, что Европа была вынуждена рациональными методами искать способы сосуществования различных этноконфессиональных традиций в современных условиях. (Здесь хотелось бы избежать спора о понятиях, хотя очевидно, что они не всегда правильно употребляются, из-за этого возникает смысловая путаница и, как следствие, неэффективность политических практик.) Современные вкрапления инокультурных исламских анклавов вынуждают Ангелу Меркель заявлять, что ислам – это часть Германии, то есть институционализировать его присутствие в немецком культурно-политическом поле. В России же вопрос о сосуществовании этнокультурных и этноконфессиональных общностей носит другой характер, во многом определяемый выработанными механизмами сосуществования различных этнических и конфессиональных идентичностей, их взаимопроникновением. Так, в России мусульмане составляют 14% населения, причем они проживают на своих исконных территориях, т.е. не являются пришлыми группами, а составляют часть исторического и политического российского поля. Более того, сложно элиминировать из культурного пространства и вклад иных религиозных или этнических традиций.

Проблемы, составляющие каркас обществоведческих дискуссий по рассматриваемой проблематике за рубежом, свидетельствуют, что наш исторический опыт во многом более эффективен и подготовлен для сохранения малых культур. Особенно сейчас, когда европейская политика мультикультурализма или межкультурного диалога направлена на поддержание остатков малых этносов, которые заявляют о своем языковом, этническом суверенитете вплоть до артикуляции проблемы сепарации, легитимация которой происходит этническими интенциями. Вектор развития публичной политики в России шел несколько иным путем. Пусть он был имперским, но надо признать его уникальность как исторического опыта. То, о чем сегодня говорят представители разных церквей – о соратничестве и военном братстве, – выступает маркерами общего способа бытия, проникавшего в социальную ткань и в общественную жизнь.

Очень важным представляется вопрос об объединительных символах, скрепляющих российскую общность. В исследованиях, проводимых нашим центром, подобный вопрос задавался людям, принадлежащим к различным религиозным традициям. Оказывается, что главными объединительными моментами выступают русская литература, русская военная история, достижения советского периода, культура советского периода. Идентичность не может быть направлена только в прошлое, она должна быть направлена и в будущее. Если мы не отражаемся в зеркале будущего, сложно говорить о настоящем. Однако почему бы сейчас, когда Россия в сложной ситуации поиска общей идентичности, не обратила внимание на позитивные символы из истории и на позитивные политические практики, которые могут нас объединять? Это один момент, который касается исторического опыта. Но как его сочленишь с современными трендами? Ведь дискурс этнокультурной проблематики, вплетающейся в политику, яв-

ляется следствием не только сложных перипетий, которые пережила история советского периода или 1990-х и 2000-х годов. Это связано и с тем, что в политике социокультурная доминанта возвращается как онтологическое основание и уже этнокультурные различия становятся легитимацией определенных политических практик. Юрген Хабермас пишет о том, что политическое становится политическим путем приписывания ему религиозных значений, а бы добавила – и этнических значений. Поэтому элиминация этнической проблематики из осмысления происходящих политических процессов невозможна. Актуальным становится вопрос: каким образом вписать этнокультурный фактор в политические практики, как из проблемного ресурса превратить его в фактор, стабилизирующий социально-политическую систему.

В сегодняшней дискуссии речь шла о построении гражданской нации, о формировании нации вследствие политической реструктуризации социального бытия, в связи с чем можно вспомнить слова Мераба Мамардашвили: «Нация – продукт работы конституции в теле этноса». К сожалению, отсутствие в российском обществе устойчивых и действенных форм политической и гражданской солидарности в комплексе с очень низким уровнем межличностного доверия являются серьезным препятствием для выстраивания гражданской идентичности.

Важным представляется вопрос о задействовании в этом отношении религиозного ресурса. Не использовать его сейчас было бы не очень правильно, другое дело – в каких формах это делать. Остановлюсь на двух практических моментах. Первый момент. В «Белой книге» Совета Европы, институционализирующей стратегию межкультурного диалога, есть раздел «Боги в городе», в котором предложена система практических мер по задействию религиозного факто-

ра в повседневной жизни, на локальном уровне. Поскольку политика достижения межнационального согласия должна исходить из современных условий, во многом возникающих под влиянием миграционных процессов, то использование подобных технологий позволило бы смягчить напряженность, возникающую из-за «диаспоральных» вкраплений. Второй момент, на который стоит обратить пристальное внимание, – проблема социального служения церквей. Огромное количество социальных проблем зачастую решается только на уровне и с помощью приходов, джамаатов, общин. Особенно это заметно в глубинке. В данном контексте религиозные организации выступают в качестве действенного института гражданского общества, во многом выполняя функцию социальной консолидации.

Именно соединение конструктивного потенциала российского исторического опыта и адекватных ответов на современные вызовы представляется возможной базой для формирования эффективной политики в сфере межэтнических отношений.

Игорь Кузнецов¹⁴: Здесь наметились два подхода к анализу сложившейся ситуации. Первый – насколько реальность соответствует идеальным политологическим конструктам, и если не соответствует (а она никогда не будет соответствовать по определению идеального теоретического объекта), то такой конструкт должен быть «вживлен» как некий чип (и, как правило, сверху). В этом плане можно бесконечно говорить о желательности, но перманентном отсутствии и идеального гражданского общества, и идеального мультикультурализма и толерантности, и столь же идеальной российской идентичности.

Второй подход (у выступавших нередко мной) состоит в том, чтобы найти аналоги таких конструктов в текущей или исторической данности, возвра-

¹⁴ Кузнецов Игорь Михайлович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела этнической социологии Института социологии РАН.

вать их, и они в конце концов дадут не искусственные, а соответствующие внутренней логике развития России и, следовательно, жизнеспособные, не навязанные сверху, практики взаимодействия в рамках и гражданского общества, и мультикультурного пространства, и т.п. Мне этот подход ближе как прикладнику. Есть ли с этой точки зрения аналог мультикультурности в российской культурной матрице? Его просто не может не быть, учитывая то, что Россия изначально сформировалась как полиэтничное государство. Принцип такого исторически сложившегося мультикультурализма я бы обозначил как «территориально-культурный суверенитет», на практике реализуемый в предписании: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Это древний имперский принцип: «В Риме живи как римлянин». Он не становится хуже оттого, что в последнее время само это прилагательное – «имперский» – утратило свое инструментальное содержание и превратилось в политологических дискурсах просто в какое-то позорное клеймо. Наличие такого принципа, его достаточная распространенность подтверждается данными наших исследований 90-х годов (под руководством Леокадии Дробизевой). А та ситуация, которую мы имеем сейчас, – во многом результат чуть ли не фанатичного и столь же некритичного продвижения в российское сознание принципа мультикультурализма, альтернативного указанному российскому, сконструированного в Европе и для европейской культурной матрицы (т.е. изначально моноэтнических государств, практиковавших исторически до недавнего времени одну модель интеграции – ассимиляционную). И результат здесь тот же, что и недавно озвученный практически всеми лидерами европейских стран.

Исследования последних лет, проведенные по независимым методикам в разных регионах России разными исследователями, показали: провозглашаемое (и подкрепляемое административными мерами) право на экстеррито-

риальную реализацию традиционных этнических стандартов повседневной жизни и поведения привело к политизации этнокультурных стандартов, когда ориентация на традиции в повседневной жизни, в воспитании детей вырождается в ориентацию на приоритет консолидации по этническому (или конфессиональному) признаку. Значимым становится не следование традиции, а лояльность «своей» группе, а традиция (не важно – этническая или вероисповедальная) вырождается в ритуализированный маркер принадлежности к «своим» и никакой другой ценности не содержит. Говоря коротко, этнические традиции образа жизни, дресс-кода, верований и проч. превращаются из руководства к «правильной» повседневной жизни в некий символический капитал, конвертируемый в успешную карьеру, материальное благополучие, безопасность, безнаказанность и т.п. При этом лояльность «своей» группе становится в этом смысле нередко более «капиталоемкой», чем лояльность государству и его основным институтам. Возьму на себя смелость предположить, что это на сегодняшний день наиболее распространенный сценарий модернизации классических этнических систем как в Европе, так и в России. Но самый тревожный симптом, зафиксированный в данных количественных исследований, – это то, что доминантное население России – русские – становится такой же этнической группой, которая помимо всего прочего начинает себя осознавать этническим меньшинством и, соответственно, реализовывать сценарии поведения меньшинств. Это может иметь неблагоприятные последствия для целостности России и ее будущего как государства. Представьте себе, что случится, если слон в посудной лавке вдруг осознает себя мышью и поведет себя там как мышь. Что останется от этой лавки?

Русские, на мой взгляд, – сложившаяся в полиэтничном пространстве форма государственно-территориальной принадлежности (по-видимому, на-

ибо более древняя), функционирующая по этнической модели, поскольку других образцов моделирования новой формы самосознания в то время и на том пространстве просто не было. Такое моделирование вполне естественно и логично: вспомните, первый автомобиль был похож на карету, только без лошадей. И здесь то же самое: гражданская идентичность, скорее похожая на этническую, только без кровнородственной основы и без места рождения (этнической территории), но переживаемая именно как кровнородственная и имеющая свой «родовой дом» (территорию) в границах государства. При этом в отличие от «классических» этнических систем открытая для интеграции представителей другой этнической принадлежности. Не потому ли именно русские (наравне с русскими иного этнического происхождения) так остро переживали утрату территорий, в общественном сознании воспринимавшихся как «русские»?

На мой взгляд, эта концепция «русскости» может быть доведена до уровня измеримых переменных и доказана экспериментально посредством количественных исследований. Более того, в этом историческом феномене путем мониторинговых исследований можно определить благоприятные условия роста новой (а по сути традиционной) «русской идентичности», которая сможет обеспечивать в будущем беспрецедентную (на социально-психологическом уровне) интегрированность, пространственную и временную устойчивость полиэтничной России, поскольку будет переживаться как принадлежность примордиальная, но в то же время культивируемая. В отличие от европейской модели, где гражданская принадлежность – лишь внешний маркер, выгодный при определенных условиях и обстоятельствах, но при изменении этих обстоятельств могущий быть замененным на иной, более выгодный. Другое дело, что вряд ли эта гражданская идентичность, изначально обозначавшаяся как «русская», может, в силу более чем столе-

тия культивирования из русских «народа» европейского образца, позиционироваться как «русская» и дальше. Ее замещение на новый брэнд – «российскую идентичность» – большая и долгосрочная проблема. Главное, что с чистого листа такая идентичность выстроена быть не может, так может быть выстроена искусственная, без фундамента, политическая постройка, которая легко унесется каким-либо новым ветром перемен.

На что же здесь можно опереться в текущих процессах? Сейчас заметен в основном среди молодежи, причем не только русской, очень большой интерес к этнонациональному осознанию самих себя в позитивном, конструктивном плане, без групповой агрессии, т.е. востребован позитивный этнонациональный дискурс. Эта общественная потребность обусловлена резко возросшим этнокультурным и конфессиональным многообразием ранее относительно гомогенных локальных сред. Удовлетворение этой потребности и является почвой для взращивания гражданской идентичности, функционирующей и воспринимаемой как этническая и при этом единственная основательно «капитализированная» идентичность. Очевидно, здесь альтернативой ни в коем случае не может служить дискурс «интернационализма» и «толерантности». Это все равно что жаждущего кормить селедкой – жажда только усилится. Тем более что для феномена «русскости» как протогражданской идентичности, исторически сложившейся в полиэтничном сообществе (а не на пространстве, «колонизированном» русскими неизвестного рода-племени), дискурс интернационализма и толерантности является имманентным настолько, что и не обозначается особо, а логически следует как нечто само собой разумеющееся.

Если эту потребность не удовлетворим мы в том концептуальном тренде «русскости» и «российскости», который я изложил выше, то желающие ее удовлетворить в своих интересах всегда

найдутся, и они уже активно используют нашу неповоротливость.

Иван Сухов¹⁵: На заседании в Уфе артикулированы важные и полезные вещи, и проговаривать их надо. Но мне кажется, что дальше этих констатаций дело, к сожалению, не идет. Очень часто тема этнонациональных отношений в России сводится к обсуждению деликатно написанных бумаг, в которых содержатся ничего не значащие фразы: мол, нужно избегать оскорбительных наименований. Эти бумаги составляются на круглых столах в зданиях, где сидят люди, совершенно не представляющие себе, что происходит за окном. Меня удивляет, когда говорят о том, что Манежная площадь была антикоррупционным мероприятием. По-моему, это был этнический ответ на этническую преступность. Не нужно искать политических провокаций и заговорщических объяснений тому, что там произошло. Считаю, что рост самосознания русских как этнической группы и даже в некоторых случаях как этнического меньшинства – это ответ на то, что происходит с другими этническими группами, и на то, что нет возможности для капитализации гражданственности. Для того, что Юрий Вартанович Арутюнян назвал интегральным сознанием. Эти вещи на 20 лет выпали из общественного пространства. Этнические русские сохраняли по инерции какие-то механизмы самоидентификации, связанные с этим интегральным сознанием. Механизмы были основаны главным образом на том, что русские доверяли государству, видели в нем свою главную общественную организацию. Но через 20 лет многим из них становится ясно, что они доверяли пустоте. Поэтому они бросаются в этническую идентичность, которая часто принимает агрессивные формы, и кажется, что чем дальше, тем больше их будет принимать.

Далее, я думаю, что для того, чтобы нащупать какие-то пути для стабилизации и гражданского мира, очень важно не злоупотреблять политкорректными «погремушками». И ученые, и правозащитники пытались приучить и нас, журналистов, и милиционеров, и отчасти политиков не употреблять этнонимов в сообщениях о преступлениях. А оказалось на выходе, когда мы к этому приучились, что люди воспринимают это как попытку властей и СМИ прикрыть этническую преступность. Вместо корректности и примирения возникает недоверие и поле для агрессии.

И последнее замечание. При всех правильных констатациях, которые были на уфимском Госсовете сделаны, есть некий момент очень серьезного запаздывания. Потому что, например, в Дагестане ситуация сильно изменилась за последние 1,5–2 года. У людей моложе 20–25 лет (условно говоря, тех, кто родился после распада СССР) не осталось уже даже «хвостов» интегрального сознания. У них нет никакого общего языка с теми, кому сейчас 35–40 лет. Где-то еще удается их «ухватить», как это пытаются делать власти Чеченской Республики. Там этническая традиция замещается предельно упрощенным ощущением общности: вы – чеченцы, и это самое главное, вся ваша традиция к этому сведена. Но Чечня, пожалуй, единственное место на Северном Кавказе, где пытаются работать с молодежью на уровне школ. В остальных регионах, и, кажется, не только на Кавказе, это просто ушло. По моим наблюдениям, на Кавказе люди моложе 20–25 лет не интересуются категориями этническими. Их совершенно не волнует и политика – то, например, как происходит назначение глав регионов. Их интересует только религия. Нельзя говорить, что религия это плохо. Но происходит определенная фундаментализация. Религиозная радикализация полностью заместила этническую.

¹⁵ Сухов Иван Алексеевич – кандидат исторических наук, заместитель редактора отдела политики газеты «Московские новости».

Самая тревожная категория молодежи – те, кто в первом поколении приехал из сел, где разговаривали на этнических языках и наречиях. Они попали в быстрорастущие пригороды Махачкалы, Хасавюрта, Кизляра и других крупных городов. Там им необходимо контактировать с другими, и поэтому они общаются по-русски. Но они отрываются от горской системы воспитания, которая сохранилась в селе. Язык у них русский, место проживания – город, а религия – радикальный ислам. Потому что единственный, кто предлагает им какую-то систему ответов на вопросы, – это молодой имам, который прошел восьмилетний курс обучения исламской теологии, например в Каирском университете «Аль-Азхар». Это тревожная тенденция, потому что у них нет никакого представления о другой этнокультурной системе, кроме исламской. Один Дагестан дает 35 тысяч прироста незанятых рабочих рук в год. Они едут сюда, во внутреннюю Россию. Имея такое сознание, естественно, они внутренне могут быть конфликтны гораздо больше, чем те, кто приезжал два-три года назад, потому что все, что они видят вокруг, очень сильно отличается от картины мира, сложившейся у них в голове под постоянно растущим воздействием ислама. Никаких предпосылок тому, что ситуация изменится в лучшую сторону, пока нет.

Мне достаточно страшно, потому что только что 34-летний человек был назначен президентом Карачаево-Черкесии. У него есть судимость, пусть и снятая. 90% населения республики от этого выбора просто в ужасе. Это означает, кстати, что Кремль по тем или иным причинам отказался от стратегии назначения на Кавказ президентов с относительно чистым досье, «варягов», которые не связаны с местными группами влияния. Казалось, что такие назначения могут бороться с коррупцией. Как правило, это было ошибочное предположение: назначенцев либо втягивало в местную систему связей, либо изолировало до полной недееспособности. Но

тактически такие назначения помогали: видя хотя бы относительно честное назначение, население на пару-тройку лет соглашалось выдать власти кредит доверия. Доверие – вещь на Кавказе очень дефицитная. Недавнее назначение в Карачаево-Черкесии сломало этот тренд. Но дело даже не в этом. 34 года этому президенту. И следующее поколение – 20-летние, у которых никакого представления об общности страны нет.

Мне кажется – и это будет камень в огород рабочей группы Общественной палаты по содействию формированию институтов гражданского общества на Северном Кавказе, где я работаю в качестве приглашенного эксперта и журналиста, – что во время дагестанской поездки этой группы в феврале 2011 года в рамках программы «Мир Кавказу» непозволительно много разговоров велось в рамках исламского дискурса, которого в республике и без того перебор. Там и так полторы тысячи мечетей и 600 медресе. И их становится все больше с каждым днем. Понятно, что это попытка гостей из Москвы разговаривать с местными жителями на доступном им языке. Но подчас сами местные жители удивляются содержанию речей, произносимых делегатами. К счастью, пока еще далеко не 100% населения Кавказа в целом и Дагестана в частности нырнуло в исламский дискурс с головой, многие, наоборот, ждут от Москвы каких-то осмысленных слов и жестов, свидетельствующих, что и Кавказ едет в общем поезде в сторону светской модернизации (другой модернизации не бывает). Поощрять рост ислама и видеть в этом клапан для выхода протестных настроений ошибочно, потому что это загоняет ситуацию в еще большую архаику и средневековье.

Никто почему-то не говорит о том, что нужно строить школы, приглашать учителей, обеспечивать культурный обмен с этой территорией. Медведев справедливо заметил, что Большой театр давно не приезжал на Северный Кавказ. И это надо делать. Но когда мы говорим о том, что вещи, связанные с интеграль-

ным сознанием, нужно пропагандировать, речь не идет о празднике этнических культур на территории ВДНХ или о вечеринке в Университете дружбы народов. Это должно «забиваться» в массовое сознание на федеральных каналах телевидения каждые 15 минут, на всех рекламных площадях в Москве и не только в Москве. Вместо этого говорится: вот, мы сейчас будем разрабатывать федеральную целевую программу и защищать ее в ведомствах. А ученые и эксперты про молодежь, которая уйдет в ислам, говорили, когда еще только начиналась вторая чеченская война. О том, что вырастет поколение, которое к России ничем не привязано. Оно выросло. А мы все планируем, как бы нам концепцию написать.

Я видел в Интернете результаты опросов общественного мнения, согласно которым от 60 до 73% населения РФ за отделение этих территорий. Похоже на приговор. Это поразительным образом совпадает с 70% людей, разделяющих российскую идентичность, из которой Северный Кавказ, видимо, выпадает трагическим образом. Мне кажется, что эти 70% еще и накладываются на этнических русских. А за пределами почти ничего не остается. К сожалению, Россия все еще остается страной без общей идентичности. Есть огромный запрос на простое объяснение: почему нам всем вместе хорошо жить в нашей стране. Это не может быть объяснение через великое героическое прошлое. Но ничего другого пока не предложено.

Леокадия Дробижева: Наше обсуждение было полезным. При всем разнообразии в понимании российской нации, отличии ее реальных проявлений от идеального конструкта мы все считаем важным и его декларирование, и функционирование в социальной практике. Это шаг к интеграции полиэтнического российского общества и межнациональному согласию. Объясняя в публичном пространстве термин «межнациональное согласие», использованный на заседании президиума Госсовета

(притом, что за понятием «нация» мы сможем оставить ее политическое, гражданское содержание), интерпретировать его можно как согласие между национальностями в этнокультурном значении.

Несмотря на расхождение в понимании нации как государственной общности и гражданской (Валерий Тишков – Эмиль Паин), мне представляется важным подчеркнуть, что «непроеходимой стены» между такими общностями нет. Для научной точности я потому и предложила разделить национальную идентичность на национально-гражданскую и национально-государственную. При доминировании у нас последней все же социологические исследования, в том числе международные, в 2000-е годы показывали, что формируется и гражданская идентичность. Согласно системе индикаторов, используемых в международной практике, это и признание необходимости нести ответственность за дела в стране (от 60 до 80%), и гордость не за властителей, а за природные богатства, достижения в культуре и науке (хотя и созданные в прошлом). Да и современная социальная практика дает тому примеры. Это не только борьба защитников Химкинского леса и обманутых дольщиков, волонтерские движения, о которых здесь упоминалось, но и поведение электората, протестные голосования.

Таким образом, в публичном, образовательном пространстве важно поддержать и закрепить представление об объединяющей российской нации. А дальше всеми путями формировать гражданское сознание, гражданскую идентичность.

Следующий механизм достижения межнационального согласия, о котором говорилось и на президиуме Государственного совета, и у нас на круглом столе, – это политика интеграции в полиэтническом пространстве нашего государства. Как вариант интеграции обсуждается, или скорее называется, мультикультурализм. Досадно, что даже некоторые ученые не различают мультикультурность

как данность и мультикультурализм как политику. Политика мультикультурализма – это не только признание культур в конкретном обществе, что само по себе для людей разной этничности, конфессиональной принадлежности важно (президент ФРГ Кристиан Вульф подчеркнул, что ислам является частью Германии), но и определенная система мер (часто привилегий) по отношению к ранее дискриминированным группам. Недавно я получила письмо от профессора Эгберта Яна из ФРГ, руководившего крупным европейским проектом, в котором мы участвовали: «Национализм в поздней и посткоммунистической Европе» (книга в 3-х томах недавно вышла на английском, немецком и русском языках). Он пишет: «Мультикультурализм у нас никогда не был официальной политикой. Он был лозунгом зеленых и некоторых либералов. То, что сказал Вульф, ими расценивается как сигнал к интеграции». Германия – страна одной автохтонной культуры. Новые граждане, иммигранты, их дети, о них ведь идет речь, должны встроиться в нее.

У нас другая ситуация – о ней говорили на нашем заседании. Эмиль Паин обращает внимание на минусы мультикультурализма как политики, попустительствующей общинности, ведущей к замкнутости.

В США, где реализовывалась политика мультикультурализма, ее нередко критикуют за то, что социальные привилегии одним (в образовании, устройстве на работу, предоставлении грантов и т.д.) ставят в неравное положение других. Но там машины не жгли, так же как в Канаде и Австралии, где провозглашалась и реально проводилась эта политика.

Подбирая способы противодействия гиперболизации этничности, нам, конечно, важно точно диагностировать проблему. Поэтому представляется значимым то, на что обратил внимание Игорь Кузнецов: этничность из культуры повседневной жизни превращается в ресурс, и демонстрация лояльности своей группе способствует достижи-

тельности. В экономике это усиливает конкуренцию, хотя и болезненную, и в чем-то может даже способствовать развитию. В политике же конвертация этничности в такой ресурс препятствует равенству возможностей людей.

Потребность в позитивном образе, о котором здесь говорилось, тоже ведь воспринимается как ресурс, но она просматривалась во все времена и у всех народов. Потому дальновидно строить политику исходя из того, что такая потребность есть и у большинства, и у меньшинств.

Наконец, наше обсуждение можно считать полезным в том отношении, что был выявлен достаточно многообразный опыт конкретных дел, которые способствуют взаимопониманию людей разной этнической принадлежности и снятию фобий. Гражданская инициатива в предотвращении и регулировании конфликтных ситуаций – несомненный ресурс достижения согласия. Сейчас наша задача собрать этот опыт, оценить и способствовать его распространению.

Особый случай – ситуация на Северном Кавказе, о которой с такой тревогой рассказывал Иван Сухов. Мы как-то привыкли, что оценка ситуации в этом регионе – прерогатива команды Валерия Тишкова. Но нужна, конечно, оценка более разносторонняя, с участием исследователей из региона. Потому что любые конфликтологические концепции проходят проверку на практике. Ситуация там меняется достаточно быстро, и мы нуждаемся прежде всего в достоверной информации, для того чтобы понять и оценить действия власти и предложить что-то конкретное, эффективное.

Теперь о мониторинге, о важности которого говорили на заседании президиума Госсовета и у нас на обсуждении. Мониторинг Института этнологии и антропологии РАН, который осуществляется уже много лет под руководством Валерия Тишкова, полезен, но он информирует об уже произошедших событиях. Мониторинг же, необходимый для предупреждения ксенофобии и экстремизма, должен быть ориенти-

рован на сбор материала, выявляющего общественные настроения, интересы и потребности, установки на способы действия в конкретных ситуациях, вскрывающие социальные противоречия, способные перерасти в межнациональные напряжения.

Это специальные лонгитюдные исследования, которые должны готовиться и проводиться социологами, имеющими опыт работы в данной сфере. Министерство регионального развития заказывало отдельные исследования ВЦИОМу, и их итоги использовались для анализа ситуации в докладе президенту Госсовета. Но я уже говорила, что там были профессиональные ошибки. Левада-Центр и Фонд общественного мнения также ведут мониторинговые исследования, в том числе и по ряду вопросов межэтнических отношений. Но они дают материал в целом по стране и для регионов, даже охватываемых ими, не репрезентативны. Нам представляется, что для получения представительных материалов нужна кооперация, например известного Российского мо-

нитинга экономического положения и здоровья населения, с одной стороны, и регионов – с другой. Средства на это уже должны были быть выделены Министерством регионального развития. А к составлению программы исследования надо подключать этносоциологов.

Мы совсем мало говорили сегодня о проблемах школьного и вузовского образования, СМИ с точки зрения выполнения ими функций по предупреждению агрессии в этнической сфере. Спасибо Виктору Шнирельману, Светлане Пистряковой (РАГС) и Ирине Семеновке, которые затронули эти вопросы, которым, видимо, посвятим следующие обсуждения.

В круглом столе также приняли участие Хачатур Мариносян (журнал «Философские науки»), Сергей Кучинский (Дом народов России), Владимир Шапиро (ИС РАН), Елена Щеголькова (ИС РАН), Екатерина Арутюнова (ИС РАН), Светлана Рыжова (ИС РАН), Мария Герасимова (ИС РАН), коллеги из Академии наук Молдовы Наталья Каунова и Ирина Кауненко.

Календарь событий осени – зимы 2010/2011 года

Семинар

24 сентября, г. Киев

Переосмысливая демократию: посткоммунистические страны и глобальные проблемы

Эмиль Паин, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ; *Давид Тевзадзе*, философ, бывший министр обороны Грузии; *Анни Добантон*, журналист, независимый исследователь (Франция); *Владимир Фадеев*, заведующий сектором философских проблем этноса и нации Института философии НАНУ; *Юрий Бауман*, директор исследовательского центра «Имидж-контроль»; *Валентин Омелянчук*, ведущий научный сотрудник Центра европейских гуманитарных исследований Национального университета «Киево-Могилянская академия»; *Ярослав Пилинский*, директор киевского офиса Института Кеннана; *Константин Малеев*, президент общественной организации «Киевское братство»; *Мирослав Попович*, директор Института философии НАНУ; *Константин Зарубицкий*, Институт философии НАНУ

Организаторы – киевский офис Института Кеннана, Институт философии НАНУ при участии московского офиса Института Кеннана

Семинар

2 ноября, г. Киев

Пределы демократии

Вильям Смирнов, заведующий сектором политологических исследований Института государства и права РАН; *Флорен Генард*, доцент департамента философии Нантского университета (Франция); *Оливер Ремо*, научный сотрудник Центра политических исследований Раймонда Арона (Франция); *Виктор Степаненко*, заведующий отделом истории и теории социологии Института социологии НАНУ; *Сергей Рымаренко*, ведущий научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований НАНУ; *Мирослав Попович*, директор Института философии НАНУ; *Евгений Быстрицкий*, директор Международного фонда «Возрождение»; *Константин Малеев*, президент общественной организации «Киевское братство»; *Виталий Лях*, заведующий отделом зарубежной философии Института философии НАНУ; *Валентин Омелянчук*, ведущий научный сотрудник Центра европейских гуманитарных исследований Национального университета «Киево-Могилянская академия»; *Владимир Фадеев*, заведующий сектором философских проблем этноса и нации Института философии НАНУ; *Юрий Бауман*, директор исследовательского центра «Имидж-контроль»; *Евгений Андрос*, заведующий отделом философской антропологии Института философии НАНУ; *Анатолий Ермоленко*, заведующий отделом социальной философии Института философии НАНУ; *Ярослав Пилинский*, директор киевского офиса Института Кеннана

Организаторы – киевский офис Института Кеннана, Институт философии НАНУ при участии московского офиса Института Кеннана

VII Старовойтовские чтения

23 ноября, г. Москва
НИУ «Высшая школа экономики»

Возможно ли в России правовое государство?

Открытие. *Михаил Федотов*, председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека; *Ольга Старовойтова*, президент Санкт-Петербургского общественного фонда «Музей Г.В. Старовойтовой»; *Арсений Рогинский*, председатель правления Историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Сессия № 1. Модератор – *Эмиль Паин*, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ. Выступающие – *Георгий Сатаров*, президент Фонда ИНДЕМ; *Лев Иванов*, ведущий эксперт Института права и публичной политики; *Валентин Гефтер*, директор Института прав человека, член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Сессия № 2. Модератор – *Георгий Сатаров*. Выступающие – *Игорь Клямкин*, вице-президент Фонда «Либеральная миссия»; *Лев Гудков*, директор Левада-Центра; *Владимир Кржевов*, заместитель заведующего кафедрой социальной философии философского факультета МГУ; *Эмиль Паин*

Круглый стол «Пути формирования современной правовой системы в России». Модераторы – *Георгий Сатаров* и *Эмиль Паин*. Выступающие – *Вильям Смирнов*, заведующий сектором политологических исследований Института государства и права РАН; *Виктор Шейнис*, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН; *Михаил Гюлман*, главный редактор журнала «Франция»; *Александр Алтунян*, заместитель декана факультета журналистики Международного университета в Москве; *Сергей Магарил*, преподаватель факультета социологии РГГУ; *Светлана Пистрякова*, доцент кафедры национальных, федеративных и международных отношений РАГС; *Николай Руденский*, заместитель главного редактора интернет-издания «Грани.ру»; *Лев Симкин*, юрист фирмы Latham & Watkins; *Ольга Старовойтова*; *Зайнди Чолтаев*, политолог; *Борис Надеждин*, член Федерального политического совета партии «Правое дело»; *Аркадий Коников*, член Московского городского отделения Объединенного демократического движения «Солидарность»; *Андрей Медушевский*, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ

Организаторы – НИУ ВШЭ, московский офис Института Кеннана, Фонд ИНДЕМ, Фонд «Либеральная миссия»

Презентация книги

26 января, г. Москва
Фонд Ф. Науманна

Идеология «особого пути» в России и Германии

Модератор – *Галина Козлова*, координатор региональных программ Фонда Ф. Науманна. Выступающие – *Александр Верховский*, директор Информационно-аналитического центра «Сова»; *Лев Гудков*, директор Левада-Центра; *Эмиль Паин*, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ; *Сергей Магарил*, преподаватель факультета социологии РГГУ; *Виктор Шнирельман*, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; *Владимир Кржевов*, заместитель заведующего кафедрой социальной философии философского факультета МГУ; *Вильям Смирнов*, заведующий сектором политологических исследований Института государства и права РАН; *Ольга Здравомыслова*, исполнительный директор Горбачев-Фонда; *Ольга Малинова*, ведущий научный сотрудник ИНИОН

РАН; *Николай Руденский*, заместитель главного редактора интернет-издания «Грани.ру»; *Екатерина Гениева*, генеральный директор Библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино

Организаторы – московский офис Института Кеннана, Фонд Ф. Науманна

Конференция

16–17 февраля, г. Москва
Российский государственный гуманитарный университет

**Русистика/советология в США, американистика в России:
опыт взаимных репрезентаций**

С программой конференции можно ознакомиться на сайте московского офиса Института Кеннана (www.kennan.ru)

Организаторы – РГГУ в сотрудничестве с Посольством США в РФ, Программой Фулбрайта в России и московским офисом Института Кеннана

*Совет Товарищества выпускников
Института Кеннана*

Журавлева Виктория Ивановна

*к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений
Российского государственного гуманитарного университета
г. Москва*

Красиков Анатолий Андреевич

*председатель, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник
Института Европы РАН,
руководитель Центра социально-религиозных исследований
г. Москва*

Курилла Иван Иванович

*д.и.н., заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград*

Макарычев Андрей Станиславович

*д.и.н., профессор,
начальник научного отдела
Волго-Вятской академии государственной службы
г. Нижний Новгород*

Малинова Ольга Юрьевна

*д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела политической науки
Института научной информации по общественным наукам РАН
г. Москва*

Программа Фулбрайта-Кеннана

Программа Фулбрайта-Кеннана предоставляет гранты ученым и преподавателям вузов на 2012–2013 академический год на поездки в Институт Кеннана при Международном научном центре им. Вудро Вильсона для проведения исследований в области гуманитарных и общественных наук

Гранты на конкурсной основе выдаются сроком на шесть месяцев работникам академических институтов и научных центров, преподавателям высших учебных заведений, активно участвующим в научной деятельности. В течение всего срока гранта ученые находятся в Институте Кеннана при Международном научном центре им. Вудро Вильсона, г. Вашингтон.

Грант включает в себя:

- ежемесячную стипендию
- ограниченную медицинскую страховку
- оплату транспортных расходов

Требования к соискателям:

- российское гражданство и постоянное проживание на территории РФ начиная с января 2011 года
- наличие ученой степени
- владение английским языком в пределах, необходимых для выполнения заявленного проекта в США
- возрастных ограничений нет

Последний день приема документов на конкурс – 15 июля 2011 года

*Документы принимаются только в офисе Программы Фулбрайта
Подробная информация о программе, условиях участия, конкурсных документах:*

Представительство Программы Фулбрайта в России

Институт международного образования
125009, Москва, Тверской бульвар, д. 14, строение 1, 4-й этаж
Тел. (495) 935-83-53 Факс (495) 937-54-18
Эл. почта: info@fulbright.ru
Веб-сайт: www.fulbright.ru

РОО «Кеннан»

123001, Россия, Москва, а/я 90
Тел./факс: (495) 695-11-39; 695-11-68
Эл. почта: kennan.moscow@gmail.com

Дилеммы разнообразия: американский и российский взгляд

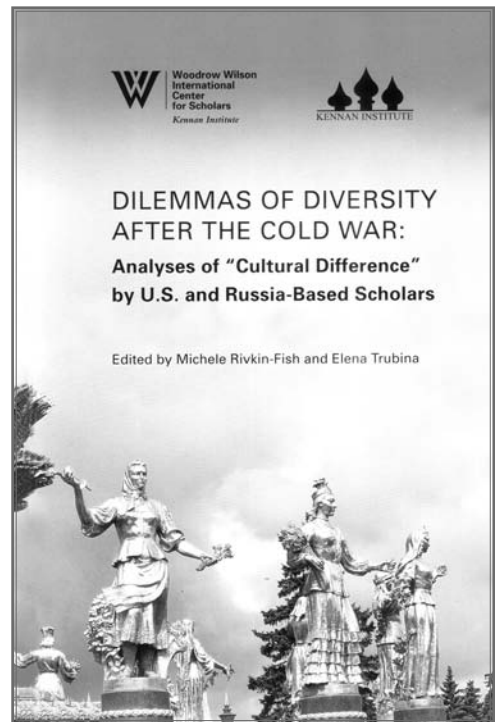
17 февраля 2011 года в рамках международной конференции «Русистика/советология в США, американистика в России: опыт взаимных репрезентаций», прошедшей в Российском государственном гуманитарном университете, состоялась презентация книги «Dilemmas of Diversity After the Cold War: Analyses of “Cultural Difference” by US and Russia-Based Scholars» («Дилеммы разнообразия после холодной войны: анализ культурных различий американскими и российскими исследователями»). На страницах нашего журнала о проблемах, затронутых в книге, размышляют ее редакторы Мишель Ривкин-Фиш и Елена Трубина, один из российских авторов Татьяна Венедиктова, а также участники дискуссии Ольга Анцыферова, Галина Зверева и Джон Райдер.

Мишель Ривкин-Фиш (Университет Северной Каролины)

Разнообразие: социальная реальность и академический сюжет

Мы с удовольствием представляем книгу «Дилеммы разнообразия после холодной войны: анализ культурных различий американскими и российскими исследователями». Это результат семинаров, проведенных в Москве и Вашингтоне летом 2005 и зимой 2006 года при финансовой поддержке Института Кеннана. Американские и российские исследователи, представлявшие разные дисциплины, обсуждали на них, имея в виду будущую книгу, тему «разнообразие культур современного мира». Мы и сами как группа воплощали собой интеллектуальное разнообразие, поэтому семинары открыли возможность увлекательной метарефлексии наших собственных субъективных позиций в качестве исследователей, а также социальных обстоятельств, обуславливающих то, как мы конструируем поле своих исследований. Диалог показал, насколько различны порой исходные посылки и ориентации, определяющие интересы исследователей из двух стран. Диалог выявил и сходство в концептуальных

подходах как результат глобальных культурных и политических изменений и, в частности, целенаправленных уси-

Dilemmas of Diversity After the Cold War: Analyses of “Cultural Difference” by US and Russia-Based Scholars. Edited by Michele Rivkin-Fish and Elena Trubina. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2010. 243 p.

лий таких организаций, как Институт Кеннана, по созданию международного сообщества исследователей, в прошлом разделенных «железным занавесом».

Вначале я суммирую ключевые аргументы книги, надеясь тем самым побудить вас ее прочесть, а затем кратко рассмотрю формат американского проекта, рассчитанного на включение российских исследователей в международные исследовательские дискурсы. Мне хотелось бы открыть дискуссию о скрытых послылках и формах власти, проявляющихся в подобных усилиях. С моей точки зрения, когда мы, американцы, инициируем диалог, нам нужно создавать условия для изменения познавательных установок всех его участников, а не требовать этого только от российских ученых.

Наша книга показывает, что «разнообразие» – социально значимое понятие, анализ которого отражает особые истории и политические контексты его обсуждения. Мы прослеживаем возникновение множественных вариантов либерализма и национализма (часто в альянсе друг с другом) в постсоветском контексте, анализируем то, как социальный конструктивизм становится для постсоветских ученых орудием критики примордиалистского понимания этничности и политической позицией (учитывая то, что эссенциалистское понимание этничности поощряется как компонент патриотической лояльности).

В подходах американских и российских исследователей обозначились принципиальные различия: американцев интересовали персональные и коллективные идентичности, активно конструируемые публичными жестами и перформативными актами, нацеленными на достижение признания. Эта точка зрения, конечно же, связана с борьбой за гражданские права и политикой признания, вызревшей в 1960-е годы. Характерно, что американские участники применяли такую концептуальную рамку «разнообразия» к политикам идентичности и национализма на пост-

советском пространстве, не задаваясь, как правило, вопросом о ее уместности и универсальности.

Напротив, россияне подчеркивали, что в постсоветском контексте обретение той или иной группой признания в качестве меньшинства не способно повлечь за собой какие-то привилегии или государственную защиту. Дебаты, идущие в США и Великобритании о том, кто является истинным «меньшинством» и какие формы ущерба составляют оправданные критерии компенсации или помощи, в российском контексте немыслимы: здесь общественные дискуссии идут по поводу определения русскости и границ большинства. Это побудило нескольких российских участников охарактеризовать взгляды американских коллег на разнообразие как «романтические»: они формулировали идеал общественной жизни (основанный на толерантности, разнообразии, равноправии) и предлагали программы достижения этого идеала, при этом преуменьшая препятствия, неизбежные на пути их реализации. Нормативность позиции американцев, с одной стороны, включающей принятие разнообразия и равноправия, а с другой – рассчитывающей на активное участие граждан в социальных преобразованиях, очевидным образом опиралась на принципы либеральной политической теории.

Российские участники тоже обращались в своих статьях к либеральным идеям. Оксана Карпенко рассматривает представления об этнических и культурных отличиях, содержащиеся в учебниках по обществознанию, показывая, насколько легко они могут быть использованы для оправдания русского национализма и поощрения враждебности к людям, идентифицируемым как этнически «другие», и обесценить тем самым важное для демократии критическое мышление. Татьяна Скрынникова и Дарима Амоголонова схожим образом критикуют националистический миф, конструируемый в Бурятии, и, хотя в их главе об этом прямо не сказано, Амоголонова приравнивает аналитическое использо-

вание социального конструктивизма к выражению политической поддержки гражданского государства и общества. Татьяна Венедиктова критикует скрытый национализм, проявляющийся в настороженности многих российских словесников в отношении неканонических подходов к каноническим текстам. Либеральные идеи и демократические ценности стали точкой отсчета в осуществляемой этими авторами культурной критике, несмотря на весь скепсис россиян в отношении реализуемости либеральной модели.

Несколько слов о структуре книги. Ее первая часть – «Конструируя нацию в тени различий» – включает четыре статьи, анализирующие формирование идентичностей и их использование в целях националистического возрождения после падения Советского Союза. Другая тема – продолжающееся влияние представлений советской эпохи («дружба народов») даже тогда, когда советское прошлое явно отвергается. Еще одна важная тема – значимость экспертного знания как орудия конструирования национальной идентичности и ее границ. Именно носители этого знания – историки, политики, кураторы музеев и другие представители культурной элиты – создают влиятельные мифы о различиях, диктующие значимые исключения. Во второй части книги – «Обсуждая различия в сфере образования» – этот тезис развертывается применительно к образовательному процессу и деятельности экспертов в области образования.

Теперь мне хотелось бы прокомментировать некоторые важные проблемы, выявившиеся в процессе диалога между россиянами и американцами по ходу подготовки совместной публикации. Институт Кеннана поддержал наши семинары с целью способствовать как глобальной интеграции российских ученых, так и индивидуальной социальной мобильности некоторых из них. Со стороны участников заведомо предполагалось знание английского языка и доступ к глобальным ресурсам и акаде-

мическим сетям. Мы не давали участникам уроков языка и не помогали им в переводе выступлений и статей. Однако в процессе редактирования глав книги я поняла, что от российских участников требуется существенно большее, а именно: фундаментальное изменение стиля профессионального письма, освоение непривычных жанров и даже типов аргументации. Чтобы быть услышанными глобальной аудиторией, они должны переподчинить ранее усвоенные профессиональные практики требованиям западных изданий. Можно спорить, насколько в результате этого тексты сделались более ясными, убедительными – или просто другими. Несомненно, что имели место и приобретения, и потери. Стоит признать, что в ходе диалога мы исходили из того, что российские исследователи должны принять западные модели продуцирования знания, при этом мы нигде и никак явно не обсуждали и не формулировали эти модели. Для американских спонсоров и издателей этот процесс оставался и остается скрытым, между тем, по моему убеждению, мы могли бы многое для себя почерпнуть в способах анализа и ведения дискуссии, принятых у российских ученых.

В качестве примера я хотела бы привести опыт совместного редактирования книги с Еленой Трубиной и то, как ее идеи глубоко изменили мои представления о дилеммах разнообразия в России. Когда мы начали работать над предисловием, в нашей памяти еще были свежи события в северо-западном городе Кондопога. Услышав об антикавказском погроме, я наивно осмыслила эту ситуацию на основе специфически американских представлений о доминировании белых над «цветными»: то есть в России, как я поняла, доминирующее, расово нейтральное русское большинство угнетает расово стигматизированное этническое меньшинство. Елена обратила мое внимание на то, что понимание этих конфликтов требует тонкого анализа более широкого контекста, в котором обитатели многих депрессивных российских

городов сталкиваются с «культурным разнообразием».

Напряжение между этническими сообществами возникает по мере того, как провинциальная Россия все больше скатывается к экономическому упадку, разрухе и настроениям обреченности. Многие большие и малые в прошлом промышленные города страдают от острого недостатка капиталовложений, работы на заводах почти нет, а социальная политика практически отсутствует. Депрессивное, консервативное окружение заставляет людей чувствовать себя на задворках общества. На отношении жителей провинции к приезжим поэтому накладываются их собственные бедность и унижение. Местные власти, часто безразличные к этой бедности, вступают в альянсы с организованными этническими предпринимателями, претендующими на то, что представляют интересы всех членов данной этнической группы. Поэтому, в то время как местные русские рабочие едва ли могут претендовать на достойные условия работы, приезжие (как правило, нерусские торговцы), давая взятки местным властям, получают существенные привилегии. Самоуверенность и экономическая самодостаточность этих людей сильно отличаются от инертности многих русских и материальной стесненности, в которой протекает их жизнь. Такие русские кажутся самим себе жертвами всеобъемлющей и систематической несправедливости, у которых приезжие отбирают заслуженные привилегии. Этот политизированный набор эмоций усиливается массмедиа, далее транслирующими предрассудки, и порождает враждебность между местными жителями и мигрантами.

Ситуация оказывается куда сложнее, чем в новостях. Она разительно отличается от внешне схожих коллизий, развертывающихся в США. Здесь также имеет место экономическая конкуренция, но трудно представить себе, чтобы в США иммигранты – представители этнического меньшинства экономически были более состоятельны, нежели

местные белые. Сотрудничество с Еленой помогло мне осознать эти сложности и открыло глаза на неадекватность популярных в Соединенных Штатах представлений. Степень их обусловленности американским контекстом я явно недооценивала. Это пример крайне полезного изменения парадигмы, и на подобные сдвиги мы, работающие на Западе исследователи, можем рассчитывать, если в диалоге с российскими коллегами сделаем ставку на открытость и готовность скорректировать свои взгляды во имя разумного компромисса.

Елена Трубина (Уральский государственный университет)

Американские «идеалисты» и российские «прагматики»

Замысел спонсора проекта – Института Кеннана – заключался в том, чтобы включить в профессиональное международное пространство ученых и преподавателей, работавших в рамках межрегиональных институтов по общественным наукам (МИОНов), которые были открыты с финансовой помощью Корпорации Карнеги и Фонда Макартуров в начале 2000-х годов в семи российских городах.

Международный характер созданной организаторами группы ученых побудил к рефлексии по поводу того, как различные социальные контексты, в которых работают ученые, приводят к неодинаковому пониманию ими «разнообразия» и «терпимости». В первом приближении специфику подхода американских участников можно обозначить как «идеалистическую», потому что их нацеленность на поиск позитивных решений для всех сложных проблем базируется на уверенности в возможности создания лучшего общества. Напротив, рассуждения российских участников отличались «прагматизмом», под которым здесь понимается отказ придерживаться какой бы то ни было нормативной рамки.

Это, возможно, объясняется тем, что российские ученые живут в государстве

с минимальной политической жизнью, где терпимость к разнообразию мало кого заботит, а необходимость сводить концы с концами подчиняет себе полагание ценностей справедливости и взаимного уважения либо способствует их инструментализации. Конечно, эти наименования условны и, как справедливо заметила Татьяна Венедиктова, контр-интуитивны: в понимании прагматизма как раз американцы впереди, ибо это в Америке родилась традиция философского прагматизма. Я с этим согласна, но, введя это условное различие, мы попытались зафиксировать ощущение, часто возникавшее у меня при посещении собраний каких-либо местных сообществ в Америке и в других странах: люди терпеливо, часами дискутировали по поводу того или иного кандидата или проблемы, которую предстояло решать общими усилиями, и это терпение как раз, с моей точки зрения, базировалось на своеобразном идеализме – уверенности в том, что общая воля может быть сформулирована и реализована, ибо каждый хочет добра своему сообществу и своей стране. Тогда как опыт участия в научных и иного рода дискуссиях в России неизменно включал мое согласие с весьма пессимистическими оценками возможностей перемен в нашей стране и понимание нежелания наших граждан эмоционально и интеллектуально «вкладываться» в какие бы то ни было коллективные проекты. Иными словами, «прагматизм», который мы используем для обозначения специфики российской аргументации – это повседневный прагматизм, не связанный с тонкостями философского прагматизма.

Книга – продукт эксперимента, суть которого состояла в попытке международной и междисциплинарной группы исследователей, объединенных лишь самым общим интересом к проблематике разнообразия, найти общую почву для ее анализа, не теряя в то же время из виду эпистемологические, исторические, экономические истоки различий внутри группы. Поскольку участники группы

различались и характером образования, и дисциплинарными установками, к эмпирическим проблемам культурного разнообразия в США и России добавилась проблема интеллектуального разнообразия, которое воплощала собой данная группа исследователей. Итогом общей рефлексии стала попытка сформулировать, в чем состоят американские и российские представления о разнообразии. Американцы исходят из того, что разнообразие тогда получает смысл, когда те или иные социальные и культурные группы выражают и мобилизуют свою идентичность в широких социальных целях. Две стороны американской истории лежат в основе таких представлений. Во-первых, то, что Америка – страна эмигрантов, в которой главным критерием принадлежности к нации становится скорее приверженность либеральным ценностям, нежели утверждения об общей «крови» или «генах». Во-вторых, движение за гражданские права, утвердившее ценность равных прав для всех. Российские представления о разнообразии определяются тревогами и утратами, связанными с распадом Советского Союза. Стремясь утвердить себя в качестве сильной нации, Россия поощряет национализм, тогда как разнообразие – будь оно представлено мигрантами, религиозным плюрализмом, борьбой за независимость этнических меньшинств либо даже новыми способами понимания художественной литературы – с готовностью изображается в качестве угрозы. Разнообразие поощряется лишь коммерчески, выражая логику потребительского рынка, но это отнюдь не ведет к большей открытости людей иным мировоззрениям и верованиям, а напротив, соединяется с национализмом. Национализм же подпитывается «эссенциализмом» и отмечаемым многими западными коллегами своеобразным культурным нарциссизмом русских гуманитариев: они обижаются, что западные коллеги недостаточно учитывают русский опыт, но при этом настроены говорить только о своей культуре, избегая сравнений и противопоставлений. Уверенность в

значимости русской культуры сочетается нередко с неготовностью к более космополитичному взгляду на мир и самих себя. Конечно, космополитизм не панацея, но, культивируемый рефлексивно, он мог бы явиться антидотом чрезмерному национализму.

Галина Зверева (РГГУ)

Конструктивизм по-русски?

При знакомстве с книгой наибольший интерес у меня вызвали предисловие редакторов-составителей, а также статьи Татьяны Скрынниковой и Даримы Амоголоновой, Оксаны Карпенко и Кэтрин Грэйни. Если о чем стоит пожалеть, так это о том, что при всем богатстве материалов в книге не нашла достаточного отражения актуальная динамика групповых идентификационных процессов в России. Авторы и редакторы книги не стремились, кажется, осмыслить и отразить изменения в стратегиях и тактиках государственной власти, характерные именно для 1990–2000-х годов, а также отличительные моменты позиционирования разнообразия конкретными политическими и социальными группами. Между тем тут многое достойно внимания и пристального анализа. Разве не примечательно, в частности, то обстоятельство, что в трактовке разнообразия российскими властями парадоксальным образом сочетаются примордиализм для масс и конструктивизм для себя? Разве не стоит присмотреться к тому, как это сочетание возникает и оформляется?

Российское население, кстати, получает немало «конструктивистских» импульсов. В качестве одного из примеров можно привести перепись населения 2010 года. Я имею в виду возможные варианты ответов на вопрос 7 Переписного листа Формы Л «Ваша национальная принадлежность». Предусматривались, среди прочего, такие ответы: «космополит», «без нации», «сложная национальность», «полукровка», «россиянин», «мулат», «советский», «афрососианин», «казак с украинским языком»,

«сибиряк» и т.д. Это ли не констатация разнообразия, красноречиво свидетельствующая о разрыве между «единым народом», образ которого продвигает власть, и реальными вариантами идентификации граждан? Именно поэтому я полагаю, что отдельной и насущной исследовательской задачей сегодня является мониторинг общественных настроений по поводу реального разнообразия.

В ряду явлений, которые при этом попадут неизбежно в фокус внимания, стоит выделить феномен «нового регионализма». Внутри российских регионов сегодня протекают весьма неоднозначные процессы. Тенденции к автономизации проявляют себя ярко, например в проектах Уральской республики и Великой Бурятии. В то же время государственная концепция предполагает развитие имиджей территорий и регионов, продвижение их брендов (к примеру, имидж Уральского региона) и, в связи с этим, рефлексию отличий между регионами и местностями, в некотором смысле культивирование этих отличий.

То, что идея разнообразия встречает заинтересованность и поддержку, подтверждается и рядом социальных проектов, таких, например, как запущенный в 2006 году мультимедийный проект Александра Татарского под названием «МультиРоссия». Он предполагал создание цикла мультфильмов под общим названием «Мы живем в России» – обо всех российских городах и регионах – с пластилиновым медведем в качестве ведущего. Будем надеяться, что начатая таким образом работа по стимулированию интереса к культурному и социальному разнообразию России продолжится.

Джон Райдер (ректор Университета Хазар, Азербайджан)

Опустошение понятия?

Есть опасение, что в результате чрезмерно активного использования «разнообразия» в качестве аналитической категории, а также в силу того, что это понятие применяется для формулиро-

вания политических целей, оно может со временем утратить содержательность. Например, не так давно мне пришлось услышать из уст администратора американского университета заявление о том, что ее университет – один из самых разнообразных по составу в штате, потому что около 90% его студентов составляют афроамериканцы. Разнообразие в этом случае отождествлялось с преобладанием определенной категории студентов (афроамериканцев). Пределом «разнообразия», в этой логике, должна стать стопроцентная однородность!

Ольга Аncyферова (Ивановский государственный университет)

Пределы разнообразия

К сожалению, Ивановский университет, где я преподаю, не участвовал в работе МИОНов, так что я не имела опыта научной деятельности, подобной той, что привела к появлению данного сборника. Цель такой деятельности – «создание международного сообщества исследователей, в прошлом разделенных железным занавесом» – и важна, и актуальна, и заманчива.

Вместе с тем по опыту работы с иностранными издательствами я знаю, с какими сложностями связан он для российского ученого. Мне хорошо понятны слова Мишель Ривкин-Фиш о том, что выступление наших соотечественников на страницах американского издания требует от них «фундаментальных изменений стиля профессионального письма». Не могу сказать, что я в своих американских публикациях прошла через это горнило (система аргументации и жанровое оформление моихopusов, видимо, устроило американских издателей), однако полностью согласна – научный жанр в американской словесности носит более формализованный характер, чем у нас. Скорее всего, предъявляемые к российским авторам требования «подчиниться западным моделям продуцирования знания» не были восприняты однозначно.

Поэтому я испытываю величайшее уважение к труду, проделанному совместной российско-американской командой ученых, в особенности к редакторам-составителям Мишель Ривкин-Фиш и Елене Трубиной, которые сделали важную попытку внести свой вклад в проект (возможно, утопический) создания единого российско-американского научного пространства. Главной проблемой подобных проектов, как мы все прекрасно знаем, является поиск (или выработка) общего научного дискурса, говоря проще – общего языка в обсуждении научных проблем, на которые, естественно, русские и американцы смотрят с разных точек зрения и анализируют их в рамках различных научных парадигм.

Я с большим интересом познакомилась с книгой, которую мы обсуждаем. Уже заголовок, в котором упоминаются такие остроактуальные концепты, как «разнообразие» и «культурные различия», да и американская точка зрения на постсоветские реалии не могли не привлечь внимания. Вместе с тем, листая книгу, я не могла отделаться от некоего сомнения, возможно инспирированного моим профессиональным (литературоведческим) подходом: любое сочинение привычно оцениваешь с точки зрения неизменных компонентов литературной коммуникации: автор – текст – читатель. Данная книга выпущена в США, на английском языке, статьи написаны американскими и русскими учеными (в равной пропорции, насколько я понимаю). С этим все ясно. Мне не хватило ясности в другом: кого представляли себе редакторы-составители сборника в качестве его потенциального читателя. Интересно ли российскому читателю ознакомиться со статьями о национальном возрождении Бурятии или о постсоветском Татарстане, об опыте освоения новой литературной теории в российских университетах? Безусловно, да. Но почему русский читатель должен читать об этом по-английски? Интересны ли будут американскому научному сообществу вышеуказанные статьи? Возможно, но столь же определенного

ответа я дать не могу. Интересно также было бы знать, насколько «американизирующая редакция» приблизила тексты к американскому читателю. То, что она не приблизила их к потенциальному российскому читателю, достаточно очевидно.

Другой круг размышлений и сомнений связан для меня с «разнообразием» – не как темой и проблемой книги, но как ее организующим принципом. Речь идет не о междисциплинарности, которую я считаю делом полезным и иногда плодотворным, а о том, что книга, на мой взгляд, лишена некоего единого внутреннего стержня (сюжета?), который вел бы читателя от статьи к статье в поисках ответа на интересующие его вопросы, который позволял бы рассматривать статьи как реплики в общем разговоре. Возможно, это происходит как раз потому, что нет четкого образа потенциального читателя книги.

На мой взгляд, подобные международные академические проекты очень плодотворны, но их, как мне представляется, надо организовывать вокруг более определенных и менее аморфных проблемных полей, чем «разнообразие» – концепта, самой семантикой своей уводящего от поиска общей почвы для диалога, от поиска общего языка.

Татьяна Венедиктова (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Разнообразие – the medium as the message

Трудно придумать тему более необъятную, чем культурное разнообразие. Полнота ее раскрытия была заведомо исключена, а вот использование самого концепта разнообразия как исследовательской призмы и последовательно рефлексированного «медиума» оказалось важной – я даже думаю, что важнейшей! – составляющей проекта, инициирован-

ного и с завидной последовательностью реализованного Мишель Ривкин-Фиш и Еленой Трубиной.

Как и другие участники проекта, я столкнулась с необходимостью и возможностью подумать о знакомом материале с неожиданной стороны, исходя из непривычных установок и пресуппозиций. Такая смена оптики трудно дается (выход за пределы сложившейся компетенции чреват риском ученических ошибок, и на него готов пойти не всякий даже уверенный в себе специалист), но в итоге дорогого стоит. Работая в обжитом, домашнем контексте, дисциплинарном и культурном, мы можем варьировать подходы, техники анализа, но практически никогда не сталкиваемся с «вызовом» куда более сильным, который предъявляет нам иначе устроенное воображение¹. Трансдисциплинарное и транскультурное общение в этом смысле может быть и очень требовательно, и очень продуктивно.

Опыт двух семинаров, электронной переписки между ними и им вослед – тактичных, терпеливых, дружественных взаимовыслушиваний и взаимовопрошаний, сопровождавших работу над книгой, оказался на редкость поучительным. Он побудил меня, в частности, задаться вопросом о «филологическом воображении», о том, как его воспитывает отечественная академическая традиция – в отличие и сходстве с американской, – о его актуальных границах и их (границ) возможной вариативности и подвижности.

Слово «разночтение» означает порусски, вопреки своей форме, разные версии написанного. А написанное – подразумеваемо – все равно что «вырублено топором» и прочитано разно может быть только в порядке случайности, ошибки или путаницы. Дифференциация форм и смыслов в любом случае связывается с опасностью уклонения от

¹ Понятие профессионального воображения или «взгляда» (к примеру, социологического или антропологического) в последние десятилетия все чаще используется в научном обиходе и не случайно привлекает к себе внимание. Оно подразумевает нечто более емкое и одновременно более гибкое, чем набор формализованных методов и терминов, используемых в рамках дисциплины, – некую интегральную характеристику способа думать, соединять очевидное с неочевидным.

изначальной подлинности или правильной нормы: это то, чего надо избегать, не то, к чему стоит стремиться. Такова укorenившаяся «предрасудочность», которая отчетливо проявляет себя в школьных практиках всех уровней. Учитель словесности, как правило, и не представляет себя никем иным, как носителем коллективной культурной нормы. Возможно ли для него/нее стать (также и) тактичным, критичным, самокритичным модератором мнений, уважающим субъективность восприятия не только в индивидах «всемирно-исторических», но и в «невеликих», незрелых еще или не отвечающих норме в иных отношениях? Оправдан ли, осуществим ли в принципе такой подход? Или он обернется легкомысленным поощрением эгоистического беспредела, в итоге профанацией культуры? Вопросы эти встают повсюду, в России и в Америке, по-разному, но с равной остротой. Очевидно, что однозначного ответа на них нет. Но очевидно для меня и то, что привычка видеть в «уроках литературы» только нормализующий, объединяющий культурный фактор оборачивается пассивностью усвоения литературного и иного интеллектуального опыта, а это размещает нас всех в уютной ловушке. Обжив ее, высокодуховный (в собственном представлении) российский читатель оказывается беззащитен перед натиском глобального консьюмеризма – я бы сказала, даже более беззащитен, чем «бездуховные» американцы, над которыми мы посмеиваемся еще по советской привычке.

Слова в нашем обиходе слишком легко слепляются с готовыми смыслами, а потом застывают, как будто цементом схваченные, в жестких оппозициях. Это касается, в том числе, ключевого слова «разнообразие» (diversity). В Америке оно используется нередко как дежурное обозначение чего-то заведомо, гарантированно привлекательного (на это обратил внимание Джон Райдер), а в России – чего-то скорее сомнительного, пугающего неопределенностью и «разбродом». Полноценная разработка понятия предполагает работу рефлексии, желательно совместной. Только принявшись за нее, мы можем выйти в пространство со-порождения мысли – дополнительно к информационному обмену, безусловно полезному, но зачастую и обескураживающе предсказуемому.

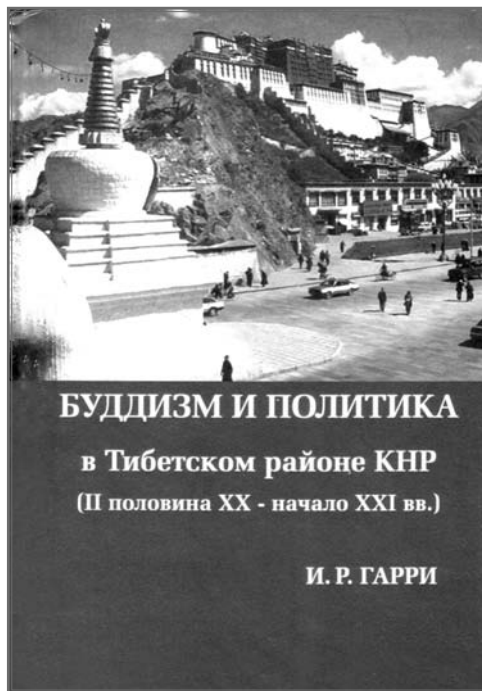
У обсуждаемой нами книги (при том, что разные материалы ее будут по-разному интересны специалистам) нет готового читателя – очень понимаю сомнения на этот счет, высказанные Ольгой Анцыферовой. В этом отсутствии, на мой взгляд, и заключается соль. Книга учит себя читать, как мы все, над ней работая, учились наново писать, экспериментально выстраивая образ возможного адресата, отношение с ним, честно пытаюсь по-новому увидеть и осмыслить ранее самоочевидное. За этот очень продуктивный опыт, который может быть теперь развит и транслирован дальше, спасибо авторам проекта и всем, кто помог ему осуществиться.

Шестьдесят лет в поисках одиночества

Тибетология, малоизвестное достояние кабинетных ученых России с начала XIX века, стала частой гостьей книжных магазинов. Конечно, большинство книг о Тибете создается для удовлетворения рыночного спроса, который, как правило, не связан ни с политикой, ни с вопросами тибетологии. Однако за последние пять лет издан и ряд серьезных научных работ, посвященных тибетскому вопросу: это и «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России» А.И. Андреева (СПб., 2006), и фундаментальный по объему и использованной литературе (хотя обесцененный по-журналистски антикитайской риторикой) труд С.Л. Кузьмина «Скрытый Тибет: история независимости и оккупации» (СПб., 2010). Внимание этой теме уделено также в ряде научных трудов, посвященных вопросам политики КНР и продиктованных возросшей ролью Китая в мире, в том числе книга В.С. Кузнецова «Буддийский фактор во внешней политике КНР» (М., 2006), где тибетской проблеме посвящен значительный раздел.

В скромное число серьезных научных работ последних лет вошла и книга И.Р. Гарри, проводившей свое исследование в Институте Кеннана в 2007–2008 годах. Благодаря поддержке института, автор смогла обработать огромное количество литературы, в силу разных причин недоступной в России. Это в первую очередь англоязычные издания и документы. Внушительное количество источников и исследований на английском языке, изданных небольшими тиражами и неизвестных или мало известных русскоязычному читателю, а также исследований и воспоминаний на китайском и отчасти тибетском языках добросовестно цитируется И.Р. Гарри и тогда, когда авторы противоречат друг другу. Ценно и то, что цитирование отнюдь не призвано подтвердить некую

заранее сформулированную позицию автора, притом, что книга сохраняет целостность и очевидную внутреннюю логику в рамках поставленной темы. Информация приведена скорее с целью объективно обрисовать сложную, противоречивую природу политического процесса в формировании и истории Тибетского автономного района (ТАР). Политическая риторика со стороны автора минимальна: так, к примеру, когда речь идет о проведении в ТАР административных реформ, слово «демократия» намеренно берется в кавычки. Чуждость этой книги сенсационализму тем более ценна на фоне пропаганды КНР и США (в силу заданной темы автор уделяет некоторое внимание пропаганде со стороны КНР и делает это с определенной изысканностью).

Ирина Гарри. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI века).

Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009. 320 с.

Десятки цитат из интервью с политическими лидерами лхасского правительства, из китайских и американских документов, из книг воспоминаний китайских участников событий в Тибете делают книгу хрестоматийно важной в истории русскоязычной тибетологии. Воспоминания в начале книги превращаются в живой, ведущийся едва ли не на повышенных тонах спор о том, что же случилось при подписании Соглашения о вхождении Тибета в состав КНР, как именно воспринимали тибетцы первый приход Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в Лхасу. Сама фактография настолько плотна, что эта плотность как таковая не только развеивает романтический ореол тишины и вечности над образом страны, в которой не каждый специалист сможет без подготовки отметить значимые события чаще, чем раз в 20 лет, но более того, эта плотная фактографическая канва говорит о некоторой общей проблеме образа современной цивилизации, где неотъемлемой составляющей стал хэппенинг, тогда как неотъемлемой составляющей традиционной тибетской цивилизации, согласно ее виднейшим представителям, является религиозный затвор с прекращением контактов с внешним миром подчас на годы (в современном русском языке он называется словом «ретрит»).

В этой связи можно говорить об определенном сломе российской научной традиции, в которой исследования таких регионов, как ТАР, подчинены некой единой концепции, часто политизированной в ущерб полноте данных и опоре на источники, – и в то же время книга вовсе не аполитична! Ее стилистика отчасти подвержена американским публицистическим традициям, для нее характерен постмодернистский подход к языку, научной стилистике, фокусу внимания, проявлению авторской позиции. Знаковой работой в истории российского востоковедения эту книгу делает то, что, несмотря на все эти особенности, написана она

на русском языке. Это в некотором роде систематическое явление – при двухсотлетней тибетологической школе наиболее обширные сведения о Тибете часто поступали в Россию опосредованно, через французов Гюка и Габе (что изрядно смущало Н.М. Пржевальского), через сводки британских агентов, вплоть до докладов и статей О. Норзунова и Г. Цыбикова о поездке в Лхасу на рубеже XIX–XX веков (причем первые публикации об этом путешествии имели место именно в западной прессе). Впоследствии советская наука, оградив себя по возможности от прямого общения с западными коллегами, создала определенный вакуум в тех местах, которые не вписывались в исторический материализм, воспитала множество востоковедов, едва владеющих европейскими языками, и чуть было не уничтожила тибетологическую школу за кажущейся ненадобностью (это не исключительное свойство СССР; судьба монголистической школы в США также отличалась неравномерностью развития). «Западность» книги «Буддизм и политика» и происхождение ее автора в этом контексте ценны тем, что сращивают российскую науку с интернациональным научным контекстом, который единственно и делает развитие науки устойчивым и постоянным.

При несомненной ценности привлеченной англоязычной литературы, она в то же время порождает определенный перекосяк в создании общей картины происходящего. Мир международных отношений этой книги состоит из КНР и США в ущерб освещению позиции других стран. Например, отсутствие беседы Мао Цзэдуна с Хрущевым о Далай-ламе (цитируемое А.И. Андреевым) сразу же заметно лишает работу объемности. Впрочем, для русскоязычного читателя достоинства книги во многом и состоят в экстенсивном использовании автором именно различных американских библиотек.

Возможно, работа стала бы более объемной и одновременно с этим инте-

ресной для читателя, если бы владеющий китайским языком автор (что, увы, нечастое явление среди тибетологов) привлек больше сведений, связанных с Тайванем. В контексте проблемы Тибета Тайвань был бы интересен, во-первых, своей оригинальной позицией в отношении Тибета, а во-вторых, из-за разногласий с позицией Пекина (в ряде эпизодов правительство Тайваня также позиционировало себя как правительство в изгнании).

Данью американской университетской культуре можно считать неожиданное для русскоязычного востоковедного труда столкновение концепций «прав человека» и «реальной политики» в начале книги. Этих концепций приведено всего две, и концепция «прав человека» отмечена как неэффективная (притом что, например, случай Восточного Тимора демонстрирует нечто иное).

Заметным недочетом книги стала ее структура: автор создает целый калейдоскоп лиц, появляющихся лишь эпизодически, но называет их по-разному (например, в случае с Лхаутарой, под тремя разными именами). При этом объяснение, которое позволило бы читателю создать в уме портреты действующих лиц, персонафицировать и запомнить их, отсутствует. Такой подход отчасти искупается наличием фотографий, но он же вступает с этими же фотографиями в противоречие, ведь читателю важно, кто является действующими лицами истории. Возможно, автор считает, что в истории столкновения цивилизаций даты рождения, сведения об образовании и ключевых моментах карьеры политиков ранга министра совершенно излишни?

В названии есть слово «буддизм», но на ее страницах о буддизме говорится в первую очередь как о яблоке раздора между тибетским укладом и китайской экспансией в регионе, но не как о важной составляющей части всех уровней тибетской культуры. В самом деле, замени мы слово «буддизм» на «католицизм» в тексте всей книги, и неискушенный читатель не заметит

особой разницы. Это вовсе не значит, что в рамках книги было необходимо дать обсуждение философских вопросов, однако определенное направление мысли ожидается при взгляде на название работы.

Отметим, что в случае с культом Шугдэна автор делает благородное усилие для описания этой сложной проблемы, в которой неразделимо перемешиваются собственно тибетский буддизм с его культом учителей прошлого и политика. Достойное внимание уделено вопросу политики в отношении буддийского образования в Тибете. А вот тема самого буддийского образования раскрыта скорее как фактография, и неподготовленный читатель может не понять, что же ценно в сохранении традиционного буддийского образования, помимо того, что оно позволяет готовить священнослужителей. Возможно, это некоторая свойственная автору бескомпромиссность при создании труда научного, без оглядки на читателя вне пределов научного сообщества, но многие популярные в общественном сознании темы, как нам кажется, требуют раскрытия ничуть не меньше, чем цифры, говорящие о количестве монахов, обучающихся в образовательных центрах в Тибете. Это, например, обсуждаемый в буддийском сообществе и вместе с тем беллетристически занимательный вопрос о легитимности признания тех или иных перерождений – как, например, вопрос о Панчен-ламе, где интересна сама поисковая партия для обнаружения «альтернативного» Панчен-ламы. В начале книги автор вскользь упоминает о конфликте, предшествовавшем совместной поездке Далай-ламы и Панчен-ламы в Пекин на встречу с Мао Цзэдуном. Между тем этот конфликт и текущие проблемы вокруг трона Панчен-ламы трудно понять без краткого введения в предшествующую историю противостояния Шигацзе и Лхасы и того, как это использовалось, в частности, гоминьдановским правительством.

Столкновение глубоко индивидуалистичной тибетской цивилизации, которая воспитывала своих лидеров с раннего детства и основывалась на избегании причинения вреда, и массовой китайской цивилизации, в которой власть достигалась с помощью карьеры и готова была приносить любые жертвы во имя своей стабильности, – это потенциально неисчерпаемый многоуровневый предмет исследования, в котором в рассматриваемый период все участники находятся в процессе стремительных перемен. Было бы наивно ждать от автора, впервые

выпустившего столь объемный труд и предоставившего широкому читателю столько цитат из первоисточников, столько разноречивых мнений и фактов, что в рамках одной книги он раскроет все темы, которые могут быть тесно связаны с политическими процессами в Тибете. Вслед за этим солидным и ценным исследованием, мы надеемся увидеть дальнейшие труды автора.

*Дмитрий Моренков,
Институт восточных культур и
античности РГГУ*

Книжная серия «Открывая Россию» – победитель Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы

Книжной серии «Открывая Россию / Discovering Russia», выпускаемой издательством «Три квадрата» при финансовой поддержке Института Кеннана, присуждена награда VII Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина». Торжественная церемония награждения победителей конкурса состоялась 18 марта 2011 года в рамках XIV Национальной выставки-ярмарки «Книги России».

С 2005 года в серии «Открывая Россию / Discovering Russia» выпущено 12 фотоальбомов Уильяма Брумфилда, ведущего американского специалиста по российской архитектуре: «Тотьма», «Иркутск», «Тобольск», «Соликамск», «Чердынь», «Каргополь», «Чита», «Бурятия», «Соловки», «Коломна», «Суздаль», «Торжок». Благодаря этим двуязычным фотоальбомам жители не только России, но и других стран мира могут больше узнать о сокровищах российской культуры.

Издания можно приобрести в книжных магазинах или заказать по адресу:

Москва 125319, ул. Усиевича 9,
Издательство «Три квадрата»
Тел./факс: (495) 151-1833
Эл. почта: info@triquadrata.ru
Веб-страница: www.triquadrata.ru

Summaries

Vladimer Papava

Economic Achievements in Post-Revolutionary Georgia: Myths and Reality

The author attempts to show what actual achievements have resulted from economic reforms carried out in Georgia since the 2003 “Rose Revolution,” and to debunk some fundamental myths surrounding these reforms. This analysis leads him to conclude that Georgia can be regarded as a symbiosis of neo-liberalism and neo-bolshevism rather than as a country of liberal reforms. Georgia is not free from corruption; it has developed new and more complex forms of elite corruption. Georgia is not oriented exclusively toward a European model: the country’s leadership has officially declared as one of its goals a “Singaporisation” of the national economy; the government is artificially impeding attempts to establish free trade with the EU. After the war of August 2008, Georgia maintained its economic ties with Russia, including trade relations.

Andrei Kazantsev

The Multi-Vector Nature of Foreign Policies and Geopolitical Uncertainty in Central Asia

Since the breakup of the Soviet Union in 1991, Central Asia has existed as an international region comprising Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan, and by extension as a specific regional subsystem of international relations. Nevertheless the region continues to be characterized by a high degree of “geopolitical uncertainty”, especially with regard to forming a regional identity, determining borders, and identifying international institutions of the corresponding regional subsystem. This kind of uncertainty is one of the most important features of the geopolitical rivalry between key international players fighting for influence in the region since the collapse of the USSR. The author traces the interconnection between geopolitical uncertainty and the multi-vector policies of Central Asian states.

Sergei Prostakov

Ukraine: The Fight for Memory versus National Unity

Since the collapse of the Soviet state, the young national republics have been faced with the task of constructing their own national identities. Appealing to the people’s historical memory is one of the most important tools of national policy. The author believes that in Ukraine the acuteness of issues relating to historical memory and the impact they have on the political process are above average for the post-Soviet space. The paradox of historical myth has revealed itself more distinctly here than in other NIS countries. It was created as a means to national unification of territories with different histories, though in practice it led to the breaking up, rather than the strengthening of the common political space.

Ella Pamfilova

The Current State of Civil Society as a Reflection of the Paradoxes of Modern-Day Russia

Analysis of the fundamental contradictions in contemporary Russia and of the state of its civil society leads the author to conclude that during 2010 the country experienced rapidly growing qualitative changes in the development of its social processes. According to Ella Pamfilova, people are becoming increasingly aware of the necessity

for self-organization and civil solidarity in solving social, ecological, housing and other problems. There is growing resistance in Russia to manipulations practiced by political technologists and imitation of political activity. Political rights and freedoms, as well as the need to defend them, are gaining in importance. For now, the seedlings of such activities are quite fragile and need to be supported, but the author believes that in the near future civil society in Russia will become strong enough to seriously influence the country's political processes.

Vyacheslav Popkov

Russian-Speaking Areas Abroad: Specifics of Formation and Fundamental Characteristics

The mass exodus of emigrants from the Russian Empire after 1917, from the Soviet Union, and subsequently from Russia, led to the emergence of large Russian-speaking communities on the territories of a variety of states. The author argues that at present there are two types of communities in which “Russian compatriots” live abroad. One type is populated by emigrants of the first and second waves, the other – by emigrants of the third and fourth waves. These communities are based not on the ethnicity or citizenship of their members, but on different systems of thought and behavioral orientation underlying the socialization of individuals. Russian language remains virtually the only common feature uniting the two types of community, though it cannot serve as the main integrator, since the other characteristics of these communities do not coincide.

Can Russia Succeed in Building a Legal State?

Presentations by **Georgy Satarov, Lev Ivanov, Igor Klyamkin, Lev Gudkov, Emil Pain, Vladimir Krzhevov and Andrei Medushevsky** at the Seventh Starovoitova Readings

It took several centuries for the West to create the legal state. At the end of the 20th century Russia, by contrast, was faced with the need to accomplish the same feat in a historically short period of time. Some progress was made, including revolutionary changes in legislation and the rise of the human rights movement. Twenty years on, however, progress appears to be insignificant or else nonexistent. Basic elements of the Soviet legal system are still preserved in modern Russian life. The deep roots of old legal concepts and practices, on the one hand, and the poor acclimatization of new varieties on the other, constitute one of the central issues of contemporary Russian social thought. The search for answers to this question was the leitmotif of the Seventh Starovoitova Readings, which took place in November 2010.

Problems of Securing Ethnic Harmony in Russia

Presentations by **Leokadia Drobizheva, Victor Shnirelman, Emil Pain, Yurik Arutyunyan, Irina Semenenko, Vladimir Mukomel', Maria Mchedlova, Igor Kuznetsov and Ivan Sukhov** at the round table in the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

The events that occurred in Moscow's Manezhnaya Square in December 2010, which exposed the build-up of ethnic tensions in Russia, have received wide publicity. How does the academic community evaluate the state of interethnic relations in the country and efforts undertaken by the Russian authorities to harmonize them? What form, in the opinion of Russian scholars, should ethnic policy in Russia take? These questions were discussed at a round table that took place in March 2011.

Приглашаем авторов к сотрудничеству

Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи для следующего выпуска «Вестника» (№ 20, осень 2011) до 1 сентября 2011 года.

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. Шахов М.О. Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. Hamilton G.H. The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; Brumfield W.C. Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 19 / 2011

Сдано в набор 10.05.2011 Подписано в печать 12.05.2011 Формат 70x108/16
Объем 8 п.л. Тираж 750 экз. Печать офсетная. Заказ № 66
Отпечатано на Государственном предприятии Калужской области «Облиздат»
248680, Россия, пл. Старый торг, 5